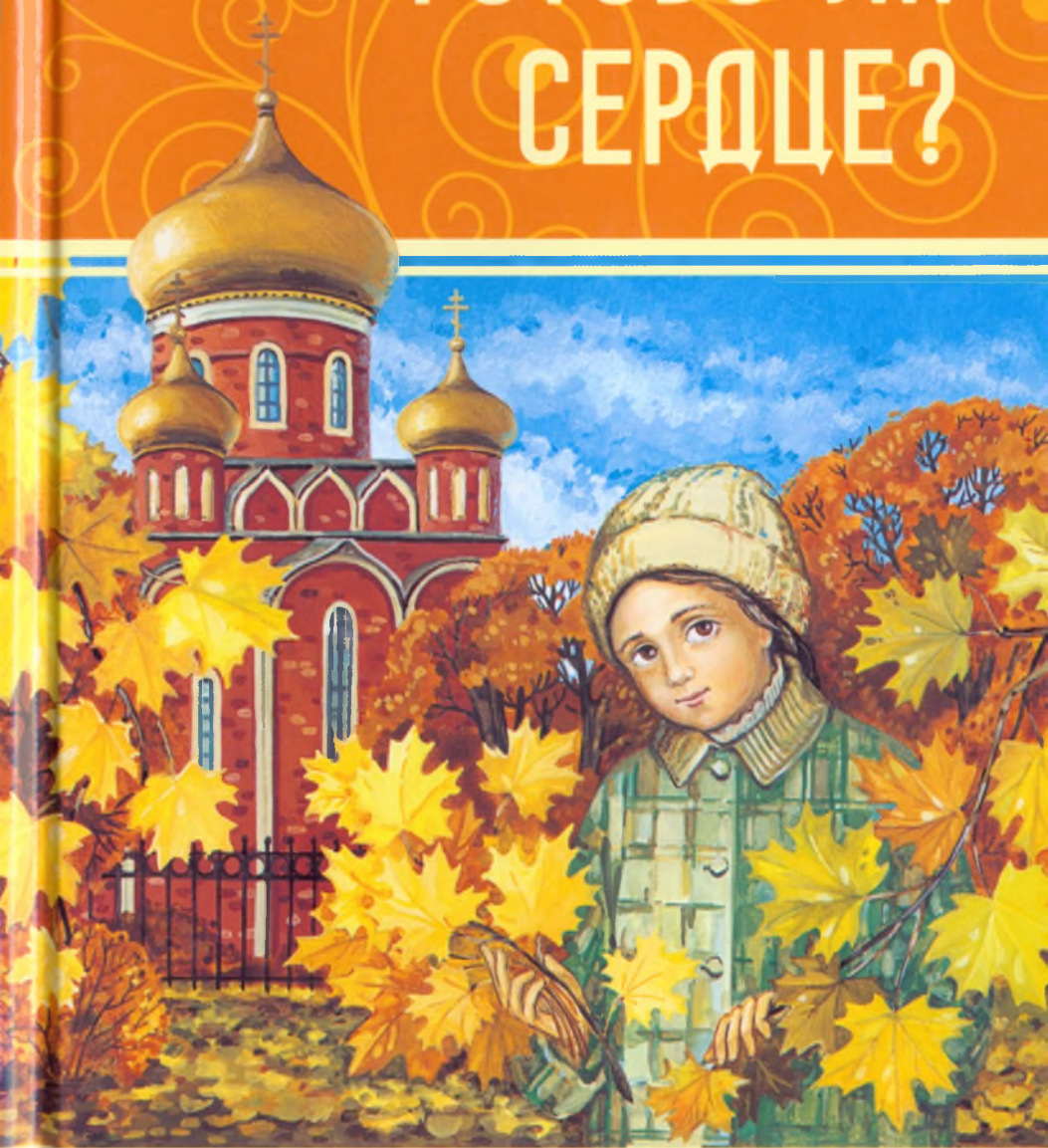

БОРИС ГАНАГО

ГОТОВО ЛИ СЕРДЦЕ?

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ

Б.А. ГАНАГО

ГОТОВО ЛИ СЕРДЦЕ?

СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

Минск • Братство в честь
святого Архистратига Михаила
2011

УДК 23/28

ББК 86

Г 19

Допущено к изданию
Издательским Советом Белорусской
Православной Церкви

*Решение № 439
от 29.03.2011*

*Для среднего
школьного возраста*

Приходила ли к вам мысль, что мы все тоже писатели? Да-да, оказывается, мы давно уже пишем книгу своей жизни. Только по своей ли воле или создаём её под чью-то диктовку?

Как хочется думать, что прошлое лишь черновик, и нам дано будет всё написать заново, начиная с детских лет!

Об этом, и не только об этом в новой книге Б.А. Ганаго «Готово ли сердце?». Она является продолжением книги «Будем как дети», но может восприниматься и как самостоятельное произведение.

Дети, родители, воспитатели и педагоги найдут в новой книге много увлекательных историй и поводов для совместных размышлений.

Вместо предисловия

О чём мечтают дети? Что волнует их сердца? Какая картина мироздания складывается у них в душе?

Об этом, да и не только об этом, думалось, когда рождались страницы книги «Готово ли сердце?». Она в какой-то мере продолжение книжки «Будем как дети», но может быть рекомендована и как самостоятельные «семейные беседы». Дело не столько в её героях, сколько в духовной жажде, живущей в самих читателях. Пришло время заглянуть в себя.

В известном романе Жюль Верна пятнадцатилетний Дик заменил погибшего капитана и успешно вёл корабль к намеченной цели. Но некий злодей Негоро незаметно подложил металлический брусок, и стрелка компаса отклонилась.

Старец Антоний говорил: «Приходит время, когда люди будут безумствовать, и если увидят кого не безумствующим, восстанут на него и будут говорить: он безумствует — потому что не подобен нам».

Ныне всё возрастает и возрастает духовное внимание к компасу нашей души. Какие маршруты он нам предлагает?

В последние годы мне довелось побывать во многих городах Беларуси, бывал и в России, и в Украине. Это были встречи с преподавателями и воспитателями, библиотекарями, читателями. Невольно отмечаешь: интерес к смыслу бытия, как ни пытаются нас от него отвлечь, возрастает. В этих встречах для меня подзарядка, подпитка.

Часто на них звучал один и тот же вопрос: откуда вы берёте сюжеты?

Почему спрашивают об этом? Скорее всего, это вопрос о доверии к прочитанному. Что стоит за строчками — игра воображения или что-то иное? Прочитанное — выдумка или свидетельство очевидца? А кто знает, может, это подсказка свыше? В этих вопросах таится также жажда познания: сердцу так хочется верить в добро.

Итак, откуда берутся сюжеты? Как когда. Порой из памяти о пережитом, из своего опыта, из скитаний своей души, из наблюдений за стремящейся куда-то действительностью. Иногда из прочитанного. Давно замечено: новых сюжетов нет, всё уже было. Однако в свете нового дня и старые сюжеты могут нести новое содержание, новые соприкосновения.

Когда-то, когда я был ещё студентом, один мой добрый знакомый посоветовал мне составлять картотеку из всего, что меня заинтересовало. Теперь этой картотеке более сорока лет. Чего только в ней

нет! Это — особый архив отпечатков жизни. Я за-носил в неё всё, что меня удивляло, что ломало на-вязанные стереотипы восприятия, давало повод к поиску. Обычно эти факты отрицали учёные, но они для чего-то давались нам! Представители науки отмахивались: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Но факты «имели место быть», в том числе и со мной, и в них угады-валось нечто сокровенное. Так в мире лжи по кру-пицам составлялось здание духовного миропонима-ния. Об этом я не мог молчать, хотя до радиопере-дач и книг было ещё далеко. Но всё накапливалось.

Впрочем, и сейчас, просматривая прессу или ста-рые журналы, заметишь какой факт, и он будто пульсирует в памяти, просится на бумагу. Нет-нет, не на бумагу, а к другим искателям смысла. Так что всё берётся из жизни. Только её — жизнь — мучительно пересказывать так, чтоб и другие пере-жили её как открытие. Страницы редко даются го-товыми, хотя и такое бывает. Чаще сюжеты, да и меткие слова вымаливаешь: Господи, я без Тебя ни-чего не могу. Помоги!

Иногда неделями молишь. И вдруг мелькнула мысль, возникло в воображении событие, осознал сущность конфликта... Или словно кто подсказал: возьми на полке такую-то книжку. Ты забыл о ней, но берёшь. Открывается она как раз на той страни-це, где есть надобное, какое-то зерно. Потом из него нечто вырастает. Или только проснулся — и перед тобой промелькнул образ, догадка ли какая посети-ла. И тут не отвлекись, не упустит — улетит! Потом

будешь, перечитывая наброски, беспощадно сокращать, менять, переписывать. Но зерно подсказанное хранишь. Оно — не от ума. Оно — дар! Слава Богу!

Побуждает к поиску, к вымаливанию веяние времени. В атмосфере словно витают проблемы, и ты чувствуешь как задание, как долг откликнуться на них. Откликнулся, но они опять витают, вновь зовут к перу. И тут важно не уходить в суету, не заземляться.

Сколько людей устремляют свой взор на калькулятор, а не на небо, ради которого мы и созданы. Мыслят о временном, а не о вечном, забывая, что «земля и все дела на ней сгорят».¹

Сейчас происходит самое важное — пробуждается духовный интерес к сути, замыслу Божьему о нас. Мы учимся жить ожиданием «нового неба и новой земли, на которых обитает правда».²

*Минск,
29 июля 2005 г.*

¹ 2 Петр. 3:10.

² 2 Петр. 3:13.

Предчувствуя, что именно сегодня послышится неумолимое «дай-ка дневник», Серёжа предусмотрительно его спрятал. И когда всё-таки прозвучали ожидаемые слова, мальчик запротестовал:

— Зачем? Я и так помню, что задано.

— Как же помнишь, когда говоришь, что ничего не задавали? — голос мамы не обещал никакого снисхождения. — Не может быть, чтобы столько дней не было домашних заданий. Давай дневник!

— Я не знаю, где он, — последовал заготовленный ответ, но тут же сестрёнка разоблачила врунишку:

— Ты его под кровать засунул.

— Ябеда!

— А ты — обманщик! — обменялись обычными любезностями брат и сестра.

Возмездие не заставило себя ждать:

— Показывай! Опять, наверно, не заполнен. Так и есть! — мама беспомощно всплеснула руками. — Ну что мне с тобой делать?!

— Выпороть, — посоветовал папа, продолжая просматривать газету.

— Ещё заполнять зачем-то... — бурчал Серёжа.

— Как же не заполнять?! Это же документ, свидетель твоей учебы. Дедушка, поговори с внуком! Учится хорошо, а накопит троек за ведение дневника, сунет его куда-нибудь и говорит — потерял. Покупай, мама, новый!

— Я тоже так делал, — неожиданно признался дедушка.

— Что ты говоришь?! — растерялась мама.

— Ну да. Это же самый простой выход. Когда поумнел немного, испугался, как бы мне тройку за всю мою жизнь не вклеили в особый дневник, в книгу моей жизни.

— Какую книгу жизни? — Тане во всём хотелось разобраться до конца.

— Которую каждый пишет сам, — загадочно ответил дедушка.

— А я не пишу.

— Пишешь, милая.

— Да нет же, не пишу! — недоумевала Таня.

И тут дедушка, как обычно, рассказал историю:

— Иду я как-то по детскому парку. Ребяшки с гор катаются. Вижу, в сторонке мальчик плачет. Рядом никого. Я к нему: «Ты чего, дружок?» Он мне показывает разорванные в клочья учебники, тетради. Пока катался, оставив за горкой портфель, кто-то разорвал их. Зачем?

— Из баловства, — предположил Серёжа.

Но дедушке такая причина показалась недостаточной:

— Ничего себе баловство. Я еле обрывки собрал. Почему этот вредина так сделал, как думаешь?

— Он же за горкой был, надеялся, никто не заметит, не накажет, — размышлял Серёжа.

Дедушка продолжал расследование:

— И ты думаешь, что никто не видел?

— Если он один был, то нет, — попытался поставить точку Серёжа.

— Ошибаешься, голубчик, — дедушка перевёл разговор в другое русло. — Даже если из людей никто не заметил, видел Тот, Кто всё видит. Поступок уже записан в книгу жизни. В ней не то что дела, каждое слово, каждая мысль записываются.

И потом, когда мы предстанем в ином мире пред Судией, Господь скажет: «Дай-ка посмотреть книгу дней твоих, твой дневник, как ты задания выполнял».

— Какие задания? — это слово почему-то всегда вызывало у Серёжи протест.

— Нам ничего не задавали, — тоном непогрешимой отличницы уверенно заявила Таня.

— Ничего? — с хитринкой переспросил дедушка.

Серёжа мысленно перебирал свои возможные долги и голос его прозвучал как-то неуверенно:

— Н-нет...

— Ну посуди сам: мог ли Тот, Кто дал жизнь, не сказать, как жить? — продолжал дедушка.

— Не знаю, — Серёже больше нравилось отвечать, когда всё было ясно, а тут надо было морщить лоб, думать зачем-то.

Чтобы внести ясность, дедушка привёл всем доступный пример:

— Садясь играть в новую игру, ты сначала узнаёшь правила, не так ли?

— Конечно, — свысока отвечивал внук, но и здесь его разоблачила сторонница правды Танюша:

— Он по своим правилам играет.

Тут и мама перешла к вселенским обобщениям:

— Не только он. Почти весь мир резвится по своим правилам. Только любопытно — до чего доиграется?

— Известно, до чего, — опасения мамы разделяла и бабушка. — До полной вседозволенности. Что хочю, то и ворочу...

— Как-то я читала, — вспомнила мама, — то ли ураган, то ли цунами снёс жилища на островке, громадной волной смыло всё, чем можно было питаться. Аборигены умирали от голода. Узнали об их бедствии цивилизованные люди и с самолётов стали сбрасывать им консервированные продукты. Однако туземцы продолжали гибнуть. Бедняги даже не пытались открыть железные банки, не догадались, что там еда.

— Помощь с неба оказалась бесполезной, — подытожила бабушка.

— Неужели и мы, — продолжил дедушка, — как эти туземцы, не воспользуемся подсказкой с неба?

— Какой подсказкой? — Серёжа почувствовал себя в тупике.

— Заповедями Божьими, — дедушка наконец перешёл к главному. — В них дано задание, как нам жить. Но люди мало прислушиваются. И вредина тот скажет:

— Нам ничего не задавали.

Господь нахмурится:

— Я дал тебе жизнь, а ты даже Мои заповеди не знаешь?

— Какие заповеди?

Господь пояснит:

— Божьи заповеди.

Вредина признается:

— Нет, не слышал.

Бог скажет:

— Их всего десять. И ты их не знаешь?

Опустит тот голову.

— На что же ты жизнь потратил? — спросит Господь. — На пакости?

Вредина попробует защититься:

— Я не пакостил.

Тут Господь и покажет страничку его жизни из детского парка, полистает и другие страницы:

— Не хочу читать такой дневник. Порву его и не буду вписывать имя твоё в книгу Вечной жизни. Ведь весь небесный мир на любви держится.

Вот и с нас Господь спросит наш дневник, каждую страницу полистает, посмотрит, достойны ли мы жить в мире добра.

Если же люди живут по Божьим заповедям, то и здесь, на земле, Господь награждает их удивительными дарами.

— Какими? — поинтересовалась Танюша.

— Чего бы ты хотела, милая? Самое большое твоё желание?

— Чтобы мама не болела, и папа, и Серёжка, и бабушка...

— Святым давался дар исцелений. Чего ещё хотела бы?

— Чтобы погода была всегда хорошая, солнышко светило.

— По молитвам святых Бог и это давал — или дождь, если стояла засуха, или тепло, чтоб урожаи росли хорошие. Ты бы чего хотел, Серёжа?

За брата поторопилась ответить сестрёнка:

— Покомандовать кем-нибудь.

— Ты у меня дождёшься!

— Хотел бы ты покомандовать львом?

— Вот было бы здорово! — простодушно воскликнул Серёжа.

— И такое бывало у святых, — улыбнулась бабушка. — Святой Кириак жил в пустыне. Захотел навестить его один писатель. Сопровождал писателя ученик святого. Когда они подошли к месту, где жил старец, встретил их на дороге огромный лев. Перепугался посетитель. Думает — всё, прощай, мама!

Ученик великого подвижника успокаивает:

— Не бойся, брат. Этот лев — послушник нашего отца. Он не трогает тех, кто идёт к старцу в гости.

Действительно, лев отошёл в сторону. Старец обрадовался пришельцу и, узнав про то, как писатель маму вспомнил от страха, стал успокаивать, рассказывал, как лев сторожит его огород от диких коз, а самого старца от разбойников, которые частенько в эти места наведываются.

Когда гость, взяв благословение у святого, уходил, лев опять вежливо уступил дорогу...

— Вот здорово! — удивился мальчуган.

— И такой случай не единственный. Известен другой старец, к которому в пещеру приходил лев, и святой из своих рук кормил его.

— Вот бы мне так! — размечтался Серёжа.

— Кто же мешает? Старцы открыли тайну такого послушания, — как об обычном, повседневном явлении поведала бабушка. — Если бы люди исполняли заповеди Божьи, слушались Господа, то и звери слушались бы их. И не только звери. По молитвам святых во время голода и неурожая даже горькие ядовитые травы становились съедобными.

Терпению папы пришёл конец:

— Ну уж это, извините, чудеса из мира фантастики.

— Да, чудеса. Ну и что? — удивилась бабушка. — Ты, дорогой зятёк, до сих пор к ним не привык?

— Если всё так просто, — с иронией спросил папа, — то почему столько бедствий, страданий? Или уже нет святых, чтобы помолиться за страждущих? Иссиякла их сила?

На это последовал спокойный ответ дедушки:

— Преподобный Серафим Саровский говорил кому-то: «Я могу с Божьей помощью этот камень превратить в золото. Но не буду, ибо это бесполезно душе твоей». Может, страдания и скорби нам гораздо полезнее и даются для того, чтобы все люди вспомнили про заповеди.

Но папу такие доводы не успокоили:

— Над получением золота в средние века десятилетиями работали алхимики, да и современные учёные признают возможность превращения некоторых металлов в драгоценные, только выйдет себе дороже. А тут, помолился — и слиток... Разве не чудо?!

— Чудо, конечно, чудо, — согласился дедушка. — Кто спорит?

— Вот если бы мне научиться превращать камни в золото, я бы... — размечтался Серёжа, — я бы...

— Что — я бы? — перебила бабушка. — Разве не к нам обращены слова Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе».¹

— А как это — собирать сокровища на небе? — захотела немедленно узнать Танюша.

¹ Мф. 6:19–20.

— А вот послушай. Один индийский купец искал архитектора, который мог бы построить величественный дворец для царя. Апостол Фома сказал, что мог бы это сделать. Царь доверил ему постройку, указав место и снабдив золотом и серебром. Святой апостол немедленно раздал деньги нищим, поручив им молиться за царя, а сам продолжал проповедовать слово Божье. Прошло время, кто-то доложил властелину, что стройка успешно идёт, остаётся лишь завершить кровлю. Возликовав, царь послал апостолу ещё больше золота. Святой Фома и это богатство раздал бедствующим от голода.

Но вдруг повелитель узнаёт, что Фома обманывал его, что стройка вовсе не начиналась. Разгневанный государь обрушился на апостола:

— Где дворец, который ты должен был построить?

Святой ответил, что дворец уже готов, но увидеть его можно только на небе.

Посчитав себя осмеянным, царь повелел бросить апостола в темницу. А сам стал решать, какой страшной казни предать обманщика.

Однако внезапно заболел любимый брат царя. На какое-то время душа его покинула тело, и ему были показаны жилища для святых и праведников на небесах. Ангел, сопровождавший его, предложил выбрать любое из них. Брат царя указал на одно из самых прекрасных строений. Ангел сказал, что оно уже приготовлено для его брата-государя.

Придя в себя, больной поспешил поведать об
увиденном брату. Государь, услышав, что апос-
тол построил ему великолепное жилище на не-
бе, не только освободил его из темницы, но и
просил прощения.

Святой Фома, по просьбе царя, рассказал ему
о христианской вере и крестил его.

Помощь с неба

Посмотрев внимательно на аквариум, дедушка поинтересовался:

— Серёжа, куда девался твой сомик?

— Он погиб.

— Как так?

— Да не знаю. Выныривал, выныривал...

Потом выскочил из аквариума, ударился.

— И что?

— И всё...

— Почему?

— Ты что, не знаешь? Он только в воде жить может.

— Да?

— Ты что, дедушка? Он же не приспособлен дышать здесь.

— Где — здесь?

— Где мы. Мы же лёгкими дышим, а он — жабрами. В воде другие условия, — удивляясь дедушкиному незнанию, объяснял внук.

— Что ты наивным прикидываешься? — не выдержал папа. — Скажи прямо, что хотел бы поговорить на свои излюбленные темы, что есть не только наш мир, в котором мы живём, но и другой.

— Совершенно верно, — охотно согласился дедушка, — и у каждого мира свои законы.

— Вот именно, в данном случае — две стихии: водная и воздушная, — папа пояснял сыну. — Эти стихии существуют рядом, почти не касаясь друг друга.

— Но некоторые обитатели этих стихий могут переходить из одной в другую, — уточнил дедушка. — Возьмём лягушонка. Он может прыгать по земле, но может находиться и в воде. Две стихии ему нипочём. Он свободно переходит из одной в другую.

— Ты куда опять клонишь? — насторожился папа.

— Да, конечно, рыбам это кажется чудом. Что такое — вдруг лягушонок с неба свалился! Так порой невидимый духовный мир является нам. Кто говорит чудо, кто — случайность.

— Ах, вот ты к чему! — усмехнулся папа. — Ну-ну, сейчас последует очередная сказочная история. Желающих послушать прошу устраиваться поудобнее.

— Да нет, сынок, история совсем не сказочная, хотя в ней таится нечто явно чудесное. Она произошла с одним молодым человеком, будущим священником.¹

* * *

Сергей, возвращаясь домой в деревню, проходил полем мимо пастухов. А в тех краях часто одиноких путников грабили. Вот и встретившиеся ему пастухи — один высокий, худой, другой пониже, плотный, — исподлобья его осмотрели.

¹ По рассказу о. Сергия (Толгского) «Зачем бежала белочка?»

С ними был ещё мальчишка-подпасок. Сергей миновал мост и поравнялся с густой дикой рощей. Мрачные места, непроходимые. И вдруг он видит маленькую белочку. Ему захотелось её поймать. Сергей бросился за ней, она ускользнула и взобралась на громадное, в два обхвата, дерево. Белочка поглядывает чёрненькими глазёнками на молодого человека, словно чего-то ожидая. И тут он заметил, как по мосту рысью скачут пастухи. Сергей спрятался — ох, неспроста они так стремительно проскакали! Он опять посмотрел на белочку. Так хотелось принести её братишке! Та задрала свой пушистый хвостик и словно подзадоривает — попробуй-ка поймай!

Серёжа зовёт её: цок-цок-цок! Белочка прислушалась и стала спускаться. Он попытался схватить её, но она взобралась выше и опять озорно поглядывает.

Сергей присел и стал попискивать, подражая детёнышам. Белочка осторожно приблизилась.

И вновь послышался конский топот. Серёжа притаился. До него отчётливо донеслось:

— Вот досада! Ускользнул малый.

— Ты заметил часы на цепочке, золотые очки?

— А пальто, штиблеты...

— И деньжата наверняка при нём.

— Как упустили, а?

— Наверное, тропой какой улизнул.

Когда всадники скрылись, Сергей признательно посмотрел на белочку. Она, махнув хвостом на прощанье, исчезла в густых ветвях.

Сергей со слезами поблагодарил Господа за спасение и направился домой.

— Ну, конечно, папа скажет, что белка оказалась на дороге совершенно случайно.

— А как же иначе? — засмеялся папа.

— Это нетрудно было предвидеть, — кивнул головой дедушка. — А что думают о белочке дети?

— Её Бог послал, чтобы спасти будущего священника, — уверенно заявила Таня.

— Устами ребёнка глаголет истина, — согласилась бабушка.

— «Блажен, кто верует, тепло тому на свете», — иронически процитировал папа.

— Да, воистину счастлив, кто верует, — подтвердил дедушка без тени иронии. — И счастлив не только потому, что имеет духовные очи, видит то, что сокрыто от других, но и потому, что постоянно призывает помощь свыше и получает её.

Лет двадцать назад в «Неделе» я прочёл заметку об одном поразившем меня случае. Если рассказать, то ты вряд ли поверишь, сынок, опять скажешь — случайность.

— Вполне возможно, — сухо предупредил папа.

— Можешь ли ты представить, чтобы человек после падения с высоты семи тысяч метров остался жив? — спросил дедушка и выжидающе посмотрел на сына.

— Это, конечно, невероятно. Однако, если он упал в воду, в стог сена... — папа искал смягчающие обстоятельства, — то...

— Нет, он упал на гору.

— Даже? — усмехнулся папа. — И как это произошло?

— Самолёт взорвался на высоте семи тысяч метров. Стюардесса по имени Вёска в момент взрыва оказалась в хвостовой части воздушного судна. Все пассажиры, все члены экипажа погибли, и только Вёска именно в этот момент была далеко от взрыва. Самолёт превратился в обломки, а хвост его, в котором и находилась Вёска, начал плавно спускаться.

— Вполне возможно, — кивнул папа. — Он спланировал, и всё. Причём здесь чудо?

— Был мороз, — продолжал рассказ дедушка. — Ещё одна опасность — вероятность замёрзнуть. Вёска без сознания. Кто может помочь в горах? Однако грохот взрыва услышал лесоруб, который поспешил на помощь. Новая опасность: потяни он за торчащие ноги, всё бы кончилось трагически. У Вёски были сломаны руки, позвоночник, пробита голова. Прояви малейшую неосторожность — и всё. Лесоруб укрыл девушку своей курткой, а сам, раздетый, пошёл за врачом. Каждый ли встречный отдал бы на морозе в горах свою верхнюю одежду? Но Вёску словно кто-то охранял. Даже в безлюдных горах ей встретился хороший человек. Или это тоже случайность?

— Хороших людей, готовых помочь, много, — уверенно заявил папа.

— Допустим, — согласился дедушка и продолжил: — Прибывший врач в течение часа на морозе массировал сердце.

После операции, сделанной уже в больнице, какое-то время девушка оставалась неподвижной. Позже, благодаря усилиям врачей, она снова стала ходить. Интересно было бы узнать, что с ней теперь. Ей так хотелось летать. Её звало небо.

Можно ли назвать всё происшедшее с Вёской случайностью?

— Почему бы и нет? — папа оставался непоколебимым. — По теории вероятности и не такое возможно.

— Но что ты скажешь об исцелении ангелом мальчика от белокровия? — с вызовом спросила супруга мама.

Папа, поморщившись, махнул рукой:

— Ну, это из той же серии, о которой мы уже говорили: фантастика, не имеющая никаких подтверждений.

— Вот и нет, — возразила мама. — Ангел даже был сфотографирован, и фотографию исследовали эксперты. Они не смогли опровергнуть её подлинность.

* * *

Врачи предсказывали, что пятнадцатилетнему Патрику жить осталось не более двух недель. Мальчуган уже лежал без сознания. Роди-

тели его, зная, что надежды на медицину нет, горячо молились об исцелении сына.

— Было утро, — рассказывала французским журналистам мать мальчика Екатерина Кляйн. — Я попросила мужа Уильяма сделать несколько снимков нашего сына. Муж приготовил фотоаппарат к съёмке, и в этот момент мы услышали удивительный голос, который доносился из комнаты, где был Патрик.

— Когда мы вбежали к нему, — продолжил рассказ Уильям, — мы увидели высокого седовласого старца в белой одежде. Фигура была полупрозрачной, как бы нереальной, излучала тёплый свет.

Родители замерли. Старец успокоил их:

— Я пришёл помочь вам. Ваш сын не умрёт.

Затем он вознёс над больным руки. Мальчик пришёл в себя, открыл глаза, улыбнулся.

Уильям нечаянно нажал на спуск фотоаппарата. Небесный посланник строго взглянул на него. Муж и жена упали на колени, прося прощения.

— Прощаю вас, — сказал ангел. — Молитесь и благодарите Бога, что меня послал. Расскажите миру, что Божий ангел исцелил вашего сына.

Фигура его как бы растаяла, оставив фосфоресцирующий свет и запах полевых цветов.

Патрик сел, протянув руки к родителям, счастьем которых не было предела. Мальчуган не только выглядел здоровым — доктор, лечив-

ший его, не находил в нём и следов болезни. Внезапное исцеление медики объяснить не могли. Когда же проявили плёнку, то сенсация стала мировой. Известные французские криминалисты заявили, что снимок подлинный, а запечатлённая фигура не может быть обыкновенным человеком.

В каком я духе?

— **Что** это у нас последние дни кошка по квартире носится? — вздрогнув от неожиданности, спросил дедушка.

— Это Серёжка её дрессирует, — засмеялась Таня.

— Чего же он от неё хочет?

— Чтобы команды его выполняла, как лев у старца.

— Ну и как, Серёжа? — участливо осведомился дедушка.

— Да дурная она.

— Сам дурной! Хватает её за хвост и командует. Кошка от него как угорелая убегает, — засмеялась Таня.

— Да-а... — посочувствовал дедушка. — Почему же не слушается?

— Дура, и всё, — заключил Серёжа.

— Тебе бы льва, — посоветовал папа. — Он умнее.

— А что?! — задумался Серёжа. — Лев, конечно, умнее.

Папа счёл, что надо охладить пыл сына:

— Да он бы тебя без горчицы слопал.

— Если бы он был маленький... — мечтательно сказал мальчуган.

— Думаешь, слушался бы? — деловито поинтересовался дедушка.

— Я бы его приучил! — уверенно заявил Серёжа.

Тут уж не удержалась бабушка:

— Приучил... Разве преподобный Серафим Саровский медведя дрессировал? А тот даже за мёдом для него в лес ходил.

* * *

Пришли как-то к преподобному в его лесную избушку две монахини. Разговаривают с ним. Вдруг из-за кустов — медведь. Перепугались, бедненькие, замерли. Святой Серафим и говорит зверю:

— Что же ты, Мишенька, гостей моих пугаешь? Сходи-ка принеси медку, чтобы их утешить.

Медведь сразу ушёл, а через часик приходит с мёдом. Похвалил его старец, дал кусок хлеба и отправил назад в лес.

— Почему же медведь человека без дрессировки слушал? — дедушка не упустил случая призвать детей к размышлению. — Может, ты не в том настроении был, вот кошка от тебя и убежала?

— В каком не таком? — высокомерно спросил Серёжа.

— Дрессировщик кошек, известный клоун Юрий Куклачёв говорил: «Когда я возвращаюсь домой не в духе, кошки от меня — врассыпную».

Однако приятели, одержимые дикой жаждой крови, усадили его рядом. Всё вокруг кипело свирепым наслаждением. Алимпий, желая сохранить свою душу от зла, закрыл глаза. «О, — воскликнул блаженный Августин, — если б он заткнул и уши!» Услышав неистовый вопль трибун, побеждённый любопытством Алимпий открыл глаза. И душа его была поражена раной более тяжёлой, чем тело гладиатора.

Как только он увидел кровь, он упился свирепостью. Алимпий не отвернулся, а глядел, не отрывая глаз, он неистовствовал, не замечая того, наслаждался преступной борьбой, пьянел кровавым восторгом. Алимпий был уже не тем человеком, который пришёл, а одним из толпы. Он смотрел, кричал, горел и унёс с собой безумное желание вновь и вновь видеть кровь. Теперь он не только ходил с теми, кто увлёк его сюда, он увлекал за собой и других.

— И сейчас миллионы людей отравляют себя, впуская в своё сердце зрелища убийств, насилия и разврата. Что станет с их душой? Что она будет излучать в мир?

— Я вот думаю, что излучали своим сердцем старцы, которым покорялись самые свирепые звери, — начала своё повествование бабушка.

* * *

Около одного монастыря было пастбище, где паслись овечки. И повадился туда медведь. Сначала он съедал только одну, но потом жажда

крови настолько овладела им, что он убивал бедняг десятками и просто бросал.

Тогда настоятель монастыря пошёл один в лес. Долго его не было. Потом вернулся, а за ним — медведь.

Монастырская братия так и ахнула. Лёг косолапый у крыльца и покорно ждал своей участи.

На следующий день старец вместе с медведем отправился в Москву, к патриарху.

Раньше бывало, что водили зверей потехи ради на ярмарки, но водили обычно в цепях. А тут дивился народ — идёт старец, а за ним смиренно плетётся здоровенный мишка. Даже собаки на него не лаяли. Стадо коров не разбежалось, лишь посмотрят с любопытством и опять за травку примутся.

Добрались они до патриаршего подворья. Когда о них доложили патриарху, тот вышел на крыльцо и сказал:

— Не смей трогать монастырских овец. Господь и без них тебя пропитает.

С тех пор медведь ни одной овечки не тронул. Когда ему не хватало корма, подходил к монастырю, и братья его чем-нибудь угощали.

Об этом сохранилось свидетельство в летописи Хутынского монастыря. А монахи не могут лгать. Они Бога помнят, чтут Его заповеди.

— Если бы все мы чтили Его заповеди, то вновь оказались бы в райских обителях, —

вздохнула мама. — Но в святые места с нашим настроением не пустят, как не пустила Марию Египетскую невидимая сила в храм. Большой грешницей она была. Увидела, люди идут для поклонения святыне, и она с ними. Все входят в церковь, а её что-то не пускает. Взмолилась к Божьей Матери, обещала исправить свою жизнь. Тогда лишь смогла войти. И действительно исправилась. Подвиг покаяния совершила. Святой стала.

— Несколько лет назад, — дополнила бабушка, — некий турист, пожелавший побывать на святой горе Афон, никак не мог сойти с корабля на берег. Он словно поднимался по эскалатору, спускающемуся вниз. Шагал, шагал, а всё оставался на одном месте. Старался изо всех сил, руками махал, будто боролся с какой-то невидимой стражей, но... Измучившись, вынужден был отказаться от своих планов. Видевшие это так и остались в недоумении — все благополучно спустились на берег, а этого будто кто-то не пускал. Почему? Может, цели или настроенность у него были не мирные? Не знаю, не знаю... То Господу известно.

А вот Мария Египетская была допущена к святыне, ибо желание изменить себя у неё возникло. Всё и начинается с мыслей, с желаний.

Святитель Василий Кинешемский рассказывает об одном мальчике, спасшем родную страну от наводнения. Дело в том, что Голландия находится ниже уровня моря, ограждённого

дамбами. Когда-то вся страна была покрыта водой. Но жители оттесняли море, создавая плотины. Представляете, если они, не дай Бог, прорвутся! Поэтому жители постоянно следят за ними. Впрочем, святитель Василий сам прекрасный рассказчик. Послушаем его.

Дедушка поправил очки и начал читать.

* * *

Однажды ночью морским берегом шёл маленький мальчик. Дорогу домой он знал хорошо, и ночь его не пугала. Вдруг необыкновенный шум привлек его внимание, слышался плеск и журчание воды, как будто струился ручеёк. Он постоял, прислушался и бросился к плотине. Каков был его ужас, когда он увидел, что в одном месте плотина дала течь, и бойкая струйка воды, непрерывно увеличиваясь, была здесь фонтаном.

Что было делать? Мальчик понимал всю опасность и знал, что если эту струйку не остановить, то вскоре она превратится в сокрушительный поток, который размочит плотину и затопит страну. Он огляделся по сторонам. Далеко направо и налево тянулось пустынное побережье, на котором в этот час не было ни души. Помощи ждать было неоткуда. Ближайшие дома находились далеко от берега, и пока мальчик добежал бы до них, опасность могла неизмеримо увеличиться.

Тогда, недолго думая, он снял свою куртку, туго обернул ею правую руку и заткнул дыру.

Течь остановилась. В воздухе стояла пронизывающая сырость. Мальчик скоро стал зябнуть. Сырая, заплата́нная рубашонка почти не согрела. Он весь посинел, зубы выбивали мелкую дробь, рука затекла и онемела, но мальчик мужественно оставался на своём посту. Он знал, что если вынет руку, то вода хлынет с новой силой, и — кто знает? — может быть, погибнут его родители, его маленькая сестрёнка, его друзья...

Уйти он не мог, хотя бы пришлось умереть...

Когда утренний сторожевой обход заметил его маленькую фигурку под плотиной, мальчик уже почти не мог двигаться — так он заоченел.

— Что ты там делаешь, малыш? — крикнул ему один из сторожей.

Малютка взглянул на него и, едва разжимая губы, тихо проговорил:

— Я держу море.

Это была буквальная правда. Маленький герой спасал свою родину от морского наводнения и верной гибели. Если б не он, морские волны погребли бы в своей холодной пучине всю страну с её трудолюбивым населением и цветущими полями.

В наступившей тишине задумчиво прозвучали слова Тани:

— Такого мальчика Бог с радостью встретит.

— Да... — согласно кивнул дедушка. — Это не кошками командовать.

— Подумаешь! Да я бы на его месте тоже эту дырку заткнул, — храбро заявил Серёжа.

— Вон у нас какой герой растёт, — усмехнулся папа, — кошачий командир, а собой командовать не может.

— Как это не могу?

— Да так. Запрещали тебе телевизор смотреть, а ты опять его включал?

— Ну и посмотрел. Что тут особенного?

— Что особенного? — переспросил дедушка. — А то, что не хочешь беречь свою душу.

* * *

Удивлялась одна женщина. Зашла с сыном в церковь, куда ни сама не ходила, ни своего ребёнка не водила. Только принесла крестить, когда ему исполнилось два месяца. В доме никто о вере не говорил.

И вот в полтора годика малыш оказался с мамой в доме Божьем. Мама не знала, как себя вести в храме, а сынок, подходя к иконам, называл имена святых, с молитвой обратился к Божьей Матери.

— При его рождении, — вспоминала мать, — у дитяти на лобике была складка в виде крестика, потом исчезла.

Печально, но мама в храм больше своё дитя не приводила. Может, потому крестик на лбу и исчез?

Откуда он знал имена святых на иконах? Тайна. Но не зря говорится, что душа по природе своей христианка.

* * *

«Я знал одного мальчика, — писал старец Силуан. — Вид его был ангельский: смиренный, соvestливый, кроткий, личико белое с румянцем, глазки светлые, голубые, добрые и спокойные.

Но когда он подрос, то стал жить нечисто и потерял благодать Божью, и когда ему было лет тридцать, то стал он похож и на человека, и на беса, и на зверя, и весь вид его был страшный.

Знал я также одну девицу очень большой красоты, с лицом светлым и приятным, но из-за грешной жизни потеряла она благодать, и стало скверно смотреть на неё.

Но видел я и другое. Видел я людей, которые пришли в монастырь с лицами, искажёнными от грехов и страстей, но от покаяния и благочестивой жизни они изменились и стали очень благообразными.

Так грех искажает человека, а благодать красит».

— И не просто красит, а меняет, преображает его. Душа начинает внутренне светиться, если море пошлости, хлещущее с экранов, не затопит её.

— Как это — светиться? — удивилась Таня.

— Ты видела нимбы у святых на иконах?

— Да.

— Так порой светятся и подвижники веры. Когда святитель Нектарий Эгинский молился, то от него, бывало, исходило золотое сияние, и даже иногда полыхали огненные языки. Однажды его приёмный сын, увидев их, испугался и закричал: «Пожар! Пожар!»

Но это был не земной, а небесный огонь.

Теремок души

Соорудив домик из кубиков и вылепив из пластилина различных зверюшек, Танюша увлечённо играла.

В чистом поле
Теремок-теремок.
Он не низок, не высок.
Шла лягушка из болота,
Видит: заперты ворота.
Эй, замочек, отвались, отвались,
Теремочек, отворись, отворись!

Танечка не только держала в руке маленького лягушонка, но и сама пыталась превратиться в него, говоря:

Кто-кто в теремочке живёт?
Кто-кто в невысоком живёт?

Лягушонок осторожно вошёл в домик.

Ква-ква! — Тишина...
В теремочке я одна.
Хоть кругом не очень сыро,
А хорошая квартира!

Потом в этой «квартире» оказались мышка, петушок, ёжик.

Дедушка и бабушка, вспоминая своё детство, с интересом наблюдали за игрой внучки, тем более что там явно назревали бурные события — в теремок рвался грозный волк. Но зверюшки, прежде чем открыть дверь, устроили ему допрос:

А что ты умеешь делать?

Танюша басом ответила за волка:

Ловить мышат!
Давить лягушат!
Ежей душить!
Петухов потрошить!

И тут Таня голоском мышки пропищала:

Уходи, зубастый зверь,
Не ломись ты в нашу дверь!
Крепко заперт теремок
На засов и на замок.

В руках у Тани оказались все ликующие обитатели домика.

Мы прогнали злого вора!
Ку-ка-рэ-ку! Ко-ко-ко!
Убежал он далеко,
Припустил во все лопатки
Удирает без оглядки.¹

— Ну, молодцы, ребятки-зверятки, не впустили к себе злого хищника, умницы, — порадовалась бабушка.

¹ Стихи С.Я. Маршака.

— А знаете ли вы, дорогие, — спросил де-
душка, — что каждый человек — это тоже
своеобразный теремок?

— Как это так? — удивился Серёжа.

— Ты никогда не лепил человечков из пес-
ка, глины, земли?

— Лепил.

— Ну и как, получалось?

— Конечно.

— Да? Они ходили, разговаривали, учились?
Серёжа недоуменно взглянул на дедушку.

— Нет? И у меня не получалось. А Господь из
горсти земли сотворил прекрасное создание —
человека. Да-да, как ни странно, но Адам, пер-
вый из людей, был создан из праха земного. Но
одного тела оказалось маловато. Его надо было
ещё оживотворить, а то...

— А то получился бы лежебока, как у
Джанни Родари:

В понедельник я проснулся,

А во вторник я зевнул,

В среду сладко потянулся,

А в четверг опять заснул.

Спал я в пятницу,

В субботу не ходил я на работу.

Но зато уж в воскресенье

Спал весь день без пробужденья!¹

— Это про Серёжку! — воскликнула Таня.

¹ Перевод С.Я. Маршака.

— Тебя саму хоть за ноги с кровати стягивай, — защищался брат.

— Зато ты обжора-прожора. Мама с бабушкой не успевают готовить. Лопаешь, как Робин-Бобин-Барабек, который съел и корову, и быка, ещё там что-то, «а потом и говорит: у меня живот болит».

— Сама уплетаешь не хуже Робина-Бобина, только подавай!

— О любви к животу есть один рассказ, — припомнила бабушка. — Он не про наших внуков, но послушать его и им будет полезно.

* * *

Когда девочка была совсем маленькой, мама всё хлопотала об её здоровье. Чуть детка проснётся, ей сразу подносилась целая грудка пончиков. Один — с вишнёвым вареньем, другой — с клубничным, третий — с абрикосовым. Вкуснятина!

Девчужка и уплетала за обе щёчки, пока сама не стала, как пончик.

Мама не нарадуется, знакомым хвастается, какая у неё дочка пышненькая.

Но со временем заметили, что девочке стало трудно с постели подниматься, ходить всё труднее и труднее. Попробуйте-ка потаскать лишний пуд-два!

А с годами она и в ванну забраться не могла.

Встревожилась мама: лечить надо. Добралась до аэродрома, а бедняжка в самолёт не может протиснуться — двери для неё узкие.

Так и не побывала в небе.

— Читала я когда-то притчу про птиц, — припомнила мама.

* * *

Рассыпав приманку, расставили птицеловы сети и ушли.

Утром смотрят, в них полно диких голубей: шумят, рвутся на свободу, изнемогают от напрасных попыток вырваться — ячейки в сетках слишком узкие.

Огорчил птицеловов улов — уж больно худые голуби. Таких не продать. Решили оставить на несколько дней, чтобы поправились. Дали им корма вволю, воды. Голодные птицы жадно набросились на зёрна. Только один не стал ни клевать, ни пить. Все жирели, а он худел да пробовал вырваться из плена. Наконец так отоцал, что смог проскользнуть на свободу и взмыл в небо.

А тут птицеловы пришли за ожиревшими. Им уже не суждено было летать. Их ждал либо котёл, либо сковородка.

— Вот и наша душа рвётся к небу, пока не попадёт в земные сети, — сравнил дедушка. — Когда Господь сотворил из праха земного тело, Он «вдунул в него дыхание жизни, и стал человек душою живою»,¹ — говорится в Библии о создании Адама. Итак, телом мы земные, а духом — небесные. Вот почему наша душа и стремится к небу.

¹ Быт. 2:7.

— Часто говорят: душевный человек, бездушный, а что такое душа? — спросил папа.

Дедушка охотно ответил:

— Это способность мыслить — ум, способность чувствовать — сердце и способность совершать поступки — воля. Без них человек лишь пустой сосуд, незаселённый теремок. И главный вопрос — кто в нём поселится. Одно дело — лягушка-квакушка с добрыми делами, другое — злой волк.

— Как-то в газетах сообщали об одном странном грабителе, — поделился своими размышлениями папа. — Он действовал подобно роботу, выполняющему заложенную в него программу.

Грабитель ворвался в банк и, угрожая оружием, приказал всем лечь. Не моргнув глазом, спокойно убил директора, пытавшегося его обезоружить, забрал деньги и скрылся. Вскоре преступника арестовали. Свидетели и следователи обратили внимание на автоматизм его поведения.

Врач установил, что грабитель находился в гипнотическом состоянии. Позже выяснилось, что просто забавы ради он позволил приятелю загипнотизировать себя. Тот усыпил его сознание и вложил в него свою волю. Эти «забавы» привели к тому, что человек стал зомби, послушным исполнителем прихотей своего жестокого «друга».

— Так что же получается? — заметил дедушка. — Кого мы впустим в душу как друзей,

кто поселится в ней, тот и управляет телом. Не так ли?

— В рассказе «Кто твои друзья», — вспомнила бабушка, — говорится...

* * *

Митя был незлой мальчик, но уж очень любил драться, и во время драки приходил в такую ярость, что мог бросить в товарища всё, что находилось у него под рукой.

Больше всего доставалось от него старшему брату. Тот одной рукой мог бы справиться с Митей, но не хотел связываться с малышом. Поэтому, не обращая внимания на его наскоки, часто уходил в другую комнату, что ещё больше злило Митю.

И вот, без всякой причины, Митя снова забросал брата машинками и кубиками. Брат усадил его на диван, щёлкнул по лбу и ушёл.

Митя сидел на диване и думал: «Ну почему я такой? Как в стихотворении, которое читала мне мама: «Драка так и лезет из меня».

Вдруг вся комната осветилась, и в ней появился красивый юноша.

— Митя, — промолвил он, подходя к дивану, — хочешь, я покажу тебе, с кем ты дружишь?

Сразу же хлопнула дверь, и в комнату вбежала девчонка, грязная, в рваном платье, с синяками на лице. Она беспорядочно махала руками и что-то кричала.

— Это твоя драка, — сказал юноша.

И драка села с левой стороны от Мити.

С шумом вошёл в дверь мальчишка. Его волосы были всклокочены, изо рта шёл дым и вылетали искры. Мите даже стало страшно.

— А это твой гнев и ярость.

И мальчишка сел рядом с дракой.

Дверь медленно открылась, и в неё почти вполз парень. Его руки и ноги были как на шарнирах, а тело изгибалось, как итальянская макаронина. Он плюхнулся рядом с мальчишкой и девочкой.

— Это твой лень, — печально вздохнул юноша.

Тихо и неслышно ступая, подозрительно оглядываясь по сторонам, прокрался ещё один мальчишка. У него были злые глаза, сморщенное, как у старика, лицо и тонкие хитрые губы.

— Это твой ложь.

Но вот в комнате появилась девочка, совсем не похожая на первую. Она была так мила, её светлые голубые глаза сияли, радостная улыбка играла на губах.

— Это твоя доброта, — сказал юноша, и девочка села с правой стороны от Мити.

Вошёл мальчик. У него было крепкое тело, смелый и решительный взгляд. Мите сразу же захотелось познакомиться с ним.

— Это твои храбрость и мужество.

И мальчик сел рядом со светлой девочкой.

В дверях показался мужчина. У него был немало усталый вид, но какие сила и твёрдость исходили от него!

— Это твоё трудолюбие.

И мужчина сел с правой стороны от Мити.

Наконец появилась женщина. Она была такая красивая, ласковая и добрая, ну совсем как мама, когда бывает в хорошем настроении.

— Это твоя любовь.

И любовь села также с правой стороны.

— Ну так что, Митя, — спросил юноша, — с кем ты собираешься дружить? С теми, что сидят у тебя с левой стороны, или с правой?

— С правой! С правой! — закричал Митя и открыл глаза. Долго он сидел на диване, не понимая, явь это или сон.

«Это не сон, — решил Митя, — это приходил мой ангел-хранитель, о котором мне рассказывала бабушка. Он показал мне, какие ужасные драка, ярость, лень и обман. Я не хочу с ними дружить!»

Митя соскочил с дивана и побежал к брату мириться.¹

— Вот какие «друзья» бывают. Лишь выбирай! — усмехнулся дедушка. — И летают они вокруг нас тучами. Сначала в мысли наши стучатся. И если мы не спросим их: кто ты — добрый ли друг, что умеешь делать, они и внутрь нашего теремка заберутся, в сердца наши. А оттуда их не так просто выгнать, только на исповеди с помощью молитв священника.

¹ Рассказ Л.И. Ганаго.

Умению различать этих невидимых гостей надобно учиться. Это умение и называют духовным зрением.

Им обладала московская старица блаженная Матронушка.

Сама слепой родилась. На груди у неё из складочек тела крестик был. Молитвенницей стала с детства. Подружки дразнили её, крапивою стегали. Она перестала с ними играть, всё молилась, в церковь ходила, и с матерью, и сама добиралась.

С восьми лет у неё открылся дар духовного зрения, дар исцеления больных.

К семнадцати годам её ноги перестали двигаться. Какая-то женщина подошла к ней и что-то сделала. Матронушка заранее знала, что та к ней подойдёт, но не сопротивлялась, понимая, что такова воля Божья. Все дальнейшие пятьдесят лет она была прикована к постели. Своего угла не имела, скиталась по каморкам знакомых, от властей прячась. Бывало, от холода волосы на голове к стене примерзали.

Но никогда не роптала Матронушка, всем помогала, всех утешала. Видела духовным взором судьбы людские, видела духов невидимых. Пространства для неё не существовало.

Однажды обратилась к ней Зинаида Жданова, студентка последнего курса архитектурного института. Зине дипломный проект завтра по-

казывать комиссии, а руководитель за что-то её невзлюбил, хотел провалить защиту диплома. Девушка в слезах — к Матронушке, рассказывает про беду: отец в тюрьме, маму содержать надо. Надеюсь, защитит диплом, зарабатывать будет, а теперь...

Матронушка позвала её вечером чай пить, да и говорит:

— Поедем мы с тобой в Италию, во Флоренцию, в Рим, посмотрим творения великих мастеров.

А сама блаженная старлица не только слепая, но и совершенно неграмотная была. Вот так-то!

И начала перечислять улицы, здания:

— Вот палаццо Питти, вот другой дворец с арками. Сделай так же, как и там — три нижних этажа здания крупной кладкой и две арки въезда.

— Я была потрясена её ведением, — рассказывала Зинаида. — Утром прибежала в институт, наложила кальку на проект и коричневой тушью сделала все исправления.

В десять часов пришла комиссия. Посмотрели мои чертежи и говорят:

— А что, ведь проект получился, отлично выглядит, — защищайтесь!

Все дары давались по молитвам. У Матронушки на лбу даже ямочка образовалась от трёх пальцев — так часто она крест на себя накладывала, защищаясь от злых сил и прося Господа и Божью Матерь помогать ей.

С Богом постоянно жила, и Господь жил в ней. Она сама говорила: «Тело — домик, Богом данный».

И из этого домика-теремка нам предстоит создать храм.

В этом и есть цель жизни. Это заповедал апостол Павел: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живёт в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят, а этот храм — вы».¹

¹ 1 Кор. 3:16–17.

О духовном зрении

Серёжа, забавляясь с биноклем, дал глянуть и Тане. Та вдруг спросила:

— А что такое духовное зрение?

Дедушка с бабушкой переглянулись, довольные глубоким вопросом. Отвечать дедушка начал издалека.

* * *

Летел орёл и с высоты своего орлиного полёта созерцал бесконечные дали: поля, леса, голубые озёра, текущие куда-то реки и бездонную голубизну неба. Пролетая над каким-то селом, он заметил петуха на сельском дворе. Жалко стало орлу своего собрата. И собою красив, и голос на всю округу, а как крылья распушит — хоть куда молодец. Но не ведаёт бедняга ничего, кроме навозной кучи да своих курочек.

Попытался рассказать орёл голосистому о далях бесконечных, лесах и долинах, озёрах синеоких, городах и селениях, где людишки копошатся, как его курочки, неба не ведая.

Петуху поначалу было любопытно послушать, да червячок мелькнул перед клювом, и он стал созывать своих подружек. Те закудахтали хором, орла заглушая. На что им эти дали бесконечные? Успеть бы порыться в куче, не то соседки мигом всё склюют.

Всё своё красноречие исчерпал орёл, но петушиное сердце не тронул.

Тем временем хозяин двора ухитрился сеть на орла набросить, крылья его могучие связать. Повёз пленника в город. За деньги бумажные продал. Посадили орла в клетку — народ удивлять.

А тому бы в небо взмыть — там его стихия. Не видит небесный пленник ничего вокруг, только мыслью своей высь набирает...

— Понятно ли тебе, девочка, что на всё окружающее можно смотреть по-разному?

— Как в бинокле! — засмеялся Серёжа.

— Есть такой анекдот про слепого, который захотел узнать, что такое море, — поддержал разговор папа. — Привели его на берег, разулся он, закатал штанины, вошёл в воду по колени, зачерпнул в ладошку прибрежную волну, пощупал, понюхал, лизнул, а потом разочарованно говорит: «И это — море?!»

— Да, — согласился дедушка, — взглянуть на мир можно с разных позиций.

* * *

Судили одну бедную старушку. У неё чайник продырявился, воду вскипятить не в чем. Увидела, у соседки ненужный чайничек валяется, да и соблазнилась, впервые в жизни взяла чужое. А соседка на неё — в суд.

Старушка не отрицала своей вины. Никому из судейских не хотелось ввязываться в это де-

ло. Однако защищать виновную взялся знаменитый адвокат Плевако.

Обычно он выигрывал все процессы. Это вызвало зависть у прокурора, потому тот решил на сей раз посадить знаменитость в лужу — дело-то очевидное.

В своей обвинительной речи он привёл все доводы, которые мог бы использовать адвокат для оправдания своей подзащитной.

Прокурор с подчеркнутым сочувствием отмечал:

— Старушка — потомственная почётная гражданка, безупречной жизни. К старости, увы, осталась совершенно одинокой и дошла до крайней степени нищеты. Бедняжка вызывает жалость и сострадание. Кража ничтожна. Но... — и тут в голосе обвинителя зазвучал металл, — но собственность священна. Всё наше государство держится на ней. Если мы позволим покушаться на неё, страна погибнет.

Потребовав сурового наказания, прокурор сел, довольный собой, украдкой поглядывая на Плевако — что тот сможет противопоставить его неумолимой логике?

Застыла публика, да и судья, понимая затруднительность ситуации, с любопытством предоставил слово адвокату — чем тот сумеет расположить господ присяжных заседателей, ведь все доводы в её защиту уже произнесены? Не грозит ли знаменитому защитнику провал?

Но Плевако не думал ни о провале, ни об ус-

пехе. Ему было жаль бедную старушку и хотелось ей помочь.

Встав, он поклонился судьям и присяжным. В зале стояла напряжённая тишина. Плевако печально склонил голову. Прокурор едва скрывал своё ликование. Он не сомневался в победе.

И вот из глубины сердца зазвучали задумчивые слова защитника:

— Много бед, много испытаний выпало на долю России за её более чем тысячелетнее существование. Печенеги её терзали, половцы, татаро-монголы и поляки. Французы и почти вся Европа обрушились на неё, взяли Москву. Всё вытерпела, всё преодолела Русь-матушка, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... Старушка украла выброшенный чайник... Этого Россия, конечно, уже не выдержит...

На секунду все замерли. Потом начали хохотать — и народ, и господа присяжные заседатели, и судьи. Хмурым остался лишь прокурор.

Старушку, конечно же, оправдали, ибо все взглянули на происшедшее с высоты истории.

— Но взгляды на историю постоянно меняются, — иронически заметил папа. — Только пока я учился, учебники по ней менялись несколько раз.

— Совершенно верно, — согласился дедушка, — в том и беда, что наши историки смотрят на происходящее с позиций преходящих, а не вечных.

— А как это — смотреть с позиций вечных? — недоверчиво спросил папа. — Мы же живём, так сказать, в быстротечном времени.

— Да, но душа, дух наш принадлежит вечности. И с позиций духовных нам надо учиться смотреть и на себя, и на историю.

Вспомним события 1812 года.

«Зачем это приходили к нам французы?» — вопрошал святитель Феофан Затворник. И сам же давал мудрый духовный ответ: «Бог послал их истребить то зло, которое мы у них переняли. «Всё хорошо, что не наше» — таков был лозунг элиты русского общества XVIII века, а наше исконное, родное, вплоть до святынь веры, оплёвывалось и высмеивалось. В этом диком увлечении всем западным дошли наконец до такого сумасбродства, что презрели даже свой родной русский язык».

— Об этом у Грибоедова в комедии «Горе от ума», — поведала мама, — есть слова, которые произнёс молодой Чацкий, только вернувшийся из Европы. Он был поражён тем, что его соотечественники в душах своих уже предали Родину, поклонившись всему иноземному.

В той комнате незначаящая встреча:

Французик из Бордо, надсаживая грудь,

Собрал вокруг себя род веча

И сказывал, как собирался в путь

В Россию, к варварам, со страхом и слезами;

Приехал — и нашёл, что ласкам нет конца;

Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция. — Посмотришь вечерком,
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;
Такой же толк у дам, такие же наряды...

Он рад, но мы не рады.

— Французомания становилась опасной для Отечества, — дедушка опять обратился к святителю Феофану: — «Самыми желательными учителями сделались французские лакеи, дворники, горничные, парикмахеры, по большей части до мозга костей развращённые, и учили наше юношество безверию, нигилизму и разврату. Западом и накажет нас Господь, — так грозно предрекает святитель, — а нам в толк не берётся. Есть очи, но не видим; есть уши, но не слышим, и сердцем не разумеем».

Для молодёжи тех времён живым божеством стал Наполеон, мечтавший о господстве над всем миром. Европа от Испании до границ России уже была покорена им.

Он повелел выбить медаль с изображением Бога и надписью: «Тебе — небо, мне — земля». Таков был кумир многих молодых поклонников Запада. А для барышень царством небесным считался Париж.

Прозрение от духовной слепоты было горьким. Собрав шестисоттысячное войско, включавшее и армии побеждённых стран, Наполеон без объявления войны напал на Россию.

Численность русской армии составляла всего 240 тысяч человек, почти втрое меньше, чем у Наполеона. Главнокомандующим русскими войсками был назначен Кутузов.

В своё время Суворов посылал его в самые трудные места. При взятии крепости Измаил Кутузов одним из первых ворвался на её стены. Во время этого штурма ему и выбило пулей глаз.

Приняв назначение, он первым делом отправился в Казанский собор, снял все ордена и долго молился пред иконой Божьей Матери, прося у Неё помощи. В своём приказе по армии он писал, что «возлагает всё своё упование на помощь Всевышнего».

На передовую по его распоряжению была доставлена чудотворная икона Божьей Матери «Путеводительница» и был отслужен молебен.

Вспомнил народ о своём Спасителе, о Заступнице нашей.

— Серёжа, Таня, — обратилась бабушка к внукам. — Кто из вас помнит стихотворение Лермонтова «Бородино»? Расскажите.

Начал Серёжа, мысленно превращаясь в бывалого солдата:

Мы долго молча отступали.

Досадно было, боя ждали.

Ворчали старики:

«Что ж мы? На зимние квартиры?

Не смеют, что ли, командиры

Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут...

Серёжу опередила Таня:

Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да жаль его: сражён булатом,
Он спит в земле сырой.
И молвил он, сверкнув очами...

И опять баском подхватил Серёжа:

«Ребята, не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Серёжа даже помахал кулаком.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы!

Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не Божья воля,
Не отдали б Москвы!

Несколько секунд все сидели в задумчивости, после чего дедушка продолжил:

— Наполеон, вступая в древнюю русскую столицу, привычно ожидал делегацию побеждённых с ключами от города. Но первопрестольная встретила врага морем огня. Город на глазах исчезал в ревушем зареве пожара. Жители сами поджигали свои дома. Огненный вихрь обрушивал кровли и стены, сжигались запасы продуктов.

Французы, которым ещё недавно поклонялись любители иноземного, врывались в церкви, попирали ногами иконы, грабили украшения престолов, рубили мечами священнослужителей.

Успенский собор, где короновались русские цари, был превращен ими в конюшню.

Но вскоре Наполеон понял, что оказался в ловушке. Раньше обыкновенного началась суровая зима. Французская армия к ней не была готова. Продовольствие закончилось. Крестьяне уничтожали французов, пытавшихся достать провизию. Война стала народной, отечественной.

Наполеон обратился с предложением мира, но получил отказ и вынужден был начать отступление. Армию его, превратившуюся в обор-

ванную и замёрзшую толпу, ожидала голодная смерть. Бросив остатки своих войск, великий император, кумир миллионов, позорно бежал.

Перед побегом Наполеон велел взорвать Московский Кремль. Но злодейскому замыслу помешал дождь.

Чудесно и то, что в сгоревших храмах мощи святых остались невредимыми. В Успенском соборе, полностью разграбленном, уцелела рака с мощами святого Ионы. Грабители попытались добраться до неё, но святитель погрозил им рукой. Представьте, как бежали они до самого Парижа!

После победы царь Александр I сказал: «Россия показала свету, что где Бог в сердцах народных, там все вражьи силы рассыпаются и сокращаются. Ныне в первопрестольном граде нашем Москве вознамерились Мы создать церковь во имя Христа Спасителя. Да благословит Всевышний начинание наше!»

И ещё была по царскому повелению отчеканена медаль с памятными словами: «Не нам, не нам, а имени Твоему».

Вера есть духовное зрение, с помощью которого можно увидеть то, что не видит телесное око, видеть спасительные пути, видеть во всем Промысел Божий.

Серёжа увлечённо рисовал.

— Ну что, похож? — обратился он к бабушке.

— На кого? — уточнила она.

— На меня!

— Забавный человечек у тебя получился, симпатичный. Вылитый ты!

Довольный признанием, юный художник несколько поторопился, и с кисточки на его портрет упала жирная клякса. Она быстро растеклась по изображению. Все попытки удалить её оказались напрасными.

Серёжа рассердился и стал превращать свой славный образ в какое-то страшилище. Пририсовал длинный язык, клыки, огромные уши. Настроение у него испортилось, нехорошо как-то стало на душе. Подумал: неужели это только что был я?

— Что ты пригорюнился? — спросила бабушка и взглянула на его «художества».

А Серёжа заливал краской своё изображение, чтобы от него и следа не осталось.

— Что ты, дорогой, зачем целый потоп устроил? У тебя же был такой милый мальчишка. А теперь что-то злое.

— Я заново нарисую, — пообещал мальчуган.

— Как всё просто: не получилась задумка —

выброшу и быстренько заново намалюю, — тихо заметила мама и добавила: — Я сейчас почему-то про всемирный потоп подумала.

— Да, есть некоторое сходство, — согласилась бабушка, взглянув на творение внука. — Каково было Творцу смотреть на происходящее! Он создал Адама и Еву не просто прекрасными, но и чистыми, светлыми душой. Образ Божий сиял в них. И замысел Господа был в том, чтобы все люди, исполняя заповеди любви, становились подобными Ему, ибо Бог и есть любовь.

Но этот путь требовал многих усилий. Тут-то и появился змей-искуситель — дьявол. Он нашептал Еве не верить Творцу, а просто сразу вкусить плод познания добра и зла, без Бога стать богами. Как это показалось заманчиво! Адам и Ева приняли в свои сердца совет злого духа и нарушили заповедь Божью. Грех непослушания Создателю изменил весь мир, зло вошло в него.

«И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своём. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил».¹

— Но один же был хороший, — заступилась Таня.

Бабушка согласно кивнул:

¹ Быт. 6:5-7.

— Это был праведный, непорочный Ной, который всегда помнил о Боге и исполнял Его повеления.

И велено было праведнику сделать ковчег, большой корабль; ибо Господь принял решение очистить землю от нечестивого человеческого рода.

— Но Ноя Бог сохранил! — напомнила Таня.

— Не только Ноя, но и его жену, и сыновей с жёнами.

— Он и зверей, и животных, и птиц велел Ною взять с собой по паре, — дополнил Серёжа.

— Да, чтобы и они остались в живых.

— Не слишком ли жестоко? — с вызовом спросил папа. — Все люди разные. Как же осудить всех?

— Как думаешь, — последовал встречный вопрос, — сто двадцать лет достаточно, чтобы задуматься?

— Вполне.

— Именно такой срок назначил Господь заблудшему роду человеческому на покаяние. Люди тогда долго жили. Так что время поразмыслить было. Однако поражённые грехом не стремились к очищению, не становились лучше, а лишь хуже.

Ной призывал одуматься, измениться, покаяться, но его не слышали. Наглядным призывом к покаянию было и строительство громадного корабля — ковчега. Он строился на суше, вдали от воды. Над Ноем хохотали: «В местности,

где нет даже колодца, только глупец способен строить ковчег». Это было не просто зубоскальство, но кощунство и дерзкое восстание против Бога.

Грех, исказив человеческую натуру, стал господствовать над человеком. Злодеяниями наполнилась Земля. Не видя покаяния, Господь повелел Ною со всем семейством войти в ковчег.

«И окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей. И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле».¹

— Велико наказание злу, — покачала головой мама.

— Людям! — с вызовом бросил папа.

— Людям, утопавшим во зле, — поправила мама.

— Ной же спасся. Он ведь хороший был, — отстаивала свою веру в справедливость Танюша.

— Выйдя из ковчега, когда сошла вода, Ной возблагодарил Бога за спасение. Он явился новым родоначальником человечества, — дедушка открыл Библию и прочел: — «И благословил Бог Ноя и сынов его, и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю и *обладайте* ею. Не буду проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого — зло от юности его».² И заключил Бог завет с Ноем.

¹ Быт. 7:11,12,21.

² Быт. 9:1.

— И в знак этого была радуга красивая-прекрасивая, — радостно воскликнула Таня, но тут же призадумалась: — Почему она бывает так редко?

— Потому что люди опять не слушают Господа, — ласково глядя на внуков, ответила бабушка и спросила Серёжу:

— Радуга когда бывает?

— После дождя.

— Вот и нам надо омыть себя покаянием, — подытожил дедушка.

— И опять засияет радуга, — мечтательно сказала Таня.

— Всё не так просто, доченька. Разве сегодня люди не идут к гибели? — вздохнула мама. — Многие вступают на опасный путь по неведению, по неопытности. Их затягивают среда, компании.

— Ты права, — согласился дедушка. — Затягивают, конечно, затягивают, чтобы все были одно стадо. А в каждом стаде есть вожак. Куда он — туда и все. Не хочет стадо овец идти на бойню, чувствует что-то неладное, упирается. И тут как тут появляется козёл-provokator, командует — вперёд! И все, видя его решимость, как будто это уже безголовое стадо, дают себя загнать туда, откуда уже нет возврата. За воротами бойни козла прячут, а доверившиеся ему овцы уже напрасно кричат — их участь решена.

Но provokatory не обязательно украшены рогами и копытами. Чаще всего они прикиды-

ваются своими в доску. Подойдёт и по-свойски предложит:

— Закурим! Ты что — маменькин сыночек? Боишься?

А за его спиной уже целое стадо, им покорённое. И все с сигаретами в зубах. Все показывают, какие они взрослые, какие смелые. И самое ужасное, что среди них и девочки бывают.

В стаде рассуждают: что́ я — не такой, как все? Выделяться должен, да? Чтобы все смеялись? Пусть другие думают, если у них мозги лишние, а я — как все.

Что сделаешь ты, Серёжа, в такой ситуации? Возьмёшь сигарету или не возьмёшь?

— Нет, конечно. Зачем она мне?

— Так ведь смеяться будут. Своим не признают. В стаю не возьмут. Обижать будут, бить. Что сделаешь ты?

— Я им как дам!.. Всех раскидаю!

— Да их же много, не справишься. Так как? Останешься верным Богу или попадёшь в сатанинское стадо?

— Ну уж сразу в сатанинское, — засмеялся папа, — мальчишки есть мальчишки. Вот и балуются, играя во взрослых.

— Балуются-то балуются, но куда направлено их баловство? У стаи свои законы. Она не прощает инакомыслия.

— Вот мы про сигареты говорили, — напомнил дедушка. — На сигареты нужны деньги. Их нет. Зато на дороге лежит кирпич. И вдруг

вожаку приходит в голову идея заработать на нём. Но как?

В этот момент навстречу идёт женщина. Смотрит — группа мальчишек лет по 12–13. Улица безлюдна. Обойти? Подумают, испугалась. Решила идти прямо. Вожак кивает своим — окружить! Взяли её в кольцо.

— Купите кирпич, — демонстрируется его увесистость.

— Мне не надо.

— А если потребуется? Всего десять тысяч.¹

Товар выразительно покачивается на ладони.

Что делать? Отдала деньги, взяла «покупку», пошла. Сумка и так тяжёлая. Разве с пустыми руками возвращаются домой наши мамы? Надо же им своих мальцов кормить. От кирпича, конечно, вес добавился. Отошла подальше, решила облегчить свою ношу, выбросила груз. Идёт налегке. Догоняет её стая, опять окружила:

— Купите кирпич.

— Да я его уже покупала у вас, ребята.

— Ничего. Ещё купите. Пока десять тысяч.

Опять отдала трудовые. Да как тут не отдать? Лишь бы домой целёхонькой к деткам вернуться!

— Это уже не баловство. Это — вымогательство, грабеж, рэкет! — возмутилась мама. — Вот так однажды рэкетирсы, требуя от своей жертвы денег, поставили ему на живот раскалённый утюг.

¹ белорусских рублей — примерно 130 русских рублей.

— Какой ужас! Ой-ой-ой!... — заохала бабушка.

— Те ребята из стаи, кирпичом запугивая, не понимали, чем занимаются? Просто играли? — обратился дедушка к сыну.

— Это, конечно, уже не игра, — вынужден был согласиться папа.

— Знали они, что если милиция их накроет, каждому отвечать придётся? — дедушка ожидал ответа от детей.

— Они удрать надеялись. Их много. Всех не поймают, — изложил детскую логику Серёжа.

— Значит, они знали, что это плохой поступок? — допытывался дедушка. — А от кого они могли знать?

Дети смущённо пожали плечами.

— Интересно вспомнить, — включилась в разговор бабушка, — что отец Ноя, Ламех, был современником Адама целых полвека. Как вам кажется, передавал ли Адам слова Господа своим потомкам? Если бы вы видели Бога, неужели бы вы не рассказывали о беседах с Ним своим внукам и правнукам?

— Конечно, рассказывали бы, — согласились дети.

— Но с каждым новым поколением доверие к этому преданию, безусловно, гасло, — усмехнулся папа, — и с годами мало кто мог всерьёз воспринимать то, что говорил старик девятьсот тридцати лет от роду. Люди давно руководствовались не заветами Творца, а своими желания-

ми и инстинктами. По этому поводу есть один анекдот.

* * *

Приехал миссионер к дикарям. Спрашивает:

— Знаете ли вы, что такое добро и зло?

— Знаем! — отвечают они.

— Ну, так что же это такое?

— Когда соседнее племя неожиданно нападет на нас, уводит наш скот, жён, детей — это зло. А вот когда мы нападаем на них и уводим их скот, жён и детей — это добро, — ответили дикари.

— Так что неграмотный папуас движим не словом Создателя, а своими инстинктами. Слово Божье ему неизвестно, — с горькой иронией сказал папа.

— Напрасно ты так думаешь, сынок. В душе каждого при рождении начертаны заповеди Божьи. Это называется совестью, голосом Бога в нас. Вопрос в том, захочет человек слушать подсказки Бога, осознавать себя как образ Божий или подчинится окружающей его толпе. В Евангелии говорится: «Вышел сеятель сеять. И когда сеял, случилось, что иное упало при дороге».¹ При дороге — это как надо понимать, а, дети?

— При дороге — значит, там многие ходят, ездят, — догадался Серёжа.

— Затаптывают — так? То есть слово Божье попадает в сердца, не умеющие его хранить, в

¹ Мк. 4:3-4.

неверные сердца. Недавно сообщали о мальчишке, который нашёл пакет с десятью тысячами долларов.

Он передал находку в милицию. Потом его добрые порывы затопили советы: «Зачем отдал?! Лучше бы как человек в «мерседесе» катался». И мальчик пожалел о том, что был честным, даже сказал: «В следующий раз найду, ни за что не отдам!»

Подумайте, не потерял ли он свет в душе? «Какая польза человеку, — говорил Господь, — если он весь мир приобретёт, а душе своей повредит?».¹

— А я читала о другом мальчишке, — поделилась бабушка, — его звали Петя.

* * *

Петя, счастливый, возвращался домой после экзамена. Теперь у него по всем основным предметам одни пятёрки, а это значит, что сбудется его мечта — перейти в математическую школу. И вдруг он остановился. На дороге лежал бумажник. Петя посмотрел по сторонам — кругом ни души. Он осторожно поднял его и открыл — там было много денег. Петя сунул находку в карман и заспешил домой.

Он шёл и думал: какой удачный день — и пятёрка, и деньги. Их, наверное, хватит на велосипед, который так хотелось ему иметь. Но как быть с мамой? Спрятать бумажник? Или сказать, что заработал?

¹ Мф. 16:26.

Внезапно пришла мысль: «Что же это я?! Деньги ведь не мои. Есть даже заповедь — не укради! И хотя я не украл, но хочу присвоить чужие деньги. Разве это не воровство? А если бы моя мама потеряла зарплату? Как бы мы жили?»

И Пете вспомнилась история, которую рассказывала ему ещё маленькому мама.

В далёкие военные годы хлеб выдавали по карточкам: детям — по четыреста граммов, а работающим на заводе — по пятьсот.

Однажды в самом начале месяца мама, тогда ещё девочка Маша, пошла в булочную за хлебом. Получив девятьсот граммов, она побежала домой, по дороге почему-то запустила руку в карман и — о, ужас! — карточек там не оказалось, а была только громадная дырка.

Маше показалось, что сейчас её сердечко разорвётся.

«Боже мой! — думала она. — Как мы будем жить без карточек целый месяц — их же не восстанавливают! Что мама скажет?»

Маша разрыдалась. Вдруг услышала, что кто-то кричит ей. Подбежала маленькая девочка.

— Не плачь, — радостно защебетала она, — я видела, как у тебя что-то выпало из кармана. Смотрю — хлебные карточки. Пока я их рассматривала — ты уже далеко. Еле-еле догнала тебя. Вот они.

Девочка протянула ей карточки. Маша бросилась обнимать и целовать малышку. Они по-

дружились. И хотя жизнь их разбросала, — Галья уехала в другой город — мама до сих пор пишет ей письма и молится о ней.

Петя снова открыл бумажник и стал внимательно рассматривать его содержимое. В небольшом отделении лежала фотокарточка подростка с надписью: «Косте 15 лет». У него было приятное лицо с умным и немного насмешливым взглядом. В боковом отделении находился паспорт. С фотографии смотрела симпатичная женщина, вероятно, Костина мама.

Аккуратно всё сложив, Петя отправился по указанному в паспорте адресу. На звонок открыла молодая женщина с покрасневшими глазами.

— Вы Татьяна Петровна Николаева? — взволнованно спросил Петя.

— Да...

— Я нашёл ваш бумажник. Вот он.

Татьяна Петровна обняла Петю, ввела в комнату и радостно позвала:

— Костя! Костя! Пришёл мальчик, он принёс наши деньги!

В комнату быстро вошёл парень таких же лет, как Петя, но какой-то большой и крепкий. Со словами:

— Я же говорил, Бог поможет! Как видишь, мама, есть у нас настоящие ребята! — протянул Пете руку. — Я Константин. А ты?

— Я — Пётр, — смущённо ответил Петя.

— О, Пётр! — воскликнул Костя. — Какое имя! Ведь Пётр в переводе с греческого означает

«камень». И ты, наверное, всегда твёрд в своих решениях и поступках! Вернуть такие деньги! Это не каждый сделает. Видишь ли, мама с сегодняшнего дня пошла в отпуск. Ей выдали зарплату и отпускные. Я не знаю, что бы мы делали без этих денег! Ведь до следующей зарплаты почти два месяца! А тут ещё собираемся на дачу, надо купить кое-что из продуктов.

— Кстати, у вас есть дача?

— Нет, — ответил Петя.

— Ну, значит, ты поедешь на лето с нами. Так, мама?

— Да, да, — подхватила Татьяна Петровна, — если Петя захочет.

— Он захочет. Я его уговорю, — пообещал Костя.

Петя улыбался и думал, что сегодня он нашёл больше, чем деньги. Он нашёл не только друга, он нашёл себя.¹

¹ Рассказ Л.И. Ганаго.

Об образе Божьем

Таня любила не только рассматривать картинки в «Детской Библии», но и размышлять над прочитанным. Иногда она обращалась за помощью к старшим.

— «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его».¹ Разве у Бога тоже голова, руки, ноги, как у нас? Он же Дух, невидим. Как же это понять — «по образу Своему»?

Объяснить попробовала бабушка.

— Вспомни капельку росы на цветке или травинке. Она сверкает, как маленькое солнышко, правда? Но мы не говорим, что капля — само солнце, а лишь отблеск, отражение, образ солнечного сияния. Так и человек есть образ духовных свойств Бога.

— Каких? Чтó у человека есть божественного? Он же — падшее создание! — резко возразил папа.

— Божественные дары даны именно человеку и только человеку, — вмешался в спор дедушка. — Какие? Это способность мыслить, чувствовать. Помнишь, у Пушкина сказано:

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать!

¹ Быт. 1:27.

Это жажда познания, жажда истины. У Пушкина и об этом есть замечательные строки:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился...

Божественные свойства — наш бессмертный дух, дар любви, совесть — голос Божий в нас, дар творчества...

Но Господь сотворил человека не просто по образу Своему, но и по подобию, дав задание совершенствовать нам эти дары до уподобления Богу.

— Как это возможно — человеку стать подобным Богу? — усмехнулся папа. — Природа человека ограничена, а дух — безграничен.

— Конечно, — согласно кивнул дедушка, — вряд ли мы сможем достичь божественного совершенства в земной жизни. Но Господь Сам говорил: «Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит».¹

Бабушка привела пример:

— О преподобном Серафиме Саровском Царица Небесная говорила: «Этот нашего рода». Ещё при земной жизни он излучал божественный свет любви.

— А именно через любовь мы и можем стать богоподобными, — дополнил дедушка, — ибо Бог и есть любовь.

— Одна старушка преклонного возраста, — продолжила бабушка, — вспоминая про встречу в детстве с преподобным Серафимом, говорила:

¹ Ин. 14:12.

«Много с тех пор в продолжение следующих семидесяти лет моей жизни видела я умных и добрых глаз, но никогда не видела таких детски ясных, старчески прекрасных глаз. В них было целое откровение любви».

— Он всякого, приходящего к нему, встречал словами «Радость моя!» — напомнила Таня.

— Сколько же нужно иметь в сердце любви, чтобы она изливалась на всех, как и солнце светит всем — и злым, и добрым, — вздохнула бабушка.

— Неужели он всем так и говорил? — засомневался Серёжа. — А если к нему приходили злодеи?

— Бывало и такое, — согласился дедушка, — однажды к преподобному нагрянули грабители. В то время он жил в домике, в келье, которую называли дальней пúстынькой. Она находилась в пяти верстах от монастыря, куда Серафим ходил на богослужение в праздничные и воскресные дни. Добирался старец не просто пешком, а ещё носил на себе мешок с песком и камнями. Когда его спрашивали, зачем, он отвечал: «Томлю томящего меня».

Келья его — это простая избушка с печкой, сенями и крыльцом. Высокий забор ограждал домик и огород, где отшельник выращивал овощи и разводил пчел.

Избушка находилась в глухом сосновом бору на берегу реки Саровка — отсюда и именовали его Саровский.

Так вот, 12 сентября 1814 года, когда отец Серафим, молясь, рубил дрова, обступили его злые люди. Вооружённые, они стали требовать денег:

— К тебе ходят мирские и приносят их.

— Я ни у кого ничего не беру, — ответил им Серафим.

Для себя он действительно никогда ничего не брал. В молодости, ради послушания, ходил по Руси, собирая средства на храм. Теперь же, если ему давали деньги, старец сразу передавал их на строящийся Дивеевский монастырь. Брал не у всех, вероятно, прозревая нечистые пути приобретения денег.

Так вот, стали наступать на старца грабители. Отцу Серафиму шёл 45-й год. Он был богатырь. Да к тому же в этот момент в руках держал топор. Что сделал бы на его месте любой другой человек? Конечно, стал бы защищаться. Но старец, подобно Господу Иисусу Христу, давшему Себя распять, не стал защищать своё тело. Бросив топор и сложив крестообразно руки, святой сказал: «Делайте, что вам надобно».

Грабители обухом топора ударили его по голове. Кровь хлынула изо рта и ушей. Связав старцу руки и ноги, злодеи продолжали бить его ногами, поленом.

Думая, что он уже мёртв, бросились в келью, надеясь найти спрятанные деньги. Но там вместо кровати и кресла они увидели пень и мешок с песком и камнями. Главным сокровищем

старца была икона Божьей Матери «Умиление» да Священное Писание.

В сенях, узких и тесных, преступники наткнулись на дубовый гроб, приготовленный отцом Серафимом для себя. Известно, что около этого гроба он подолгу молился, думая об ответе за свою жизнь.

В страхе и ужасе бежали разбойники из святого места.

Придя в себя, святой старец прежде всего поблагодарил Создателя за перенесённые страдания. А страдания были действительно велики: голова проломлена, рёбра перебиты... Непостижимо, как ему, имеющему несколько смертельных ран, удалось вернуться в монастырь. От врачебной помощи он отказался. Вскоре Царица Небесная исцелила его.

Как вы думаете, дорогие, что сделал старец, когда были пойманы грабители?

— Он простил их! — предположила Таня.

— Святой Серафим просил отпустить заблудших, предупреждая, что иначе уйдёт в другое место.

— Не есть ли это поощрение зла? — с вызовом спросил папа.

— Преподобный во всем старался подражать Христу. Господь молился о прощении распявших Его: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят».¹ Молился о злодеях, покалечивших его, и святой Серафим. Подумай, сынок, что

¹ Лк. 23:34.

было бы с ними на каторге? Не ожесточились ли бы они там? Когда же их вдруг отпустили, они все пришли к старцу просить прощения. Значит, что-то тронуло окаменевшие сердца.

Что же касается наказания, то оно не заставило себя ждать: избы грабителей сгорели. Да, это преобразование бандитов в раскаявшихся далось большой ценой. Старец Серафим всю оставшуюся жизнь ходил сгорбленным, но только телом. Духом своим он достигал небесных высот, излучая волны любви и мира. По ночам у его дальней пустыньки собиралась интересная компания лесных жителей.

— Ты же говорил, что он жил в лесу один, — заметил Серёжа. — А теперь говоришь, что к нему собирались ещё какие-то жители.

— Да, много собиралось — волки и зайцы, и даже змеи, не говоря уже о ящерицах и птицах. Кормление лесных соседей происходило в полночь. Монахи спрашивали его, как хватает еды для такого количества зверей. Преподобный отвечал, что в лукошке всегда столько хлеба, сколько нужно для их насыщения. Приходившие к старцу видели, как он кормил из рук медведя. В эти минуты лицо преподобного было радостное и светлое, как у ангела. Наступали удивительные мгновения, когда волк или лиса не обижали зайца. Так что с лесными соседями у него была дружба.

Борьба шла с иным миром — миром злых духов. От нас это почти сокрыто. В летописи

его жизни есть указания, что борьба эта продолжалась десятки лет.

Давайте мысленно окажемся в одинокой избушке среди непроходимых дебрей. Представим себе осенние или зимние ночи. Без радио и телевизора, без огня. Только неугасимая лампадка горела перед иконой Небесной Заступницы «Умиление», которую он называл «Всех радостей радость». Спал он сидя или стоя на коленях. Совершал ежедневно тысячу поклонов.

Представим за окном не только вой ветра, шум дождя, но и завывания, крики, стоны, хохот бесовской своры. Порой бесы зримо представляли перед ним. Монастырская братия спрашивала старца, видел ли он их, каковы они собой. Подвижник отвечал кратко: «Они гнусны».

Однажды бесы бревном взломали у него дверь. Кряж упал к ногам молящегося святого. Бревно было так огромно, что вытаскивали его восемь человек.

Бывало, дьявол поднимал его на воздух и, сотрясая, с силой ударял о землю.

— Но может ли человек такое вынести? — спросила мама.

— Так он же не своей силой сражался, а крестом, именем Господа. Только вера у него была побольше нашей. Сам Христос говорил: «Всё возможно верующему».¹

Потому преподобный Серафим и выдержал все напасти тёмных сил, что имел пламенную

¹ Мк. 9:23.

веру во Христа. Кстати, имя Серафим и означает «пламенный».

О своих же страшных испытаниях он говорил: «Искушения дьявола подобны паутине: стоит только дунуть на неё, и она истребится; так и на врага-дьявола: стоит только оградить себя крестным знамением — и все козни его исчезнут совершенно».

— Как же испытания подобны паутине? — спросил недоверчиво папа. — Ему же дверь бревном выломали, на воздух поднимали и бросали...

— Такие испытания попускаются Богом только особым людям, святым. Пока мы живы, нам не дано видеть духовный мир, ибо мы не готовы к встрече с ним. Преподобный Серафим старался жить такой жизнью, какой жил Христос. Разве случайно окрестностям его пустыньки он давал имена тех святых мест, где бывал Господь? Здесь были Иерусалим и Назарет, Вифлеем, Фавор, Голгофа, река Иордан. Молясь там, он, возможно, внутренне переносился в новозаветные времена и события. Для нас всё это тайна. Ясно одно, что святой подвижник не просто веровал — «вера без дел мертва»,¹ — но свою жизнь ежеминутно, всю без остатка отдавал Богу, как и Сын Божий Иисус Христос отдавал её Своему Отцу вплоть до самой крестной смерти. И в этой вере, в этой жизни осуществлялось его богоподобие.

¹ Иак. 2:20.

Дедушка на мгновение задумался и, вздохнув, продолжил:

— Самым страшным испытанием, как и у других великих подвижников, был для Серафима Саровского период так называемой богооставленности. Период, когда молитвеннику казалось, что Бог забыл о нём.

Тысячу дней и тысячу ночей, стоя в лесу на камне, и в лютый мороз, и в осенний дождь, и в летний зной, страдая от комаров, он с вознесёнными руками взывал: «Боже, милостив буди мне грешному».

Лишь для редкого приёма пищи и краткого сна отец Серафим приостанавливал молитву. Впрочем, она сама постоянно творилась в его сердце. Это была невидимая брань с князем тьмы, с сатаной.

— Мне вспоминается невольно мольба Господа Иисуса на кресте перед смертью: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»¹ — с грустью сказала бабушка и перекрестилась.

— Вспомнилась не случайно. Но ни Сын Божий, ни преподобный Серафим не были оставлены Отцом Небесным. Великому старцу, как никому другому, двенадцать раз являлась Божья Матерь. Он видел и ангелов во время богослужения. «Они имели вид молниеобразных юношей, облачённых в белые и златотканые одежды, а пению их, — говорил старец, — не было ничего подобного на земле». Однажды

¹ Мф. 27:46.

удостоился лицезреть он Самого Господа Иисуса Христа.

— Как это было? — не удержалась Таня.

— «Случилось мне, — говорил святой, — служить в Великий четверток. И вдруг озарил меня луч как бы солнечного света. Взглянув на сияние, я увидел Господа Бога нашего Иисуса Христа в образе Сына Человеческого в славе, сияющего неизреченным светом и окружённого небесным воинством. От западных церковных врат Он шёл по воздуху, остановился против амвона и благословил служащих и молящихся. Я же, земля и пепел, — так святой Серафим называл себя, — удостоился особенного от Него благословения».

Как и апостол Павел, преподобный Серафим сподобился непостижимого вознесения в небесные обители. Когда он рассказывал об этом, лицо его до того просветилось, что невозможно было на него смотреть. В это время его можно было назвать земным ангелом или небесным человеком.

Он всех принимал с любовью, встречал земным поклоном, целовал. Всех приветствовал словами «Христос воскрес!» А шли к нему со всей Руси.

Вспоминал генерал Галкин-Врасский:

— Отец Серафим отворил дверь и сказал: «Какую радость даёт мне Бог!» Ввёл меня в келью, посадил, сам сел на пол против меня, держал мою руку и ласково со мной говорил, даже целовал мою руку: вот какая у него была лю-

бовь к ближним. Я, сидя против него, находился в каком-то необычайном восторге.

После долгих разговоров зашла речь о грудной болезни генерала. Отец Серафим дал ему выпить освящённого масла. Болезнь кончилась навсегда.

Великий старец особенно ценил душевный мир. Он заповедал: «Обрети мир в душе, и тысячи спасутся вокруг тебя». Святой подвижник сам познал божественный мир. Можно ли считать всех, кто спасся его молитвами?!

Серафим — высший ангельский чин, дух светоносный, пребывающий ближе всех к Богу, достигший высочайшей степени блаженства.

Не потому ли старец Серафим был всегда радостен, не потому ли он исцелял больных, видел судьбы людей, не потому ли при его молитве вдруг зажигались свечи, что уже здесь, на земле, он достиг ангельского подобия?

Старец своей жизнью показал нам справедливость слов Создателя, что человек создан по образу и подобию Божьему. Потому и радовался любому пришедшему святой подвижник, что в каждом видел образ Божий.

Кто я?

— Мама, а Серёжка опять обзывается.

— Перестань, Серёжа! Перестань! Да и ты, Танюша, не называй его Серёжкой. Он же не серьга, не безделица для украшения, а неповторимая личность. Таких никогда не было и не будет.

— Вот и хорошо, что не будет, а то дразнится, дразнится...

— Ну и что?! — заступился за себя Сергей. — Подумаешь! Меня в классе Серый зовут. Я не обижаюсь. Пусть, как говорится, хоть горшком назовут, лишь бы в печку не ставили.

— Нет, Серёженька, с именем не всё так просто обстоит, — вступила в разговор бабушка.

* * *

Помню, мне рассказывала подруга, с которой я училась. Звали её Валентиной. Сидела она однажды в сквере на скамейке, что-то читала. Подошла к ней цыганка, спрашивает:

— Хочешь, погадаю?

— Нет, не хочу.

— Почему?

— Не верю я вам.

— А если имя твоё назову, согласишься?

— Если назовёшь, поверю.

Цыганка несколько секунд думала, а потом выпалила:

— Надежда!

— А вот и нет. Попала пальцем в небо, — засмеялась Валентина, встала и пошла.

— Как нет?! — остолбенела гадалка. — Да ведь Надежда ты! Надежда! — кричала она вслед.

Вернулась Валентина домой, рассказывает своей матери:

— Вот и верь цыганкам! Привязалась одна ко мне в сквере. Погадать уговаривала. Обещала имя назвать, ну и промахнулась.

— А как назвала? — заинтересовалась мать Валентины.

— Надеждой. И ещё удивилась, когда я сказала, что не отгадала. Даже кричала мне вдогонку: «Да Надежда ты, Надежда!»

— А ты и есть Надежда, — подтвердила мама.

— Как так? — удивилась Валентина.

— Я тебя тайно от папы крестила, потому что он был против. И при крещении назвала Надеждой. Папе не сказала об этом, только говорила о желании назвать дочку Надей. Но когда документы оформляли, он настоял на своём, записав тебя как Валентину, в честь своей матери. Я решила никому ничего не говорить, пока ты не вырастешь.

— Вот такая история.

Все немного помолчали, обдумывая услышанное. Потом тихо заговорила Таня:

— Я не понимаю.

— Конечно, где же тебе понять. Я же говорю — тупица!

— Немедленно прекрати, Сергей! — резко потребовала мама.

— А ты-то понимаешь? — спросила Таня. — Ведь Валя сама не знала своего имени. Откуда его могла знать гадалка? Ну-ка скажи, умница?

Серёжа растерялся, не находя никакого ответа. Таня торжествовала:

— То-то! А то — тупица, тупица... Сам ты тупик!

— Перестаньте, дети! — остановил ссору дедушка. — Тут и взрослым-то трудно разобраться, ибо имя — это тайна. Над её разгадкой бились большие умы. Так, философ Бердяев считал, что человек — точка пересечения двух миров. Вы же знаете: телом мы земные, а духом — небесные. Наречение имени и есть создание моста, соединяющего нас, земных, с миром небесным. Когда произносят имя, данное при крещении, это сразу слышит наш святой: смотрит — позовём ли его на помощь, выйдем ли мы с ним на связь.

— Как по мобильному телефону! — воскликнул Серёжа.

— Так что в имени заключён большой духовный смысл. Но увы, во все времена есть люди, которые пытаются разрушить этот мост, ли-

шить небесных покровителей, заземлить нас. Вот и дают имена мирские, бездуховные, а то и прозвища, клички — уличные, партийные. После революции доходили до абсурда, изобретая новые имена. Владлен — в честь Владимира Ильича Ленина; имя Дразоперма означало «Да здравствует первое мая»; Эра, Октябрина, Электрина.

— У поэта Маршака есть об этой моде даже стихи, — вспомнила бабушка.

Удружить хотела мать
Дочке белокурой.
Вот и вздумала назвать
Дочку Диктатурой.

А один оригинал,
Начинен газетой,
Сына Спутником назвал,
Дочь назвал Ракетой.

Дети весело засмеялись.

— Но всё это не так уж и смешно, если вдуматься. Когда в древности покупали раба, ему меняли имя, чтобы он забыл своих близких, себя, свою личность.

Переименовывали города: Борисоглебск, Воскресенск, Петропавловск; меняли названия улиц, чтобы исчезла память о родных корнях. Человеком без корней легче управлять. Он превращается в перекати-поле. Растение есть такое: катится, куда ветер понесёт.

— В концлагерях вообще давали номера, — подсказал папа.

— Совершенно верно, — согласился дедушка. — Уничтожив имя, хотели убить и личность, чтобы не только все, но и сам человек забыл о себе — кто он, откуда, какого роду-племени.

— А каждому хочется, чтобы не только сам, но и имя его жило, — вздохнула мама. — У Сергея Есенина есть об этом трогательные строки:

Быть может, вспомнишь обо мне,
Как о цветке неповторимом.

— Чтобы уничтожить эту неповторимость и создавались новые имена, клички, прозвища. Нет имени — исчезает личность.

У Чингиза Айтматова в повести «И дольше века длится день» приводится поразительная легенда.

* * *

В ней рассказывается, как кочевые племена превращали пленных в своих рабов. Захватывая пленника, они обривали ему голову, надевали на неё шкуру свежееубитого верблюда, приковывали к колоде и оставляли на несколько суток. Под палящими лучами солнца шкура ссыхалась, принося невыносимые муки. Прикованного оставляли вдали от селения, чтобы не слышать его душераздирающих криков.

Многие умирали, а кто оставался в живых, превращался в раба, лишённого способности мыс-

лить — в манкурта. Так называли тех, кто терял память, забывая своё имя, имя отца, матери. Он не имел собственной воли, выполнял самую тяжёлую работу, не бунтовал, тупо исполнял любое повеление хозяина, лишь бы кормили.

Одна мать с трудом разыскала своего пленного сына. Ей хотелось увидеть его любимым: пусть не в своём уме, пусть лишённым памяти, но живым, лишь бы живым.

И когда, прячась от иноплеменников, мать нашла его, сын не узнал её. Она спросила:

— Как твоё имя?

Тот ответил:

— Манкурт.

Он не вспомнил никого и ничего из своего детства. Да его это нисколько и не интересовало. Более того, когда хозяин приказал убить её, родной сын пустил стрелу в сердце матери.

— Жуткая история, — содрогнувшись, проговорила бабушка.

— Увы, — подумал вслух папа. — Это не только история. Сегодня за рубежом десятки институтов, используя новейшие достижения науки, разрабатывают способы превращения человека в зомби.

— А что такое «зомби»? — поспешила с вопросом Таня.

— Это человек, бессознательно выполняющий чью-то волю. Марионетка. Манкурт, забывший своё имя.

— А в имени — душа человека! — продолжил дедушка. — Едва мы услышим или прочтём чьё-то имя, у нас в воображении сразу возникает его образ. Наша душа соприкасается с ним. Если этот образ дорог нам, любим нами, он вливается в нашу душу, возбуждает наши добрые чувства. При воспоминании о ясном, жизнерадостном человеке и у нас появляется бодрое, светлое настроение. Но если мы вспомним некий мрачный, злой персонаж, то его влияние на нашу душу будет тёмным. Вопрос в том, чей образ, чьё имя мы впускаем в нашу душу. Не вытеснит ли он наше «я»?

— Помню, в одном журнале, — поделилась мама, — мне довелось прочитать об одной женщине, в мозгу которой жили шестнадцать личностей. Это были шестнадцать совершенно изолированных друг от друга индивидуальных сознаний. Все эти шестнадцать сознаний по очереди управляли её телом, её словами, её поступками. У этих личностей был разный возраст, разный жизненный опыт, свои неповторимые воспоминания, особые вкусы, привычки. Даже слова эти личности произносили с различными акцентами. Это были в полном смысле слова разные люди. Интересно, что каждое «я» не подзревало о существовании остальных; пробуждение одной личности соответствовало провалу памяти у других.

— Бедная душа, — перекрестилась бабушка, — не сумела сохранить своё имя, своё «я».

— А как его сохранить? — поинтересовался Серёжа.

— Призыванием святого имени Господа нашего Иисуса Христа, — ответила бабушка. — От Его имени все тёмные силы разлетаются.

Известна история, как некий следователь в тюрьме во время гонений за веру, чтобы сломить личность заключённого, попытался использовать гипноз. Он применял все свои приёмы, но верующий не поддавался. Следователь злился, он чувствовал, что у его жертвы есть неодолимый щит.

Наконец, выбившись из сил, следователь-гипнотизёр закричал:

— Я запрещаю тебе так думать!

А христианин, как оказалось, в эти мгновения читал «Отче наш». Так что никакая злая воля не могла проникнуть в него, как и сказано:

Щит и ограждение — истина Его.

Не убоишься ужасов в ночи,

Стрелы, летящей днём,

Язвы, ходящей во мраке,

заразы, опустошающей в полдень.

Ибо ты сказал:

«Господь — упование моё».¹

Вот ты, Танюша, спросила, откуда цыганка узнала настоящее имя Валентины. Дело в том, что гадатели и колдуны добровольно отдают себя тёмным силам. А те что угодно подсказать

¹ Пс. 90:4–6,9.

могут, лишь бы доверились им, к себе в сердце впустили.

Поэтому, как только поселится в душе какой-нибудь дурной образ или мысль нехорошая, поспеши на исповеди рассказать об этом батюшке. Он призовет имя Господа, ты примешь Самого Христа в святом причастии. Злой дух покинет тебя, и теремок твоей души вновь будет чистым.

Но если после святого таинства человек опять прикоснется к чему-либо нечистому — колдовству, гаданиям, то беда для него будет большая. Об этом предупреждал евангелист Лука: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находя говорит: возвращусь в дом мой, откуда вышел. И, придя, находит его выметенным и убранным; тогда идёт и берёт с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого».¹ Понятно тебе, Серёженька, как сохранять свою душу, своё имя?

— Понятно, — буркнул внук.

— Мы говорили уже, — напомнил дедушка, — что имя — это тайна. У христиан имена несли в себе особый смысл, если хотите, даже божественное задание человеку. Стать достойным своего имени — это нелёгкий путь поиска себя, своего предназначения. Как вы думаете, что означает имя Светлана? Чего от неё ожидает Бог?

¹ Лук. 2:24–26.

— Чтобы она светила всем! — догадалась Таня.

— Правильно, чтобы образ Божий светился в ней, чтобы она была для всех солнышком. А что означает имя Людмила, кто знает?

— Людям милая, — сообразил Серёжа.

— Да, несущая людям милость, ласку. Вот нам и надо постараться разгадать сущность своего имени, понять — чего же Господь ожидает от нас.

— А что означает имя Татьяна? — застенчиво спросила Таня.

— Давай-ка посмотрим в книжечке об именах. В переводе с греческого оно означает «поставленная».

— Как это — поставленная? — не поняла девочка.

— Избранная, назначенная для служения Богу.

Таня опустила глаза и задумалась.

— А что означает имя Сергей? — не удержался от вопроса Серёжа.

— В переводе с латинского оно означает «высокочтимый». Когда появились христианские святые, верующие стали называть своих детей в их честь. И тут дело не только в памяти о подвижниках. Как говорил отец Иоанн Кронштадтский, «Бог во святых почивает и в самом имени их». Потому, можно так считать, Божьи угодники являются проводниками, связывающими нас с Богом. Ты называешь имя святого, а он

молится за тебя перед Божьей Матерью, перед Самим Господом.

Вот и у тебя есть небесный заступник — преподобный Сергей Радонежский. Он освятил своим подвигом, своим именем Русь-матушку.

Так и ты святи своё имя делами, и тогда оно будет записано в Книгу жизни.

Вавилонская башня

— Бабушка, Вавилонскую башню взаправду строили или это сказка? — спросила Таня.

С ответом поторопился папа:

— Это легенда, дочка, миф.

Но Таня уже не очень доверяла в этих вопросах родителю:

— Я не тебя, папа, спрашиваю, а бабушку. Для тебя всё миф. И Христос миф.

Бабушке не хотелось ссоры, но и обмануть внучку она не могла, поэтому тихо сказала:

— Взаправду, взаправду строили.

— Что ты ребёнку голову чушь забиваешь?! — вскипел папа. Он чувствовал, что детская душа постепенно ускользает от него. — Посуди сама, можно ли даже при современной технике построить башню до неба? Небоскрёбы, Останкинская башня — это же малютки. Перед войной Дворец Советов задумали воздвигнуть до облаков. И что?

— Про Дворец Советов, — спокойно возразила бабушка, — особый разговор.

— Какой там особый? — не унимался папа. — Слабы оказались. Древние ж до неба добраться собирались без всякой техники, без науки. Такое строительство требует глубочайших знаний — и математических, и инженер-

ных. В Вавилоне, смею заверить, таких знаний не было. Да и для чего возводить такую громадину? Построить и разойтись?! Ведь в Библии как говорится: «И сказали они: построим себе город и башню высотой до небес, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли». Это же бессмыслица: создать такое и разойтись. Чушь! Сказки! Миф!

— Мне это тоже кажется бессмыслицей, — согласилась мама. — Но ты упустил загадочные слова из Библии: «Построим себе город и башню высотой до небес, сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по всей земле». Что это значит: «сделаем себе имя»? У них же были имена?

Видя затруднение, в разговор вступил дедушка. Но он не давал ответ, а задавал наводящие вопросы.

— Первому человеку кто дал имя?

— Бог, — Таня с удовольствием включилась в очередную викторину. — Он назвал его Адамом. Это имя значит «взятый из земли».

— Кем взятый? — обратился с вопросом дедушка к внуку.

— Ясно кем — Богом, — ответил тот.

— Значит, само имя напоминало о Творце?

— Естественно.

— Когда малыши удирают из дома, они каким именем себя называют — тем, которое дали родители, или придумывают новые имена?

— Конечно, придумывают.

— Для чего?

— Чтобы их домой к родителям не вернули? — высказал догадку внук.

— Может быть, и здесь люди задумали создать себе новые имена, чтобы стать самостоятельными, независимыми, как вы думаете? — дедушка выжидающе взглянул на маму.

Но та уклонилась от прямого ответа:

— Не знаю, может быть. Тут, конечно, какой-то смысл скрыт.

Дедушка без устали продолжал расспросы:

— А для чего дети убегают?

— Надоедает, что ими командуют, — уверенно ответил Серёжа.

С ним была согласна и сестрёнка:

— Одна девочка говорила: «Всё слушайся да слушайся! Хочется и отдохнуть!»

Видя поддержку, Серёжа откровенно признался:

— Хочется и самим покомандовать.

— А для чего «покомандовать»? — предложил заглянуть вглубь дедушка.

Но этот вопрос оказался не по силам малышу:

— Не знаю. Хочется — и всё.

Ответ подсказала бабушка:

— Чтобы самому стать как бог. Разве не так было, когда змей уговаривал Еву плод с дерева попробовать. Вкусите — и будете как боги. Детям говорят: то нельзя, это нельзя... Им же хочется дать себе волю, порезвиться, возвыситься над всеми безмерно.

— Я, пожалуй, соглашусь насчёт безмерности желаний, — признался папа. — Об этом есть сказка у Пушкина. Кто догадается, какая?

— «Жил старик со старухой...», — легко сообразила Таня.

— Да, — подтвердил папа. — И ловил он в море рыбку. Ему и старухе хватало. Однажды даже золотая попалась. Предложила сделку: отпусти — любое желание выполню. Старик добрый был. Просто так отпустил.

Бог с тобою, ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе.

Всё было бы хорошо, да заворчала старуха:

— Дурачина ты, простофиля! У нас дефицит с корытом. Взял бы у неё новое. Наше-то совсем расколосось.

Получив корыто, новую избу потребовала, а потом...

— Захотела стать столбовой дворянкой...

— Царицей, — наперебой подсказывали дети.

— А для чего ей быть царицей? — поставил неожиданный вопрос папа. — Старик прямо сказал:

Ни ступить, ни молвить не умеешь!
Насмешишь ты целое царство.

Подумаем, что же любила старуха? Как она обращалась со своим мужем?

— Дурачиной, простофилей обзывала, — свидетельствовал Серёжа.

— А став царицей, вообще взбеленилась:

С очей прогнать его велела.

Старика взашей затолкали.

А в дверях-то стража подбежала,

Топорами чуть не изрубила.

— Да, — продолжил папа. — А потом захотелось ей быть...

...владычицей морскою,

Чтоб служила мне рыбка золотая

И была у меня на посылках... —

продекламировала Таня.

— Так что любила старуха? — продолжал спрашивать папа.

— Покомандовать.

— И чем же всё закончилось?

— Разбитым корытом! — засмеялся Серёжа.

— Так стоило ли мечтать о власти? — обратился папа к сыну.

Тот задумчиво промолчал.

— Это в сказке, однако в жизни случаются истории ещё удивительней, — подключился к разговору дедушка. — Гордость — это всегда тупик, всегда катастрофа.

Был один могучий царь халдейский. Казалось бы, чего ещё — и так царство огромное. Но текла в его жилах кровь Хама, того самого Хама, который посмеялся над родным отцом. Не было в его душе ни к кому почтения, не существовало для него никаких авторитетов. Не

зря и имя у него — Нимрод, что значит бунтовщик, мятежник. Народ, которым он правил, поклонялся Солнцу, Луне и другим идолам. Нимрод заставлял вместе с Солнцем и ему самому поклоняться, ставя в храмах свои изображения, чтобы и его богом называли.

Но гордость — вы правильно говорили — не знает пределов. И захотелось царю состязаться с Самим Создателем.

В Библии сказано, что Нимрод был могучим звероловом. А зверолов как действует?

— Хитростью, ловушки устраивает, — с уверенностью знатока высказался Серёжа.

— Верно, лукавым заманиванием в капкан, в свои сети. Он пообещал своим подданным не только власть над всей землёй, но и проникновение в высший мир. Так родилась богоборческая мысль построить башню высотой до небес. Более шестисот тысяч человек увлёк он этой идеей — создать столицу мира.

Интересно отметить, почему было выбрано именно это место — Сennaар. Мы знаем, что случайностей нет.

— Сennaар — это долина Тигра и Евфрата, — проявила завидную эрудицию бабушка. — Считается, что там до грехопадения находился Эдем, райский сад.

— Верно. И город Вавилон был одним из богатейших и красивейших городов мира. Украшала его река Евфрат, протекающая через центр, грандиозный мост, высокая набережная,

дворец правителя, храм, висячие сады. Рай, да и только.

Но земного рая Нимроду было мало. У него имелся тайный вдохновитель и консультант, главный богоборец — сатана. Именно князь тьмы увлёл Нимрода и его подручных идеей создать в Вавилоне башню со странным названием Этеменаки, что означает «основание неба и земли». Заложив это сатанинское основание, они намеревались рассеяться по миру и повсюду создавать подобные города. А чтобы совсем стать независимыми от Творца, они и собирались сделать себе новое имя. Всё это для того, чтобы вволю предаваться своим изменным страстям и желаниям.

Мог ли Господь попустить такое, чтобы люди всей земли стали рабами страстей, служителями сатаны?! Он предупредил через пророка Исаию: «И Вавилон, краса царств, гордость халдеев, будет ниспровержен Богом, не заселится никогда, и в роде родов не будет жителей в нём; не раскинет аравитянин шатра своего, и пастухи со стадами не будут отдыхать там. Но будут обитать в нём звери пустыни, и дома наполнятся филинами; и страусы поселятся, и косматые будут скакать там. Шакалы будут выть в чертогах их, и гиены — в увеселительных домах».¹

Но люди не услышали предостережений пророка и строили не просто башню человеческой цивилизации, а создавали из себя других существ, не Божьих созданий, а демоноподобных

¹ Ис. 13:19–26.

гордецов. Но «конец их будет по делам их», — сказано апостолом Павлом.¹

Господь не стал наказывать бунтовщиков ни потопом, ни землетрясением. Он... смешал языки!

— Да, один язык для всех людей — это был бесценный дар. Мы это замечаем, только оказавшись в незнакомой стране, где говорят на другом языке, — охотно поделилась своим опытом мама. — Помню, была я в Германии. Отстала от группы с переводчиком. Время уже возвращаться к автобусу, а я брожу и брожу по незнакомым улицам.

Машина нас ожидала у вокзала, но у кого ни спрошу из прохожих, где вокзал, никто меня не понимает. Между нами — стена. Извинятся — и уйдут. А минуты идут. Уже давно пора вернуться, я же мечусь туда-сюда. Ругаю себя, что русско-немецкий разговорник с собой не взяла. Чувствую себя несчастной, беспомощной, всеми брошенной.

Как всеми? А Отец Небесный?! Взмолилась: «Помоги, Господи!» И вдруг мне вспомнилось. Накануне вечером я просматривала словарь. Одно слово мне показалось забавным — Schnellzug. Я его несколько раз повторила — шнельцуг, шнельцуг... Оно означало скорый поезд. Слово «где» я знала — Wo ist...

Спросила первого встречного. Стена непонимания рухнула. Он, улыбаясь, показал мне ру-

¹ 2 Кор. 11:15.

кой. Лишь одно слово — и меня поняли! Я была спасена!

Уже в автобусе я думала о том, что единый язык — это Божий дар, дар взаимопонимания, дружбы, любви.

— Увы, — грустно заметил дедушка, — этот изумительный дар люди использовали для борьбы с Тем, Кто создал их, создал мир и Сам назван Словом.

— «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог, — привела бабушка первый стих Евангелия от Иоанна. — Оно было в начале у Бога. Всё через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков; и свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

— Чтобы тьма не объяла всех, Господь и смешал языки. Люди перестали понимать друг друга. Один просит у другого кусок хлеба, а тот подаёт ему камень.

Башня так и осталась недостроенной. Руины её и сейчас там. А строители разошлись по всем сторонам света без покаяния, разошлись, унося с собой крупницы тайных, сатанинских знаний, страсть к колдовству и главное зло — гордыню свою.

Они придумывали различные религии, верования, философии, лишь бы оправдать свои низменные желания, свою самость, лишь бы отвергнуть истинного Бога, Который есть любовь.

— Бабушка, ты говорила про особый разговор о каком-то дворце, — напомнил внук.

— Да, это особый разговор, — подтвердила бабушка. — В самом начале войны с Наполеоном русский царь Александр I дал обет: если Россия будет спасена от нашествия иноземцев, он воздвигнет величественный храм во славу Христа Спасителя.

Этот храм создавался не только на средства из царской казны, но и по всей Руси-матушке собирали копеечки, каждый давал, сколько мог.

Как-то возвращались сборщики пожертвований из далёких краёв с мешками денег. На поезд, в котором они ехали, напали грабители. Обыскивают каждого, всё подчистую отбирают...

Один из сборщиков крикнул им:

— Как вы можете?! Это же деньги на храм Христа Спасителя!

Остановился разбойный люд, перекрестился, вернул всё отобранное и ушёл с миром и покаянием.

Сорок шесть лет строили этот храм. Нигде в мире такого не было. На его стенах были начертаны имена героев Отечественной войны — от солдата до маршала. Это был не только дом молитвы, но и памятник народному подвигу. Со всех концов Родины сюда приезжали близкие погибших, чтобы заказать поминальные службы и написать на стене дорогие имена убиенных за Отечество. И никто не осмеливался их стирать!

Стереть с лица земли решили сам храм безбожные правители-коммунисты. Решили Дворец Советов на его месте воздвигнуть.

Именно на этом месте не потому, что места другого не нашлось, а потому что *вместо*. Уж очень народ любил этот храм. Богоборцы думали уничтожить не только само здание, но и веру в Господа нашего Иисуса Христа.

Однако как ни пытались построить Дворец Советов с фигурой вождя революции наверху, ничего не вышло. Фундамент уходил в почву. Однако только смогли соорудить атеисты на этом месте — открытый плавательный бассейн «Москва».

Но ныне — слава Богу! это же чудо! — вновь восстановлен этот святой храм. Народ, как бы его ни обманывали, хочет жить с истинным Богом, хочет быть сыном Божиим.

Дети, берегитесь баобабов!

— **А** Танька опять перед зеркалом вертится, — доложил бабушке Серёжа.

— Я только волосы поправила, — оправдалась Таня.

— Да, «только»! Уже полчаса глаз оторвать от себя не можешь.

— А твоё какое дело?

— О тебе забочусь, чтоб в себя не влюбилась.

— Уж кому-кому, а тебе лучше было бы помолчать об этом: что ни слово, всё я да я... Как честолюбец в «Маленьком принце».

— Какой ещё честолюбец?

— «Маленького принца» не читал, позор! А ещё мой брат!

Однажды Маленький принц попал на планету, где жил всего один человек — честолюбец. Ну, тот, кто любит, чтобы им восхищались. Как только он увидел Маленького принца, то попросил его похлопать ему в ладоши. Маленький принц похлопал. Честолюбец снял шляпу и раскланялся. Маленькому принцу это показалось забавным, он опять захлопал. Честолюбец был очень доволен и вновь, сняв шляпу, раскланялся, и так несколько раз. Это наскучило Маленькому принцу. Он попробовал о чём-то заговорить, но честолюбец не хотел ничего слышать,

кроме восторгов, кроме признания его самым красивым, самым нарядным, самым богатым и самым умным на той планете.

— Но ведь он там был один?! — удивился Серёжа.

— Да, один, но всё равно просил: «Доставь мне удовольствие, восхищайся мною!» И Маленький принц удрал от честолюбца.

— Так это ты о себе рассказывала! Всё лезешь, чтобы тебя похвалили: бабушка, посмотри, как я платице погладила; мама, полюбуйся, как я задание переписала.

— Может, хватит, дети? — вмешалась бабушка. — Лучше вспомним про баобабы из «Маленького принца».

— Какие баобабы? — спросил Серёжа.

— Среди хороших семян на крошечной планете Маленького принца были и семена баобабов, — охотно рассказала бабушка. — Вся планета была заражена ими. И Маленький принц сражался со зловредными растениями. Он понимал, что каждый день их надо выпалывать, иначе, вырастая в громадное дерево, они своими корнями пронзят всю планету и разорвут её в клочья. Маленький принц знал про одну планету, на которой жил лентяй. Тот вовремя не выполол три кустика и... По этому поводу замечательный писатель Сент-Экзюпери восклицал: «Дети! Берегитесь баобабов!» Тут главное — не прозевать и успеть выполоть сорняк-росточек.

У старца Силуана есть поучительная притча.

Один охотник, выслеживая зверя, забрался на высокую гору. Устал. Сел отдохнуть. Увидев, как птицы легко перелетают с горы на гору, подумал: «Почему Бог не дал человеку крыльев, чтобы он мог летать, как птица?»

Мимо проходил святой отшельник. Ему были открыты мысли охотника, и он сказал:

— Если тебе Бог даст крылья, ты всё равно не будешь доволен и подумаешь: «Крылья мои слабы. Я не могу с ними долететь до неба, чтобы увидеть, что там».

Если тебе будут даны сильные крылья, на которых ты взлетишь до неба, ты и тогда будешь недоволен и скажешь: «Я не понимаю, что здесь происходит».

Если тебе Бог даст разум для понимания, ты опять возмечтаешь: «Почему я не ангел?»

Став ангелом, захочешь стать херувимом, а потом и управлять всем небом.

Если тебе будет дано управлять небом, то и этого тебе будет мало, как некогда было мало тому, кто первый восстал на Творца.

— Так что вырвем скорее баобабы, пока он маленький.

— А баобабы у нас не растут! — отмахнулся Серёжа.

— Ещё как растут! — воскликнула бабушка. — Желание похвастаться, возвыситься над другими разве не подобно росту баобаба? Не

заметишь, как эти ростки заполнят всю планету нашей души. Всё хорошее у нас от Бога. Так чем нам гордиться? А гордость — мать всех пороков. Из неё и рождается желание обожествить себя, как это произошло с архангелом Денницей, ставшим дьяволом. Он ведь был сотворен светлым, но, превознося себя, стал тёмным, злым. Те, которые любят себя, тщеславятся, то есть гонятся за тщетной, напрасной славой, встают на путь гибели. Тщеславие рождает зависть, а от зависти до преступления один шаг. Завидуя, Каин убил в себе всё доброе, а потом убил и брата Авеля.

Так что хорошее дело творил Маленький принц, выпалывая баобабы.

— Яд гордости, которым отравил змей первых людей, отравил им и почти всё человечество. Лишь немногим удалось избежать этих ядовитых сетей, — задумчиво произнёс дедушка и, заметив вопрошающий взгляд Тани, пояснил:

— Однажды Антоний Великий — был такой действительно великий подвижник веры — увидел сети дьявола, распостёртые над всей землёй. Для каждого — своя приманка. И прежде всего на неё попадают те, кто возвышает себя над другими.

— Я читал об одном византийском императоре, — привёл пример папа. — К нему разрешено было обращаться только со словами «Ваша вечность». Император восседал на золотом троне под золотым деревом с золотыми листья-

ми, на золотых ветвях распевали птицы, а золотой лев рычал.

Даже иностранные послы должны были склоняться перед государем в земном поклоне. Когда же посланники поднимали головы, императора перед ними уже не было: скрытым устройством он возносился вместе с тронном над головами всех и свысока взирал на посетителей. Он парил над всеми, чувствуя себя богом.

— Богом хотел стать и Александр Македонский, — напомнил дедушка. — Гениальный полководец, стратег и тактик, одержавший множество побед, замыслил создать великое государство от Атлантического океана до Инда. Ради этого он не останавливался перед пытками, казнями и жестокими расправами над целыми народами.

Каковы итоги его походов? Опустошение, истребление целых народов. А зачем? Что двигало им? Гордость — источник зла. Гордецу кажется, что Бог ему не нужен, что он всего достигнет сам, своим умом, своим талантом, своей волей. Постепенно он начинает чувствовать себя центром мира, живым богом и желает, чтобы таковым признали его и современники.

Но как ни пытался Александр Македонский увлечь сподвижников идеей покорения всего мира, созданием новых городов, какие несметные богатства ни обещал, соратники не пошли за ним. После восьмилетних изнурительных походов ни у кого не было больше желания риско-

вать жизнью. Все их мысли сводились к одному: домой!

Что же оставил он после себя? Лишь реки крови да гордое имя. А где гордость, там и демоны.

— Но теперь, чтобы возомнить себя великим, не обязательно быть императором, — подчеркнула мама.

* * *

Мне рассказывала моя знакомая о своём сыне. Это был хороший мальчуган. Но, едва приоткрыв веки, он не желал даже взглянуть на подаренный Богом день, а, зашторив окна, погружался в мир маленьких компьютерных человечков. Здесь не надо было морщить лоб над решением домашних заданий — решать математические задачи или запоминать дивные строки поэтов.

Здесь лишь нажми кнопку — и ты властелин. Ещё бы! По мановению пальца можно распоряжаться не только судьбами отдельных людей, но и уничтожать целые города. Разве не становился он в эти минуты похож на Александра Македонского?

Но вот командовать собой он не научился. Постель оставалась неприбранной, сам неумытым, уроки невыполненными.

Тем не менее часы неумолимо бежали. Стрелки указывали час, когда надо было перешагнуть порог дома и привести не выдуманных существ, а самого себя в школу. И тут Витя

представлял, что в классе его ждёт неминуемая расплата за невыполненные задания и строгая учительница поставит плохую отметку.

Вечером отчёта потребуют родители. И слова о том, что его и сегодня опять не спрашивали, а дневник забыл в школе, не будут приняты во внимание: возмездие неизбежно.

Так зачем же идти в школу — там одни только неприятности! Не лучше ли махнуть к товарищу, который уже вернулся домой с первой смены и наверняка смотрит новые диски?

Так мелькали годы, проведённые в придуманном, виртуальном мире. Но игры, сменяя одна другую, стоили немалых денег, а где их взять?

Да дома, если плохо лежат. Это был уже не виртуальный мир, а реальная действительность. Хороший мальчуган стал обманщиком и даже жуликом.

— Одумайся, одумайся! — взывал к нему крёстный. — Бог долго терпит да больно бьёт. Разве для того Он тебя создал, чтобы кнопки для развлечения нажимать?

Но Виктор уже никого не слышал, давно став зомби — человеком, потерявшим себя, своё «я», став марионеткой, управляемой злым духом.

В доме скопилось множество дисков. Отец грозил их выбросить. Пришлось отнести их на сохранность к дружку, такому же зомби.

Время шло. Сверстники уже поступили в институты, а Витёк еле-еле получил аттестат. Но с такими оценками куда примут?

Уже здоровенный детина вымахал, а всё на шее у родителей. Ему бы страну поднимать, людей радовать, а он днями на диване валяется, всех обвиняя: в школе дурные программы, в армии — «дедовщина», в институте платить надо. Весь мир плох.

Позвонил дружку:

— Забрать диски хочу.

— Ну что ж, забери. Только точно скажи время, когда придёшь, чтобы мне подготовиться.

В назначенный час Витёк вошёл в знакомый подъезд, а там целая компания таких же верзил. Косо на него взглянули, но пропустили, не тронув.

Зато когда спускался с сумкой, переполненной «сокровищами», то так дали, что Витёк сознание потерял. Очнулся на лестнице, весь в крови. Сумки нет. Прощайте, диски!

Но вразумился ли? Откроет ли реальный мир, себя, Бога?

— Да, это главные вопросы, — согласился дедушка. — Спросили митрополита Калининградского и Смоленского Кирилла:

— Владыка, во многих компьютерных играх происходят убийства, драки — игрок должен сбивать самолеты, наносить удары, стрелять из пистолета в своих противников. Нет ли в этом греховных помыслов?

Митрополит Кирилл ответил:

— Здесь агрессивные действия являются усло-

вием игры. Чем более вы агрессивны, тем большее поощрение вы получите.

Человек погружается в мир агрессии, погонь, насилия, убийств. И если это совсем маленький человек, который только формирует, развивает свои нравственные начала, последствия могут быть катастрофическими. Это представляет огромнейшую опасность выживанию человечества, человеческой цивилизации.

Мы имеем дело с дьяволом. И это надо понимать. «Бог с дьяволом борется, а поле битвы — сердце человека». Достоевский сказал так ясно, что яснее уже не скажешь.

Мы должны понимать, что идёт борьба за будущее человека, борьба за существование нашего мира, борьба за Царство Божие.

Тогда митрополита Кирилла спросили:

— Как противостоять этому компьютерному насилию?

Митрополит ответил:

— Я думаю, что существует только один совет. Каждый из нас должен найти некоторое время, когда человек может оторваться от суеты мира и подумать о себе, что происходит в его собственной душе, в его сознании. Это стояние пред лицом Божиим, когда человек останавливается и говорит: «Нет, это не пойдёт, я просто погибаю в сетях страстей. Господи, дай мне силы, помоги!»

— Очень ценный совет! — заключил дедушка. — Остановиться и взглянуть на себя.

* * *

Один генерал оказался в Саровском монастыре. Его уговаривали зайти к преподобному Серафиму. Генерал не хотел. Зачем? Он был вполне доволен своим положением, собой. Что может сказать ему монах?

Однако его всё-таки уговорили. Святой старец всех встречал с радостью, иногда целовал пришедшим руки, а тут даже упал к ногам гостя. Это удивило посетителя, но когда прозорливый Серафим раскрыл гордецу грехи его жизни, и ордена, полученные за счет унижения других, посыпались сами собой на пол, генерал разрыдался.

Выходя из кельи он был как ребёнок. И все дальнейшие годы прожил смиренно.

— Да, стоит человеку мысленно предстать пред Богом — и он начинает преображаться, — подчеркнула бабушка и рассказала очередную историю.

* * *

Жена Булата Окуджавы, известного барда, оказалась в Псково-Печерском монастыре. Она поделилась со старцем Иоанном Крестьянкиным своим беспокойством: муж не крещён, и уговорить его принять святое таинство ей не удаётся.

Старец успокоил женщину, сказав, что муж её в своё время примет крещение с именем Иоанн.

Прошли годы. Булат купался в волнах быстрой речной человеческой славы. Он был выразите-

лем настроений целого поколения. Его песни распевали у костра геологи и туристы, пели на вечеринках и концертах.

Пока Земля ещё вертится,
Пока ещё ярок свет,
Господи, дай же Ты каждому
То, чего у него нет.

Находя неожиданные слова, прося за многих, вдруг завершал:

И не забудь про меня...

Жена забыла о разговоре в монастыре, но Господь помнил песенную мольбу к Нему и дал то, чего у Булата не было — желание спасения.

Окуджава с женой оказался в Париже, где его настигла болезнь. О чём думал бард на чужбине? Может, вспоминал своего земного отца — безбожного комиссара? Может быть, предчувствуя предстоящий Суд, листал страницы пережитого и думал о встрече с Небесным Отцом? Это одному Богу известно.

Но факт остаётся фактом: в последние мгновения он попросил жену... крестить его.

Она, зная, что в особых случаях Церковь разрешает совершать спасительное таинство даже мирянам, спросила:

— Какое святое имя ты хочешь принять?

Булат, не задумываясь, ответил:

— Иоанн.

Едва войдя, не раздеваясь, мама обрушилась на сына:

— Серёжа, на тебя соседи по двору жалуются. Гонял наперегонки с ребятами на велосипеде, сбил с ног маленькую девочку. Слава Богу, обошлось без травм, но перепугал малышку.

— Она сама на дороге стояла.

— Объехать не мог? Да и зачем во дворе гонки устраивать?

— У него руль не слушается и тормоза не работают, — раскрыла причину Таня.

Серёжа хотел что-то возразить, но его опередил папа:

— Я же говорил тебе, что прежде чем ездить, надо починить тормоза. Говорил?

Серёжа опустил голову.

— И старшим, как мне сказали, нагрубил. Сплошное непослушание и даже дерзость, — констатировала мама. — Что с тобой происходит, Сергей? А?

— Да у него самого тормоза не работают, — поставила диагноз Таня. — Может, это про него стихи:

Я не знаю, как мне быть —
Начал старшим я грубить.

Скажет папа: — Дверь открыта,
Притвори её, герой!

Я ему в ответ сердито
Отвечаю: — Сам закрой!
Очень бабушку люблю,
Всё равно — и ей грублю.

Очень деда обожаю,
Но и деду возражаю...
Я не знаю, как мне быть —
Начал старшим я грубить.¹

— Это что, переходный возраст у тебя начинается? — испытующе спросил папа. — Не рановато ли?

— Уже несколько поколений пребывает в состоянии «переходного возраста»: никаких авторитетов для них нет. Что хочу, то и ворочу! — посетовала мама. — Только к чему это приведёт, если у вступающих в жизнь нет никаких ограничений, запретов, тормозов? Не стой на моём пути — задавлю! Это же я еду — не видишь?! А я хочу быть первым. Хочу!

— Опять это «я»... Как же оно разрослось в нас! — вздохнула бабушка. — Да и что удивительного, если конкурсы красоты для малолеток уже устраивают. Состязаются в самолюбии чуть ли не с пелёнок. Хвастаются волосами, фигуркой, нарядами, богатством. Дух соперничества

¹ С. Михалков, «Лапуся».

витает над миром. Ах, Мисс Европа, Мисс Вселенная — наша! Ну и что?

— Я вижу в этом стремление к превосходству. Одна нация превозносится над другой. Только это уже было, было... Мне вспомнилась одна история времен Отечественной войны, — поделился размышлениями дедушка.

* * *

Некий офицер, эсэсовец (были такие части, несущие смерть), хвалился своей собакой.

Мы знаем, что собаки по своей природе, по своему предназначению — помощники и друзья человека. Они не только охраняют дома, помогают охотиться, пасти скот, но и спасают людей при снежных лавинах и землетрясениях. А во время войны искали мины, бросались под вражеские танки, неся на себе взрывчатку.

Но этот эсэсовец гордился тем, что его овчарка была обучена хватать за горло любого, когда он приказывал: «Фас!».

Офицер привязывал пса на длинную цепь, доходящую до самой двери, и был уверен, что никто не войдёт в дом.

Был тёплый день. Собака лежала возле конуры и грелась на солнце. Вдруг калитка скрипнула, и показался маленький мальчик, только научившийся ходить. Ковыляя, он направился к овчарке, протягивая к ней доверчивые ручонки.

Та тихонько заворчала, но малыш, ещё не зная о существовании зла, доковылял до собаки,

сел рядом и, радостно что-то лепеча, стал её гладить.

Что произошло с ней в эти мгновения?

Всё злое, чему она была обучена, улетело от прикосновения детских рук. Овчарка замерла, испытывая нечто неведомое.

И тут на крыльцо вышел хозяин. Увидев в происходящем угрозу, что вся школа ненависти, воспитанная годами, может рухнуть, он возмущённо крикнул псу, указывая на ребёнка:

— Фас!

Овчарка поднялась и загородила собой малыша. Мальчуган тоже встал. Он удивлённо смотрел на сердитого дядю и, ища защиты у своего нового друга, обнял собаку.

Это привело офицера в ярость.

— Фас! Фас! — кричал он, спускаясь с крыльца и на ходу вынимая из кобуры пистолет.

Тут пёс вдруг кинулся на своего хозяина и вцепился ему в горло.

В этот миг в калитку вбежала перепуганная женщина, схватила ребёнка и стремглав вылетела на улицу.

Когда на крики прибежали солдаты, эсэсовец был уже мёртв.

Никто не понимал, что случилось, почему верный пёс кинулся на своего дрессировщика. Посчитав, что собака сошла с ума, её пристрелили.¹

¹ Рассказ Л.И. Ганаго.

— А разве не сошёл с ума целый народ, пришедший с войной? Разве не дух самовозвышения владел им?

— Этот дух пребывает в каждой войне, — подхватила мысль бабушка. — Накануне битвы между филистимлянами и израильтянами войска стояли строй против строя, ожидая сражения.

Вперёд выступил исполинского роста филистимлянин Голиаф. Он, вызывая себе единоборца, смеялся, издеваясь над израильтянами и их Богом.

Никто не дерзнул выйти на поединок со страшным великаном. Лишь молодой пастух Давид, уповая на Бога, выступил вперёд.

Голиаф даже захохотал при виде такого маленького соперника. Но Давид метко брошенным из пращи камнем поразил Голиафа. Тогда филистимляне, видя, что их силач погиб, в страхе разбежались.

— Епископ Ириней советовал из многочисленных наших пороков выявить главный. Если будет убит этот великан, тогда разбегутся и остальные наши пристрастия.

А какой главный наш порок, мы уже знаем — зазнайство, тщеславие, гордость, — грустно улыбнулся дедушка. — Теперь бы узнать, как бороться с ними.

Гордость побеждается смирением. В этом мы можем убедиться, вспомнив житие преподобного Сергия Радонежского.

Святой никогда не носил новую или мягкую одежду, а только из грубой ткани, старую, которую другие отказывались носить. Порой проходящие к нему не верили из-за его скромного вида, что именно он — знаменитый старец.

Так случилось с одним простым земледельцем, оказавшимся в монастыре. Он стал расспрашивать монахов, где ему можно повидать их игумена.¹

В это время святой Сергей копал грядки в огороде. Монахи посоветовали подождать, пока настоятель завершит работу.

Пришелец заглянул в дырочку забора и, увидев простого крестьянина в заплатанной одежде, не поверил, что это и есть сам святой.

Думая, что монастырская братия подшутила над ним, он вновь обратился с просьбой указать ему настоящего старца:

— Я издалека пришёл сюда. У меня к нему важное дело.

Монахи опять подтвердили свои слова:

— Мы уже показали тебе игумена. Если не веришь, спроси его сам.

Пришелец в ожидании встал у калитки. Когда преподобный вышел, иноки сказали:

— Вот тот, который тебе нужен.

Но посетитель отвернулся, обидевшись:

— Я пришёл посмотреть на пророка, а вы мне показываете какого-то нищего! Напрасно я

¹ Игумен — настоятель, руководитель монастыря.

шёл сюда, думая получить пользу своей душе, а вместо того встречаю только насмешки... Но я ещё не дожид до такого безумия, чтобы в убогом старичке признать знаменитого Сергия, о котором слышал много славных вещей!

Братья оскорбились за честь своего любимого игумена и сказали преподобному:

— Только при тебе не смеем, отче, а то гостя твоего выслали бы вон из обители — такой он невежа! Да ещё нас укоряет, что мы смеемся над ним!

Но человек Божий сказал:

— Нет, зачем же выгонять? Не трогайте его. Своими простодушными словами он не причинил мне никакого зла. Да если бы он и согрешил, то нам, духовным, подобает «исправлять таковых духом кротости».

Не дождавшись поклона от пришельца, угодник Божий сам подошёл к нему и с великим смирением поклонился до земли. Потом поцеловал его, с любовью благословил и поблагодарил за то, что этот простец имеет о нём справедливое мнение...

Преподобный взял гостя за руку, посадил рядом с собой за трапезу и сам стал угощать его. Простодушный посетитель поведал свою печаль, что доселе не удалось ему увидеть игумена Сергия.

— Не скорби, брат, — утешил его преподобный. — Бог так милостив к месту сему, что никто не выходит отсюда печальным.

В это время в монастырь прибыл князь, окружённый многочисленной свитой бояр и слуг. Преподобный встал, чтобы встретить именитого гостя, а слуги князя, расчищая дорогу для своего господина, оттеснили в сторону простодушного пришельца.

Прибывший князь ещё издали смиренно поклонился до земли угоднику Божьему, который поцеловал его и благословил; затем оба они сели, а все бояре и братья почтительно стояли вокруг.

Смущённый простец хотел сквозь толпу рассмотреть знаменитого игумена и вновь спросил:

— Кто тот монах, что сидит справа от князя?

Ему с упрёком сказали:

— Разве ты не знаешь преподобного Сергия?

Только тогда понял пришелец своё невежество и стал укорять себя: «Как будто я ослеп и не вижу, с кем говорю!»

Дождавшись, когда князь вышел, он бросился к ногам преподобного, прося простить его. Смиренный игумен кротко ответил:

— Не скорби, чадо, один ты справедливо рассуждал обо мне, ведь они все ошибаются! — и отпустил с благословением.

Но доброе сердце простого человека так было тронуту смирением и любовью великого подвижника, что он скоро опять пришёл в обитель, дабы никогда её не оставлять.

— У Антония Великого есть впечатляющие слова: «Как гордость и возношение ума низверг-

ли диавола с высоты небесной в бездну, так смирение и кротость возвышают человека от земли до неба»¹.

— Да, действительно впечатляющие слова, — согласилась мама. — Но легко сказать: смирение и кротость возвышают до небес. А как обрести смирение?

Ответить попытался дедушка:

— Прежде всего, думается мне, надо спросить себя, чего я хочу — избрать маршрут, вооружиться надеждой на Бога, проверить тормоза.

* * *

Как-то я ехал на легковой машине в соседний город. Водитель, петляя по улочкам, завернул на какой-то маленький рынок, купил всё необходимое и ловко вырулил на главную магистраль. Я спросил его:

— Бывает ли так: машина заправлена, всё погружено для дальнего рейса, поехали, а куда поехали — не знаем?

— Так не бывает! — засмеялся шофёр.

— Как не бывает? — вновь спросил я. — Не кажется ли вам, что человечество всё время куда-то стремится, движется?

— Да, пожалуй, — неуверенно пробормотал мой собеседник.

— А представляем ли мы, куда направляемся?

— Едва ли, — вынужден был признать водитель.

¹ Добротолюбие, т. I. Изречения св. Антония Великого.

— Значит, получается, что мы едем, а куда — не знаем?

— Да, получается так, — призадумался шофёр.

* * *

У Ивана Александровича Ильина, замечательного мыслителя XX века, есть сказка о богатом человеке. Тот мог купить всё, что пожелает, но в душе его была пустота. Бедняга не знал, что ему делать со своим богатством и со своей жизнью.

По совету друзей он отправился на гору, где жила мудрая отшельница.

Выслушав богача, она сказала:

— Плохи твои дела, голубчик. Ты потерял главное — смысл жизни. Иди и ищи.

В Греции любимым состязанием была стрельба из лука. И если кто промахивался, то судья говорил: «Грех», что в переводе с греческого означает «промах».

Господь поставил перед нами удивительную цель — стать сынами Божьими, наследниками вечного Царства, Царства любви.

И если своими поступками мы промахиваемся, и наша жизнь летит мимо божественной цели, мимо божественного замысла, мы совершаем грех.

Гордец ослеплён собой. Не видя Бога, он сам из себя творит божество, сам устанавливает для себя заповеди.

Но вернёмся к моей поездке в соседний город. На пути нам встретились две разбитые машины — следствие аварии. Кто-то куда-то слишком торопился, у кого-то отказали тормоза. Куда теперь летят их души?

Старцы считают, что Господь будет судить нас именно по направлению, нами избранному: куда мы стремимся — к Нему или в погибель?

Порой кажется, что в аварию попал уже весь мир, не ведая цели своего маршрута.

О смирении

— Серёжа, что-то у тебя в дневнике вновь тройки замелькали. В чём дело? — строго поинтересовался папа. — Опять учительница придирается?

— Конечно. Дурная она.

— Вот как? — нахмурился родитель.

— У братца моего все дурные, один он всегда хорош, — пояснила Таня.

— Это мне напомнило одну притчу, — поспешила предотвратить ссору бабушка.

* * *

Некий человек, думающий о спасении души, заметил, что часто теряет мир в сердце своём.

Хочет со всеми согласия, а кто-нибудь обязательно выведет его из равновесия, и он при этом не только огорчается, но и раздражается, обвиняет и даже гневается на обидчика.

«Ох, как люди кругом несовершенны, — думал он. — Разве можно, живя с такими бок о бок, спастись? Они же постоянно вовлекают меня в грех осуждения, и я становлюсь брюзгой. Уйду-ка от них подальше, — решил он, — и мир да любовь воцарятся во мне».

Ушёл. Поселился в глухом лесу. Молится, трудится, радуется красоте природы. Доволен

собой, восхищается, какой мудрый путь нашёл для спасения.

Да не тут-то было! Злой дух зорко следил за каждым его шагом и незаметно расставлял свои сети.

Однажды принёс отшельник родниковой водички в кувшине, поставил его на пенёк, а тот кривым оказался. Кувшин опрокинулся, и вода разлилась. Поворчал отшельник: кто так косо деревья пилит? Ну и люди, нигде от них не укрыться. Всюду достанут!

Повздыхал-повздыхал, но что делать? Пить-то хочется. Вновь пришлось идти к источнику, а тот далековато находился.

И что же? Уже несколько шагов оставалось до жилища — о кочку споткнулся. Опять всё вылилось. Пнул кочку раздражённо. Да что толку? Как быть без воды?

Передохнул немного, и к источнику. Набрал полный кувшин и, осторожно ступая, понёс к себе. Но у самой кельи за корягу зацепился. Опять без питья!

Тут им овладел гнев, и он в ярости ударил кувшином об эту злополучную корягу, да так ударил, что тот на куски разлетелся. В этот момент ему послышался чей-то раскатистый хохот.

Оглянувшись вокруг, он никого не увидел и, присев, задумался: «Разве пень, кочка, кувшин виноваты? Не во мне ли причина? А от себя ни в каком дремучем лесу не укроешься. Само-

влюбленность, страсть к осуждению других, где бы ты ни оказался, всюду будешь носить в сердце своём, пока не изгонишь из себя».¹

— Но как их изгнать? Вот в чём вопрос! — вздохнула мама.

— Наука о спасении души — главнейшая из всех наук, но есть ли желающие постигнуть её? — спросил дедушка и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Особенно трудна она для тех, кто живёт в богатстве и наделён властью. Вспомним жизнь святого Иоанна Дамаскина.

* * *

Детство и юность его промелькнули в Дамаске, которым владели язычники-арабы. Тем не менее, отец Иоанна Сергей, будучи христианином, был приближённым калифа. Имея большое влияние на властелина, Сергей старался творить добрые дела. Он освобождал пленных христиан, захваченных арабами в набегах. Однажды среди пленных его внимание привлёк печальный монах.

— О чём ты горюешь, Божий человек? — поинтересовался Сергей. — Монахи отреклись от суеты мира и должны с радостью принимать испытания и скорби, посылаемые им. Что может огорчать тебя?

Ответ монаха был неожиданным:

— Меня беспокоит то, что огромное богатство, накопленное мной, я не смогу передать никому, ибо не имею наследника.

¹ Схиигумен Савва. «Семена слова для нивы Божьей».

Видя нищую одежду пленника, Сергей спросил:

— Что же ты успел накопить? Истинный монах живёт духовными ценностями, отказавшись от сокровищ мира.

— О них и говорю, — подтвердил инок. — За долгие годы, которые дал мне Господь, я изучил множество божественных книг. И теперь боюсь Страшного Суда, когда услышу вопрос: как ты употребил дарованные тебе таланты?

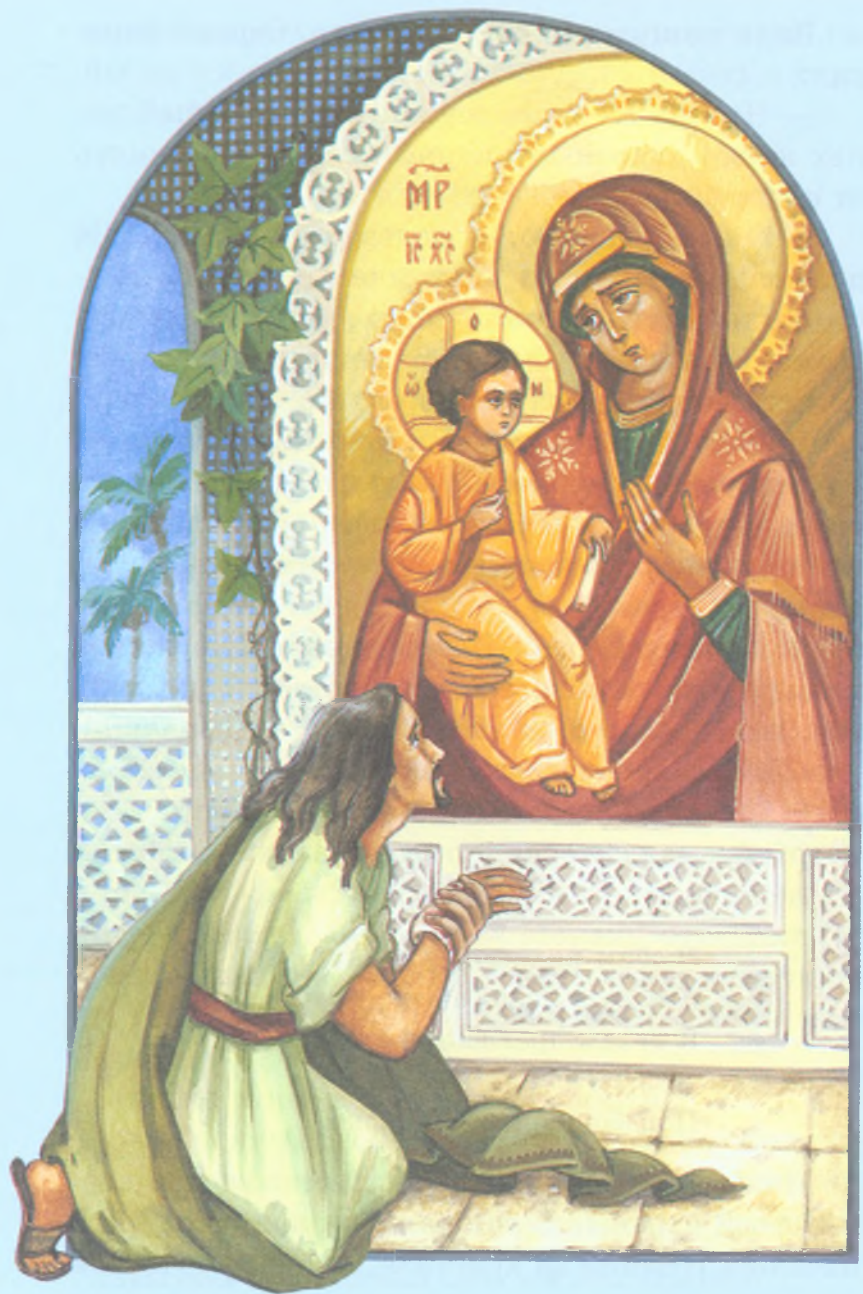
Придворный увидел в этой встрече Божий Промысел: он долго искал учителя для своего сына. Сергей уговорил калифа освободить из плена учёного монаха и поручил иноку воспитание своих детей.

Когда сын Сергея Иоанн окончил обучение, калиф, видя образованность и живой ум юноши, назначил его министром и градоначальником Дамаска.

У Алексея Константиновича Толстого есть целая поэма, которая так и названа — «Иоанн Дамаскин».

Любим калифом Иоанн,
Ему, что день, почёт и ласка,
К делам правления призван
Лишь он один из христиан
Порабощённого Дамаска.

Почётом он пользовался и далеко за пределами своей страны. В то время в ряде государств начались гонения на христиан, которые почитали

иконы. А икона — окно в мир ангелов и святых, путь к богообщению. Это не давало покоя силам зла.

Поэтому в VIII веке в Византии и возникла иконоборческая ересь. Император Лев издал указ, запрещающий иконопочитание в церквях и даже домах.

Народ любил иконы, находя в них божественную помощь и утешение. Вспыхнувший мятеж был люто подавлен. Множество людей предали смерти.

Иоанн Дамаскин смело выступал против иконоборцев. Его письма в защиту святынь передавались из рук в руки не только в Дамаске, но и в Греции.

Мог ли это спокойно перенести безумный противник иконопочитания император Лев? Он повелел своему писцу, подделав почерк, составить письмо будто бы от Иоанна к императору Льву. В письме говорилось о слабой охране Дамаска и о готовности Иоанна помочь императору в захвате столицы.

Эту фальшивку император Лев переслал калифу. Калиф, поверив в измену своего любимого царедворца, приказал отсечь правую руку у неповинного Иоанна и повесить её на городской площади.

Страдающий от боли и клеветы Иоанн выпросил у калифа отсечённую руку и умолял Царицу Небесную даровать ему исцеление. Он обещал Божьей Матери в случае выздоровления

этой рукой писать песнопения во славу Небесной Заступницы.

Во сне ему явилась Богоматерь со словами: «Ты исцелён. Трудись же прилежно твоею рукою».

И чудо свершилось! Рука вновь оказалась здоровой и невредимой.

Коварство императора Льва обнаружилось. Калиф, осознав свою вину перед Иоанном, пытался упросить его вернуться на службу.

Ты будешь мне мой брат единый:
Возьми полцарства моего,
Лишь правь другою половиной!

Но Иоанн отказывается:

О, отпусти меня, калиф.
Дозволь дышать и петть на воле!

Раздав нищим свою несчётную казну, распустив слуг и рабов, Иоанн и сам оказывается на воле.

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды!
Благословляю я свободу
И голубые небеса!

И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,

И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!

Свобода Иоанну была желанна для того, чтобы всего себя отдать на служение Богу и Божьей Матери. И потому, освободившись от сетей мира, он устремляется в монастырь.

Тропинка вьётся над оврагом,
И вот, спускаясь по скалам,
При свете звёзд, усталым шагом
Подходит странник к воротам.

«Все попечения мирские
Сложив с себя у этих врат,
Приносит вам, отцы святые,
Свой дар и гусли новый брат!»

По монастырскому обычаю, желающий стать иноком должен был пройти ряд испытаний. А испытывались в пришедших прежде всего послушание, смирение, отказ от гордости, от своеволия. Для этого поступающим поручалась самая чёрная работа, их приучали безропотно переносить оскорбления и обвинения даже в том, в чём они не имели вины. Переступающий монастырский порог поручался кому-либо из опытных старцев в качестве ученика.

Но в монастырь Саввы Освящённого пришёл не обычный проситель, а знаменитый певец, кто

«разогнал иконоборства тьму», чьё «слово звучало, как колокол», кого называли Златоустом.

Узнав его имя, никто из братии не осмеливался стать его учителем.

После тягостных минут смущения вышел из толпы иноков один суровый на вид чернец и дал согласие взять пришельца к себе в ученики, но, помимо безропотного послушания, потребовал:

Коль ты пришёл отшельником в пустыню,
Умей мечты житейские поправить,
И на уста, смилив свою гордыню,
Ты наложи молчания печать!

Каково было Иоанну, который жил для вдохновенных строк, услышать этот запрет? Замолкнуть? Отказаться от обещания восхвалять Царицу Небесную?

Какие мысли пронеслись в голове Иоанна — кто знает? Смущены были и все ожидающие его ответа.

И начал он: «Моих всю бодрость сил,
И мысли все, и все мои стремленья —
Одной я только цели посвятил:
Хвалить Творца и славить в пенопенье.

Но ты велишь скорбеть мне и молчать —
Твоей, отец, я повинуюсь воле:
Весельем сердце не разыграет боле,
Уста сомкнёт молчания печать».

Иоанн, зная, что смирение — мать всех добродетелей, кротко выполнял все послушания. Ему поручили плести корзины — плёл. Поручили продавать их на городской площади — продавал, хотя бывшему градоначальнику это было непросто.

И при этом, как ему было велено, называл такую завышенную цену, что народ хохотал над ним.

Иоанн всё покорно терпел. Не выдержал его бывший слуга и, желая избавить своего любимого господина от поношений толпы, купил все корзины сразу.

Труднее было другое испытание — отказаться от создания стихов. И даже не потому, что они звучали в нём. С этим он ещё пытался справляться.

Но Иоанн не смог ответить отказом на просьбу монаха, которого постигло горе — смерть брата. Монах просил поэта сложить песнь, чтобы излить свою боль.

Иоанн долго отказывался, боясь гнева своего наставника. Его стали упрашивать все монахи, обещая, что старец ничего не узнает, так как сейчас в отъезде. Наконец Иоанн согласился. И у гроба прозвучали стихи:

Всё пепел, дым, и пыль, и прах,
Всё призрак, тень и привиденье —
Лишь у Тебя на небесах,
Господь, и пристань, и спасенье!

Исчезнет всё, что было плоть,
Величье наше будет тленье —
Прими усопшего, Господь,
В Твои блаженные селенья!

Но случилось непредвиденное: старец сам стал свидетелем непослушания и в гневе вынес приговор:

«Беги, певец!
Досель житейская гордыня
Ещё жива в твоей груди —
От наших келий отойди,
Не оскверняй собой пустыни!»

Потрясённый Иоанн пал к ногам старца. Вся монастырская братия умоляла не изгонять певца.

Старец, смягчившись, поручил провинившемуся для смирения духа выполнять самые грязные работы. Иоанн покорно принял повеление. Но старец не мог найти себе покоя.

И долго он поклоны клал,
И долго смерть он призывал,
И наконец в изнеможенье
Безгласен наземь он упал.

И старцу видится виденье:
Одеждой звёздною блистая,
Явилась Дева Пресвятая
С Младенцем спящим на руках.

И повелела Царица Небесная старцу снять запрет с Иоанна.

Его молитвенные звуки,
Как голос неба на земле,
В сердца послушные текли,
Врачуя горести и муки.

Всю дальнейшую жизнь святой Иоанн Дамаскин посвящает созданию духовных сочинений. Чем более он обретал смирение, тем большей силой наполнялось его творчество. Его песнопения и ныне поют в Церкви.

Старцы учат: «Смирение есть дверь, которая открывает сердце и делает его способным к вечной жизни».

— Серёжа, что это ты повесил у себя на стенке? — недовольно спросила мама. — Какие-то супермены, мутанты со звериными осками?

— А что, нельзя? Теперь у всех так! — приготовился к обороне сын.

Ему на выручку пришёл папа:

— Это такая мода теперь у ребят. Даже майки с чудовищами или черепами на себя напяливают. Повзрослеет — пройдёт.

— Ты думаешь, пройдёт? — переспросила бабушка. — Пройдёт, не оставив следа?

— Да мало ли чего у меня не висело в комнате в его возрасте! Сколько было разных увлечений... Ну и что? — бросил вызов папа.

— А то... Эти образы, впечатлившие тебя когда-то, до сих пор живут в глубинах твоего «я». И не просто живут, но ещё и незаметно диктуют тебе свои повеления. Ты считаешь, что сам всё решаешь, а нет! — бабушка старалась выбрать слова поделикатнее.

— Да что я, своей головы не имею? — обиделся папа. — Позволь напомнить: уже не маленький.

— Конечно, конечно, — согласилась бабушка. — Возраст уже подходящий для прозрения.

Вполне подходящий. Но откуда, скажи, у тебя такое безбожное настроение? Ты всегда стремишься всё святое отрицать, подвергать сомнению. Откуда это? Ведь душа тянется к Богу, как росток к солнцу. Но потом что-то затеняет этот росток. Как в притче о человеке, «посеявшем доброе семя на поле своём; когда же люди спали, пришёл враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушёл; когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы»¹.

Ох, сколько разных плевел было в детстве нашем! Сколько мы насмотрелись такого, чего и смотреть не надо было бы.

— Удивительно, как это додумался до своего открытия Лоренс! — воскликнул вдруг дедушка. — Казалось бы, для чего нужны гусята, вылупившиеся из яйца в инкубаторе? Разве лишь потом, когда вырастут, запечь с яблоками и подать к праздничному столу! А они, эти несмышлёныши, помогли ему открыть нечто важное — тайну первообраза!

— Дедушка, подожди, подожди! Какой Лоренс? Какой первообраз? Как это гусята помогли открыть тайну? — засыпала своего деда вопросами Танюша.

— О, это был удивительный опыт! — увлечённо продолжил дедушка. — Как он до него додумался? Скорее всего, ему Бог подсказал. Итак, жил-был Конрад Лоренс — учёный. Учёным всегда хочется узнать что-нибудь неведо-

¹ Мф. 13:24–26.

мое. И вот он стал наблюдать за гусятами, только что появившимися на свет не как обычно, согретыми маминым теплом, а в инкубаторе. Да, в инкубаторе тепло, светло. Но где же родная мамочка? Вековая память, заложенная в них, подсказывала, что мама должна быть рядом, чтобы повести за собой в самостоятельную жизнь, научить всему своим примером. Тут же что получается? Выбрались из скорлупки, ищут-ищут, а мамы нет. За кем идти, у кого учиться?

Интересно наблюдать за малютками, да проголодался Лоренс, пора идти обедать. Пошёл. И что же? Гусята — за ним! Еле-еле ножками передвигают, как-никак первые шаги, но за ним — гуськом. И куда бы он ни направился, они туда же. Даже когда им встретилась гусыня-мамаша, новорождённые и не подумали кинуться навстречу маме родимой, а потопали за учёным. Он стал для них первообразом, которому они собрались подражать, учиться у него жизни.

— Во дурни! — засмеялся Серёжа.

— Да ещё какие, ну совсем как некоторые современные ребятишки: что им покажут — за тем и топают. Показал Лоренс птенцам футбольный мяч — они за ним, как за мамой. Показал коробку из-под обуви — они за коробкой, за чем угодно, лишь бы что-то перед ними двигалось.

Так и детишки наши. Насмотрятся боевиков — и сами маски из маминых колготок на лицо напяливают.

— Один мальчик трогательно любил сестричку, — поделилась примером мама, — заболел о ней, учил читать, готов был в любую минуту броситься на защиту. И вот однажды, сделав разворот на одной ноге, другой ударил сестрёнку в лицо. Ударил — и сам испугался, бросился к ней утешать, просить прощения. Когда родители стали разбираться, как это могло случиться, выяснилось, что накануне их сынок смотрел по телевизору дикие драки ногами. Малыш не хотел бить сестричку, но вошедший в него образ уже действовал в нём.

* * *

— Во дворе, где промелькнуло моё детство, — поделился вспомнившейся историей дедушка, — стояло два турника. На них часами что-нибудь вытворяли цирковые артисты, три брата Капустины.

То они крутили «солнышко», то перелетали с одного турника на другой, то делали стойку на руках, а потом, прежде чем спрыгнуть на землю, делали сальто в воздухе, восклицая: «Алле-ап!».

Это было впечатляющее зрелище. Телевизоров у нас не было, на кино не всегда удавалось выпросить деньги у родителей. Соседский мальчик Антошка как замороженный созерцал этот бесплатный цирк.

Братьям для гастролей нужен был гибкий и отчаянно смелый мальчуган. Однажды они проверили способности Антошки, но сразу же за-

браковали. Он оказался обыкновенным, и они перестали его замечать.

Как-то утром выйдя во двор, мальчик заметил, что циркачи разбирают турники, и узнал, что они уезжают навсегда. Антошка горько заплакал. Чтобы утешить его, один из братьев подарил ему гантели, другой — маленькую гирию, а третий — афишу с надписью: «Братья Капустины — последний раз в сезоне!».

Братья не появились ни на следующий сезон, ни позднее — просто исчезли. Однако они поселились в душе мальчика навсегда.

Над постелью, убрав икону, Антон разместил памятную для него афишу. Там, под куполом цирка, в свете прожекторов, сияя улыбками, летали с трапеции на трапецию его кумиры — братья Капустины.

Увидев, что сын вместо иконы повесил афишу, мама умоляла:

— Возврати Матерь Божью! Она же твоя Заступница!

Но слова мамы были для сына пустым звуком. Он внимал лишь советам тренера в спортивном зале.

Дома Антон доходил до самоистязания, выжимая бессчётное число раз гантели и гири, бросая и ловя их.

— К чему это приведёт? — спрашивала мать. — Уроки бы лучше учил. У тебя отца нет. Долго ли я смогу содержать тебя? Скоро придёт пора самому вставать на ноги.

Антон пропускал мимо ушей назойливые причитания родительницы. Да и в школе замечания учителей не слушал. Он давно для себя решил: ни Лобачевским, ни Эйнштейном ему не быть. А вот если бы его имя такими же крупными буквами было отпечатано, как на этой афише: «Антон Похлёбкин»!

Впрочем, своя фамилия ему никогда не нравилась. И он частенько подбирал себе какой-нибудь звучный псевдоним, Антон Задунайский, например.

После спортивных занятий Антоша каждый день, поглядывая в зеркало, любовался своими бицепсами.

— Ну для чего они тебе? — увещевала его мать. — Что в них толку? Сходил бы лучше в церковь, поговорил с батюшкой. Человек не из одних мускулов состоит. У него душа есть, её успеть вырастить надо.

Но Антону было не до батюшки. Он мысленно представлял пьедестал почёта, как он взбирается на самую высшую ступень. Звучит шквал аплодисментов, его поздравляют, обнимают, засыпают цветами...

Впрочем, это были не только мечты. При таком упорстве тренер предсказывал ему рекорды, и Антон выжимал всё больший и больший вес, когда вдруг — надо же такому случиться! — он не удержал штангу, и она упала ему на спину.

Вместо пьедестала почёта — больница. Антон стал инвалидом, прикованным к постели.

Первое время ребята из секции заходили ободрить товарища, но настала пора — и он остался один на один со своей бедой.

Конечно, рядом была мама. Но её слова о душе, о подготовке к вечности по-прежнему не воспринимались им. В доме даже радио не было, и он вынужден был целыми днями предаваться размышлениям.

Где теперь братья Капустины? Кого удивляют? Ведь прошли годы. Они уже явно не те богатыри, что осталось от их славы? Вот и афиша поблёкла.

А что будет с ним самим? Ну, сейчас ещё тянет воз мама. Но она заметно постарела. А что потом? В чём смысл его жизни? В чём смысл жизни вообще?

Афиша стала раздражать его. Всё в ней показное и всё — бессмысленно. Он потянулся к ней рукой, ухватил и... сорвал её. Стена после этого выглядела пустой. На ней явно чего-то не хватало.

Мама однажды спросила осторожно:

— Может, опять икону повесить?

— Повесь, — неуверенно согласился он.

Но мама повесила не одну, а две — Божьей Матери и Спасителя.

Если к образу Богородицы Антоша привык с младенчества, то образ Господа был для него нов. Разбитый не только параличом, но и всеми своими ложными убеждениями, Антон встретился с взглядом Создателя. Господь словно спра-

шивал его Своим взором: «Хорошо ли тебе без Меня?»

Вся прошедшая жизнь Антона, все его устремления к славе представляли пред святым лицом ничтожными. Чувство раскаяния и вины овладевало юношей.

И однажды, когда усталая мать вернулась с работы, он, волнуясь, спросил:

— Мама, можно мне поговорить с батюшкой?

— Конечно, сынок, — перекрестилась она и смахнула набежавшие слёзы. Но это были другие слёзы, слёзы радости.

Батюшка оказался молодым, чуть старше Антона. Антоше даже трудно было называть его батюшкой. Скорее хотелось считать старшим братом. Бородка была как пушок, глаза добрые и какие-то радостные. Он не стал ни о чём расспрашивать Антона, ничему учить, а как-то так получилось, что всё рассказал о себе.

— Несколько лет назад меня занесло в секту, где занимались восточными учениями. Жаждающие тайных знаний садились кружком и, закрыв глаза, повторяли: «Я — центр. Вокруг меня вращается мой мир. Я!» Расходясь, мы чувствовали себя могучими властелинами. Наше «я» разрасталось до вселенских масштабов. Я, я, я! Но на душе было скверно.

— Однажды, — продолжал батюшка, — я пришёл в наш класс пораньше, когда никого ещё не было. На столе лежала толстая книжка.

Я машинально раскрыл её и начал читать. Первые же строки поразили меня. Там было всё по-другому. Иной взгляд на мироздание, на человека.

Тут в класс вошёл наш учитель, «гуру», как он себя называл. Он вырвал из моих рук книгу и запретил прикасаться к ней.

Но было уже поздно. На обложке я прочел: «Закон Божий». И хотя найти его в те времена было трудно, Бог помог мне, видя моё желание. Я понял, что наш видимый мир — это лишь трамплин для встречи с вечностью.

Теперь я заочно учусь в духовной семинарии и служу в храме, пытаюсь помочь людям увидеть Христа.

После ухода священника на душе у Антона было мирно. Впервые после катастрофы всё вдруг приобрело другие оттенки. Антону захотелось подружиться с бабушкой, чтобы тот ещё раз навестил его. Но просить об этом маму он не решался.

Отец Геннадий неожиданно пришёл сам. Мама захотела угостить его чаем, но в ведре не осталось воды.

— Вы посидите пока, я быстро управлюсь, — засуетилась хозяйка и, взяв ведра с коромыслом, торопливо исчезла.

Отец Геннадий подошёл к иконам.

— Творец миров говорил: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец». Ранее новая жизнь, новая семья возникали с призыванием имени Гос-

пода нашего Иисуса Христа. И последние мысли были обращены к Нему. Так, умирающий Пушкин повторил несколько раз: «Жизнь кончена... Дыхание прекращается». И осенив себя крестным знамением, произнёс: «Господи Иисусе Христе...»

Сам Господь до конца, до крестной смерти был предан Отцу Небесному, исполняя Его Заповеди.

И нам Он завещал: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдёте покой душам вашим»¹.

Отец Геннадий неожиданно спросил Антона:

— А где вы воду берёте?

— Колодка через два квартала.

— А когда ты был здоров, кто воду таскал?

Антон густо покраснел и тихо пробормотал:

— Иногда я, но в основном мама.

— Понятно, — кивнул головой батюшка и спросил: — Ты хотел бы поправиться?

Антон недоуменно взглянул на священника:

— Конечно.

— А зачем тебе здоровое тело? Что бы ты стал делать? Зачем вообще человеку тело? Ты пока подумай, а я встречу твою маму, — сказал отец Геннадий и, не дожидаясь ответа, вышел во двор.

Вся жизнь, как в кино, замелькала перед мысленным экраном парализованного. Когда вернулись мама и батюшка с ведрами, сын плакал, не в силах унять слёз.

¹ Мф. 11:29.

Чаепитие было решено перенести на следующий раз. Уходя, священник положил на стол бумажку с каким-то текстом:

— Пусть Антон потом почитает. Там слова, перевернувшие мою жизнь. Их оставил нам отец Алексей Мечёв.

Благословив всех, священник ушёл.

— Дедушка, а откуда ты всё это узнал? — спросила Таня.

— Много лет спустя, уже сам став верующим, я оказался в родном городе и навестил Антона. Он мне всё и рассказал. Теперь ему помогают ребята из православного братства.

Сам он стал большим молитвенником. Молится за весь мир, за нас, зная, что пока творится молитва, жизнь продолжается.

— А что же было в той бумажке? — спросил Серёжа.

— О, там были замечательные слова. Я их переписал для памяти, — дедушка достал из блокнота пожелтевший листок и прочитал: — «Надо быть как бы чужим для самого себя. Жить только жизнью других. Забыть себя, своё «я». Помнить твёрдо только одно: служить изо всех сил Господу Богу своему служением ближнему, любя его больше, нежели самого себя».

— Бабушка, нам задали выучить стихотворение Агнии Барто. Проверь, пожалуйста, — попросила Таня и подала бабушке книгу. Потом, встав, как перед учительницей, продекламировала:

Я выросла.

Мне теперь не до игрушек —
Я учусь по букварю,
Соберу свои игрушки
И Серёже подарю.

Деревянную посуду
Я пока дарить не буду.
Заяц нужен мне самой —
Ничего, что он хромой.

А медведь измазан слишком...
Куклу жалко отдавать.
Он отдаст её мальчишкам
Или бросит под кровать.

Паровоз отдать Серёже?
Он плохой, без колеса...
И потом, мне нужно тоже
Поиграть хоть полчаса!

Мне теперь не до игрушек —
Я учусь по букварю...
Но я, кажется, Серёже
Ничего не подарю.

— Ну что, правильно? — поинтересовалась Таня.

— Всё правильно, умница, — похвалила бабушка внуку.

— А почему учительница дала выучить это стихотворение именно тебе? — задал провокационный вопрос Серёжа.

— Она всем задала! — спокойно ответила сестрёнка. — Мы сейчас любовь на внеклассных уроках проходим. А ты на что намекаешь? Что это обо мне? Что я жадина, эгоистка? Уж кому-кому, а тебе лучше бы помолчать на эту тему, — педагогическим тоном посоветовала Таня.

— Да нет, я так, вообще размышляю, тоже о любви, — ушёл от конфликта Серёжа.

— Это хорошо, о любви стоит поразмышлять. У нас на неё сейчас большой дефицит, — подержала намерение внука бабушка. — Только как бы вы не прошли мимо этой темы.

— Разве можно мимо неё пройти? — подхватил высказанную мысль дедушка. — Ведь для любви весь мир создан. Сам Бог есть любовь. Когда мы любим — Он в нас. Любовь всё освящает, преобразует.

— О преобразующей силе любви есть рассказ. Я его отложила для вас. Хотите послушать? —

спросила мама. Дети согласно закивали. Елена Сергеевна, выждав несколько секунд, чтобы все удобно устроились, начала: — Рассказ называется «Машутка».

* * *

Дверь отворилась, и в класс вошла девочка. Она выглядела совсем малышкой: тоненькая, с детским румянцем, светлой косичкой и яркими синими глазами.

Она остановилась, глядя на всех с доброй улыбкой.

— Что за прелесть эта малютка, — заметила Валя своей подруге Лизе, считавшей себя первой красавицей в классе.

— И что ты в ней нашла? — с лёгким раздражением шепнула Лиза и громко спросила: — Ты, видно, заблудилась? Это седьмой «А». А тебе, наверное, в четвёртый или пятый?

— Нет, — улыбнулась девочка, — мне именно в седьмой «А». Ты так подумала, потому что я ростом маленькая, да? Я ещё подрасту, — засмеялась она.

В классе все затихли, заинтересованно глядя на новенькую, а она объяснила:

— Просто из-за болезни мне пришлось два года заниматься дома, а потом я сразу пошла в четвёртый класс. Девочки, — обратилась она ко всем, — подскажите, куда можно сесть?

— Вон за третьей партой сидит наш самый примерный мальчик — Петя. Там и располагайся, — усмехнулась Лиза.

— Не садись к нему! С ним никто сидеть не хочет, — попыталась остановить новенькую Валя, но та уже отошла от них. — Зачем ты посылаешь её к Петьке? Он же толкается, ударить может.

— Ну и что? — возразила Лиза. — Пусть не задаётся. Ишь какая умная, сразу в четвёртый класс пошла. Сама подготовилась! Он её и прочит.

— Здравствуй, Петя! — приветливо обратилась новенькая к развалившемуся на всю парту верзиле. — Можно я с тобой сяду? Девочки сказали, что ты самый примерный мальчик в классе.

Петя захохотал:

— Я — примерный? Кто это так отчудил? Лизка, наверняка. У неё не язык, а жало. Но мы с ней ещё обменяемся парой ласковых.

Ему хотелось спровадить новенькую, но, встретив её доверчивый взгляд, небрежно произнёс:

— Ну, садись, если не боишься!

— Кого же мне бояться? — спросила девочка, усаживаясь за парту. — Ведь ты теперь будешь меня защищать.

— Ну ты даёшь, малявка! — засмеялся мальчик. — Почему это я должен защищать тебя?

— А как же? — удивлённо посмотрела на него девочка. — Ты большой и сильный. А сильные всегда защищают слабых. Иначе зачем тебе Бог силу дал? Он может её и отнять.

Эта мысль никогда не приходила Пете в голову, и он с интересом посмотрел на девочку.

А та продолжала:

— Но это тебя не касается, ты мальчик добрый.

— Я — добрый? Откуда ты это взяла? Девочки сказали, а ты поверила?!

— Нет, Петя, я не поверила. Я ведь сразу догадалась, что девочки направили меня к тебе, надеясь, что ты меня прогонишь, и они посмеются надо мной. А ты поступил совсем по-другому, взял меня под защиту. Вот я и поняла, что ты добрый человек.

— Всё-то ты понимаешь, — удивился Петя. — А как тебя звать?

— Маша.

— Ну и ну! — воскликнул мальчик. — Наконец-то появилась Машка в классе!

— Почему Машка? — возразила девочка. — Я не Машка, а Мария или Маша.

— До Марии ты ещё не доросла. Хорошо, будешь Машуткой, — усмехнулся Петя.

В это время зазвенел звонок, и в класс вошла учительница.

— Ох, опять будет мучить диктантами, — вздохнул Петя.

И действительно, Нина Петровна объявила:

— Сейчас на листочках напишем самостоятельную работу. Перепишите с доски упражнение, а вместо точек поставьте соответствующие буквы.

— Петя, — тихонько прошептала Маша, — в слове «мёд» надо писать на конце «д», а не «т», то же и в слове «лёд». Изменяешь слово: медовуха, ледокол. «Разбежаться» — бег, значит «е», после «т» — мягкий знак, потому что отвечает на вопрос «что сделать?». Перепиши всё заново.

Петя пожал плечами, но всё же переписал задание.

Скоро учительница собрала листики и стала их просматривать.

— Петя Голубев! Что с тобой? — с удивлением спросила она. — Ни одной ошибки. Расскажи, как тебе это удалось?

Петя отчеканил:

— А что тут сложного, Нина Петровна: мёд — медовуха, лёд — ледокол, разбежаться — бег, а мягкий знак — потому что вопрос «что сделать?».

— Всё так, — просияла Нина Петровна и поставила Пете в журнал первую пятёрку.

— А знаешь, Машутка, не такая уж она вредная. Вишь, как заулыбалась.

Так началась незаметная борьба Маши с Петиными ошибками. Она объясняла каждое трудное слово, удивляясь, что он схватывает всё на лету.

Маша приносила ему читать интересные книги, утверждая, что при чтении слова сами укладываются в голове, и уже не надо думать, как правильно писать — рука сама пишет.

Петя часто ворчал, но слушал девочку. Ему нравились её иногда забавные объяснения. А как часто, узнав, что он опять не прочитал дома историю или биологию, Маша на перемене быстро пересказывала ему заданный урок! И он хорошо отвечал, дополняя её объяснения своими оригинальными рассуждениями.

— Какой ты умный и способный, Петя, — в восторге говорила Маша. — Тебе надо дома заниматься, и ты будешь первым учеником в нашем классе.

— А зачем это мне? — удивлялся Петя.

— Бог дал тебе столько талантов, и нельзя их зарывать в землю, — объяснила Маша. — В Евангелии не зря говорится, что кому много дано, с того много и спросится.

Пете стало интересно в школе. Он радовался встрече с Машей, хотя и не показывал виду, грубовато говорил: «Привет» и слышал в ответ: «Здравствуй, Петя».

Он уже знал её дом, и однажды, выйдя из подъезда, она увидела Петю. Чтобы скрыть своё замешательство, он проворчал:

— Ну и долго же ты, Машутка, собираешься.

Она так обрадовалась их встрече, что он, растроганный, взял её сумку и понёс, приговаривая:

— Придётся мне теперь эти кирпичи таскать. И откуда только ты их берешь?

Но и Петя помогал Маше в учёбе. Он был силен в математических дисциплинах, и самые

трудные задачи давались ему легко. По дороге домой они часто усаживались на какую-нибудь скамейку, и Петя объяснял Маше задачи или теоремы, сопровождая их смешными рисунками.

— Ты будешь великим математиком, — в восторге восклицала Маша, а он снисходительно посмеивался или говорил:

— Ох, и глупая ты, Машутка!

Год пролетел, настали каникулы. Петя часто подходил к Машиному дому, но было похоже, что в её квартире никто не живёт. Петя испугался, что Маша уехала, и он её никогда больше не увидит.

Однажды Петя подошёл к её двери и стал звонить. Никто не открывал. Он звонил и звонил. Вышла старушка-соседка.

— Ну что раззвонился? Уехали они.

— Как уехали? — упавшим голосом спросил Петя.

— На дачу уехали. Машина подвернулась, — охотно стала объяснять старушка. — Всех забрали, и малышей тоже. А ты не Машин ли дружок Петя? — И, услышав «да», улыбаясь, подала письмо.

— Очень она переживала, что не успела тебе позвонить. Такая хорошая девочка. Уж ты береги её.

Петя хотел сказать что-нибудь грубое, вроде: «Не твоё дело, бабка!», но вместо этого выпалил:

— Не бойсь, бабуся, не обижу!

Он пошёл, держа в руке заветное письмо и, оглянувшись, увидел, что старушка крестит его.

Вот и первое сентября. У Пети возникла мысль, вдруг Машутка не захочет с ним больше дружить. Он не зашёл, как раньше, за ней и, грустный, пошёл один.

В школе её тоже не было.

Зазвенел звонок, и в класс вбежала Маша. Она радостно поздоровалась с ним и укоризненно сказала:

— Я чуть не опоздала из-за тебя, всё ждала, что ты придёшь. А потом испугалась, вдруг ты уехал куда-нибудь насовсем, и я тебя больше не увижу.

— Ох, и глупая ты, Машутка, — ласково произнёс Петя. — Куда я от тебя уеду...¹

— Да, какое прекрасное чувство — дружба, — и дедушка обратился к внукам: — Как вам кажется, может ли оно возникнуть в душе той девочки, которой было жалко подарить своему братишке хромого зайку и паровоз без колёс?

— Нет, конечно, — уверенно ответил Серёжа.

— Да, дружок, ты прав. К любви готово то сердце, которое способно что-то отдавать, чем-то пожертвовать. Любящий не берёт, а дарит своё время, свои силы и даже порой себя.

— Об одной такой подвижнице я бы хотела рассказать, — заговорила бабушка. — Её звали Анастасия.

¹ Рассказ Л.И. Ганаго.

Она до мельчайших подробностей помнит тот день. Встала рано, как обычно, помолилась, подоила корову. Но как-то беспокойно было на душе, всё валилось из рук. «Как там у Марии?» — думала старушка. Не видела её давно, а добраться до соседней деревни, где после замужества жила дочь, ей было трудно — все дороги замело.

И вдруг в дом со слезами вбежала соседка Анна:

— Тася, Тася! — запричитала она. — Твоих-то к кулакам причислили. Сегодня увозят в Сибирь на поселение. И Марию с мужем, и его родителей, и малых детушек. Я уж просила, молила отдать мне двух маленьких, говорила, что бездетная я. Так начальник раскричался, подкулачницей назвал...

Схватила за сердце Анастасия, кинулась бежать, хоть увидеть в последний раз дочь и внуков, проститься с ними, да мужики удержали.

— Не сходи с ума, Анастасия! Марии не можешь, а тебя саму, как мать, могут в ту же телегу посадить. Только жизнь им усложнишь.

Вот и осталась баба Настя одна, надеясь, что, может, ещё разберутся, ведь есть же справедливость на свете.

Ну какие они кулаки? Дом и хозяйство, конечно, справные, но и семья — девять душ, из них двое стариков да пятеро детей.

— Господи, Ты же знаешь, что они ни в чём не виноваты. Сохрани их, Господи!

Вот уже полтора года повторяла Анастасия эту мольбу. Помолившись, легла спать. Но сон не шёл.

— Господи, помоги, — повторяла она, вытирая набегающие слёзы.

И вдруг стук в окно, и голос мужской:

— Анастасия Галкина здесь живёт? Письмо ей от дочери.

Вскочила Анастасия, дверь распахнула. Ночь непроглядная, лишь силуэт мужчины виден. Записку ей протянул:

— Бери, старая, уж больно дочь просила.

Хотела в избу пригласить, да человек отказался:

— Не надо, чтобы меня кто видел. И ты не говори никому про меня, дескать, письмо под дверь подсунули.

— Как звать-то тебя, батюшка? За кого Богу молиться? — кланяясь до земли спросила бабушка.

— За странника. Сейчас много нас, странников, по земле ходит. А имя моё ни к чему. Спокойней будет и тебе, и мне. Прощай! — и растворился в темноте.

Зажгла Анастасия свечку, стала письмо читать. Пишет Мария, что живут трудно, голодают, родителей мужа схоронили. В посёлке умирают старики и маленькие дети. Боится за своих двух малюток, болеют часто.

А в конце письма, как вопль: «Мамушка, дорогая, приезжай! Может, начальник отдаст тебе

двух маленьких. Он человек незлой, у самого дети». И адрес подробный, как добраться до пригорода Новосибирска, куда каждую субботу ездит поселковый парень Николай за продуктами.

Утром к Анне побежала, прочитала ей письмо и говорит:

— Поеду я, Аннушка! Вот только соберу гостинцев внукам, напеку хлеба домашнего.

И поехала... Хозяйство своё немудрёное на Анну оставила. До Новосибирска доехала в общем вагоне и пошла искать склад, куда Николай за продуктами ездит. И тут Господь не оставил. Едет молодой парень на телеге, везёт что-то в мешках.

— И куда ты, старая? — спросил и остановился.

Анастасия всё ему и рассказала.

— И повезло же тебе, бабка! — присвистнул парень. — Так я же тот самый Николай и есть! Там у нас кордон, всех входящих и выходящих проверяют. Ну да ладно, садись, рискнём. А как в ворота въезжать будем, мешками тебя заваляю. Меня-то не проверяют, знают уже.

Кордон проехали благополучно. Пока за заведующим бегали, Николай помог Анастасии выбраться да ещё остановил какого-то мужика.

— Отведи, — сказал, — к тётке Марии, мать приехала.

Как увидела её Мария, так и повисла на шее. Плачет и смеётся одновременно. Тут и внучата окружили. Скоро и Пётр вернулся с работы.

Изба Марии наполнилась ссыльными. Узнали они, что бабушка Анастасия приехала за малышками, стали со слезами просить, чтобы забрала и их малюток, от смерти спасла. И набралось, кроме двух своих, ещё пять деток.

Анастасия всю ночь молилась, а утром пошла к начальнику. Тот знал Марию как женщину работающую и безответную и почти сразу дал согласие отдать двух маленьких. Но когда Анастасия заговорила ещё о пятерых, даже рассмеялся:

— Ты, бабка, совсем ненормальная! Зачем тебе чужие дети? Как доведёшь, чем дома кормить будешь?

— На всё Божья воля, — вздохнула старушка и повалилась начальнику в ноги: — Отдай, соколик! Отдай, всё равно здесь их похоронят, уже еле-еле ходят. Век буду за тебя Бога молить, и за жену, и деток твоих!

Дрогнуло что-то в сердце начальника, да и подумал: руки у матерей будут развязаны, больше работать станут.

— Ну, будь по-твоему, старая! — сказал. — Забирай.

Быстро собралась старушка. На дорогу начальник дал бидон молока и две буханки хлеба. И жена его, тайком от мужа, принесла манной крупы килограммов пять.

Тот же Николай отвёз бабушку с семьёю малышками к поезду с запиской от начальника. Посадил их в поезд да ещё пакет с пряниками передал:

— Пусть малыши побалуются.

И поехала бабушка Анастасия... Как доехала? Бог помог да добрые люди.

А на своей станции, как вышла из вагона, мужика встретила, ехал в соседнюю деревню.

— Забирайся в телегу, бабка, — усмехнулся, — и цыплят своих усаживай.

Довёз до самого дома. Тут Анна прибежала, натопили баньку, вымыли детей, переодели, накормили манной кашей и уложили спать.

Утром вся деревня узнала о возвращении Анастасии. Председатель пришёл. И хоть и обозвал Анастасию дурёхой и ненормальной, но велел прирезать ей земли под картошку и обещал дать воз сена для коровы. Соседи, конечно, помогали, и председательша, как уедет супруг на совещание, то мешок картошки на тачке привезёт, то капусты, а то муки или крупы.

Да и сама бабушка Анастасия тоже не сидела, как будто десять лет с себя сбросила, бегом бегала. Всех деток считала родными, на своих и чужих не делила. Дети росли, скоро старшие стали помогать: за младшими присматривали, в хате прибирали, курочек, поросёнка кормили.

Шли годы. Выросли дети, разъехались по городам и весям. Но бабушку свою не забывали: в гости приезжали, подарки присылали, к себе приглашали. А когда умерла бабушка Анастасия, все семеро приехали, плакали и поминали добрым словом.¹

¹ Рассказ Л.И. Ганаго.

Главная заповедь

Танюша, присев поближе к бабушке, потихоньку призналась:

— Вот я читаю про главную заповедь «возлюби Господа Бога и возлюби ближнего твоего». Читаю, читаю и никак не пойму.

— Что же тебе непонятно, Танюша?

— Как это — «возлюби»?

— Чего вы там тайком шепчетесь? — вмешался в разговор папа. — Мне тоже хотелось бы разобраться, что значит «возлюби»? Любовь — чувство свободное, независимое от наших желаний. Даже пословица есть: «Любовь зла, полюбишь и козла». А тут, как приказ: возлюби, и всё! Но разве можно приказывать сердцу, чувствам?

— Это точно! — поддержал папу Серёжа. — Когда математика двойку влепит, как тут её возлюбить?!

— Столько вопросов на одну бабушку, — улыбнулась мама. — Может, все их по очереди расставить, а то запутаемся?

— Правильно, правильно, — охотно согласился дедушка. — Но начать мне бы хотелось с одной притчи.

* * *

Задумался некий чужак: ну что я за человек такой-сякой? Никого не люблю — ни Бога, ни

людей. Сердце моё, как камень. Всё о себе да о себе забочусь. Жадничаю, всех осуждаю, всем завидую, таю зло в душе.

А годы идут. Как я пред Всевышним Судией предстану? Бог меня по головке не погладит. За такую жизнь какая может быть награда? Да и среди людей одинокий, никому не нужный...

Думал-думал и решил по-другому себя вести. Перешёл на новую службу, где его как скрягу и ворчуна не знали, стал со всеми приветлив. Если кто заболел — непременно навестит, гостинцев привезёт; если кто груз тяжкий тащит — поможет; кого уныние постигнет — утешит.

Все от него в восторге. Он же про себя думает: если бы они знали, какой я есть на самом деле! А вдруг с прежней службы молва обо мне донесётся, как смутятся мои новые сослуживцы! От меня будут лишь одни искушения! И чтобы избежать соблазнов, пытался добрые дела творить тайно. Узнает, что у кого-то нет денег — вышлет перевод от Деда Мороза. Да так привык людям помогать, что уже не мог без добрых дел обойтись. И люди не казались ему такими плохими, как прежде. Даже, наоборот, открывались совсем с другой стороны.

Стало ему светлее в этом мире, и всё хотелось успеть кого-нибудь согреть, приласкать, ободрить. Теперь он уже не был один, а жил с Богом.

Вот и получается: чтобы научиться любви к Богу, надо начать с любви к ближнему.

По слову апостола Иоанна, «не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?»¹ Поэтому старцы и советуют: «Делай дела любви даже без любви. Господь увидит твоё старание и разожжёт в твоём сердце огонёк любви».

Святой XX века отец Алексей Мечёв делится своим опытом: «Посылает Господь какого-нибудь человека, надо отнестись к нему внимательно, подойти к нему, войти в его положение, посвятить ему уголок своего сердца. И наше сердце будет всё расширяться и расширяться».

Случай сделать добро кому-нибудь есть милость Божья к нам. Потому мы должны бежать, стремиться всей душой послужить другим.

* * *

Так поступил и молодой Никита. Ему было двадцать три года, когда умер его отец, богатый крестьянин. Умирая, он завещал сыну Никите и дочери Анисье жить дружно, по заповедям Божиим. Оставил им большое хозяйство.

Заметил Никита, что его друг, бедняк Андрей, по сестре Анисье вздыхает, справил им скромную свадьбу. Видя, что у молодых лад да любовь, оставил им дом полную чашу, а сам пошёл людям послужить, благо у него были руки золотые да сердце доброе.

Придя в большую деревню, спросил на улице старика: кто у них тут самый бедный и немощный? Старик указал на полуразвалившуюся

¹ 1 Ин. 4:20.

избёнку с прогнившей крышей, вросшую в землю по самые окна.

— Тут живёт старая больная бабушка Антипьевна с маленьким внуком. Это самые несчастные люди, чуть не умирают с голоду.

Дверь в избёнку оказалась закрытой изнутри. Никита постучал.

— Кто там? — откликнулся старческий голос.

— Во имя Господа, пустите, добрые люди, переночевать усталого путника.

— О-ох, родимый! Плохо у нас, плохо и угостить тебя нечем, — прошамкала старушка, отворяя дверь.

— Мне, бабушка, ничего не надо, — ответил, входя, Никита. Он подошёл к иконам и помолился.

Кроме закопчённых стен и голых лавок в избе ничего не было. В углу сидел худенький печальный мальчик лет одиннадцати, одетый в тряпье.

— Это твой внучек?

— Да, родимый. Тимоша, мой кормилец. Теперь он один ходит за кусочками, я уже не в силах.

— Давно вы так нуждаетесь?

— Да вот уже с год, как Бог взял у меня сына. Невестка ещё раньше умерла.

— А земля есть у вас?

— Есть, да что в ней толку, обрабатывать её ни я, ни ребёнок не в силах, а работника нанять не на что, да и лошади нет.

— В таком случае возьмите меня в работники, я всё вам сделаю. Время ещё есть, можно будет и озимые посеять.

— Э-эх, родименький, чем же я буду платить тебе?

— Да ничем, бабушка. Ты прими меня вместо сына, и я буду для тебя стараться.

— Да ты что, Божий человек, смеёшься надо мной аль правду говоришь? Смеяться-то грех над старым человеком!

— Видит Бог, бабушка, я правду говорю тебе.

— Да что ты, святой человек, али что... — и старуха рухнула ему в ноги.

Никита вскочил.

— Бабушка, бабушка! Что ты делаешь? Разве можно! — он посадил её на лавку. — Давай потолкуем лучше, как нам устроиться. Ты вот говоришь, что у тебя нет лошади — значит, надо купить её.

— Надо-то надо, а где деньги взять?

— У меня есть, я дам. И семена для посева куплю... А теперь вот что: пошли-ка своего мальчонку купить крынку молока да фунта чептыре хлеба, вот мы и закусим на сон грядущий.

Говоря это, Никита достал из кармана двугривенный и дал его мальчику.

Через три дня Никита покончил с озимыми. Потом поправил старую избу. Зимой делал рамы, двери, столы и табуретки, отвозил их в город и продавал. Так он кормился сам и кормил бабушку с внуком. Весной, после посева яровых

и посадки картофеля, принялся за постройку изб крестьянам.

Господь благословил его труды: урожай вышел прекрасный, хлеба хватило на весь год, бабушка и Тимошка поздоровели.

Прошло пять лет. Тимошка вырос, превратился из худенького мальчика в здорового и сильного парня. Он хорошо изучил плотничье ремесло.

Тогда Никита, видя, что его помощь здесь больше не нужна, решил уйти. На все уговоры бабушки и Тимошки остаться у них, он отвечал, что Господь призывает его в другое место, к другим несчастным. И он ушёл. Ушёл с тёплым чувством, ибо после добрых дел на душе всегда бывает радостно и светло.¹

— Н-да... Рай, да и только, — засмеялся папа. — Трогательная история. Но я бы отнёс её скорее к сказочному жанру.

— Ты всегда так, папка, как холодной водой обольешь, — обиделась Таня. — Только кого-нибудь полюбишь, а ты сразу: легенда, сказка.

— Да, дорогой, — поддержала дочь мама. — С детскими представлениями о добре не мешало бы быть бережнее. Может быть, мы просто не желаем видеть таких людей, как Никита, а они есть. Возьми спасателей. Где случится наводнение, землетрясение, лесной пожар, рискуя жизнью, они — туда.

¹ Из книги «Райские цветы с русской земли».

— Ты сравниваешь Никиту с сотрудниками МЧС? — спросил папа.

— А почему бы и нет? — ответила вопросом на вопрос мама.

— Но это же несерьёзно. Работники МЧС за свои труды, уверен, получают неплохие оклады. И это естественно. А ваш Никита явно не от мира сего: отдал дом с большим хозяйством сестре и пошёл творить добро неизвестно кому без всякого вознаграждения. Ну, не сказка ли? Даже в Евангелии есть слова «возлюби ближнего твоего, как самого себя». И любить себя — это тоже естественно.

— Но давай задумаемся, что́ любить в себе? — вступил в спор дедушка. — Иные любят своё тело, считая его своим «я». Живут для него, нежат.

— Ты мне напомнил забавную народную байку, — привела пример бабушка.

* * *

Везли мужики в бричке на волах лодыря. Поинтересовалась проезжавшая мимо барыня:

— Что, болящего везёте?

— Да какой там болящего, — отвечали те, — лентяя, какого свет не видывал, топить везём. Всему селу надоело кормить его да нянчиться с ним. Вон уж какая дубина вымахал, а даже с лавки встать ленится. Вот и порешили на сходе его в речку бросить.

— И не жалко вам? Всё же душа живая. Возьму-ка я его к себе. В амбаре у меня на чёрный

день много сухарей припасено. Пусть питается. Молодой ещё, может, одумается.

— Ну как? — спросили мужики ленивца. — Слышишь, сама барыня к тебе такую милость являет. Поблагодари, в ножки ей поклонись.

Почесал лентяй затылок:

— А сухари-то мочёные?

Огорчилась барыня да и махнула рукой:

— Делайте, как хотите.

Все посмеялись, а дедушка продолжил:

— Всякая леность — начало гибели. Но особо опасна леность духовная.

— А что это такое — духовная леность? — спросила Таня.

— Видишь ли, ныне многие принимают крещение, венчаются, но совершив таинство, забывают и о Боге, и о Церкви, и о молитве, не читают Евангелие, не думают о жизни по заповедям.

Ах, как этому радуются бесы! Они сами говорят: с ленивыми мы не боремся, ибо они уже побеждены своей ленью, они — наши!

Вот эта беспечность в деле спасения души и есть духовная лень, когда человек все свои заботы посвящает телу. Но как бы ни было ценно тело, оно всего лишь временный дом для вечной души. За земную жизнь душа должна успеть стать богоподобной.

— Ничего не скажешь — красивые слова, — покачал головой папа. — Вечная жизнь, богопо-

добная душа... Возможно ли, живя в нашем безумном мире, достичь этого?

— Возможно, сынок, с помощью Божьей всё возможно. Только обратись к Нему. Он ждёт нашего обращения и Сам взывает к нам через совесть. Однако позвонит нам Господь, а телефон нашей души не отзывается — занято, занято...

Нам не до добрых дел, не до спасения души. У нас другие заботы, более важные. Мы не способны на жертву, не способны отказаться от чего-то удобного для нас. Богоподобие и достигается через дела любви к ближнему, через жертву. Вот рассказ послушника Троицкой лавры Димитрия.

* * *

Однажды к нам в деревню подкинули ребёнка, завёрнутого в одеяло. Никто не хотел взять подкидыша. Когда младенца принесли на сходку и стали предлагать бездетным сельчанам взять ребёнка на воспитание, все отказались, говоря, что тяжело ходить за чужим.

И вот когда казалось, что никто не желает принять ребёнка, выступил крестьянин, у которого было своих восемь детей, и говорит:

— Сейчас я схожу и спрошу свою жену, может быть, она согласится взять его. Среди восьми девятый прокормится, и Господь ради сироты подаст нужное.

Жена охотно согласилась взять сироту. Когда крестьянин принёс младенца к себе в дом и

его развернули, на шейке у него нашли крестик с запиской, что в крещении младенец назван Николаем, и тут же пакет, в котором оказался билет государственного займа на пять тысяч рублей. По тем временам это были большие деньги.

Когда добрые муж и жена прочитали записку и надпись на билете, то пришли в недоумение, как им быть. Умолчать об этом они не хотели. И вот крестьянин снова бежит на сход и всем рассказывает о своей находке. Тогда те, которые раньше отказывались взять сироту, теперь кричали: я возьму ребёнка, я возьму!

Но сход не пожелал удовлетворить их просьбы и постановил ребёнка оставить в доме того, кто первым согласился взять его.

В тот же день к дому крестьянина, который приютил младенца, подъехала подвода с разным провиантом от неизвестного лица. В дальнейшем такая помощь оказывалась по несколько раз в месяц.

Мальчик в доме своего приёмного отца при заботливом уходе рос и креп. Имел хорошие способности в учении, закончил земскую школу, затем гимназию и поступил в университет. Он был истинным украшением семьи своих приёмных отца и матери. Своим хорошим поведением и послушанием он влиял на всю семью и на остальных детей, помогая им в учении. Благодаря ему крестьянин-бедняк сделался всеми уважаемым зажиточным поселянином.

По окончании образования молодой человек женился на одной из дочерей своего приёмного отца. Так Господь наградил простых людей за их доброту.¹

Замечательный русский поэт Константин Романов (великий князь Константин Константинович) написал молитву в стихах:

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить,
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всех, которых пришёл искупить
Ты Своею Пречистою Кровью,
Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!

¹ Из книги «Троицкие цветки с луга духовного».

Прибирая в комнате, Таня громко декламировала:

Драмкружок, кружок по фото,
Хоркружок — мне петь охота,
За кружок по рисованью
Тоже все голосовали.

А Марья Марковна сказала,
Когда я шла вчера из зала:
Драмкружок, кружок по фото —
Это слишком много что-то.

Выбирай себе, дружок,
Один какой-нибудь кружок.¹

— Вот дурёха, — не удержался от своей оценки Серёжа.

— Почему дурёха? — возразила мама. — Ищет детская душа, мечется, не зная: и то интересно, и то... Боится, как бы не упустить самого-самого...

— Да, жизнь человеческая — путь, — философски заметила бабушка. — А как по нему двигаться, не зная куда, не имея компаса?

Чаще всего компасом служат наши слепые

¹ Агния Барто, «Болтунья».

желания. Люди создали массу машин и приборов, чтобы покорять атом и космос, но научиться управлять своими мыслями и желаниями даже не пытаются. А желания ведут нас. Куда?

Я когда-то читала про мальчика Сашу из Харькова и его маму, Наталью Александровну. Стали они замечать, что по вечерам у них в квартире странные звуки раздаются. Решили, что это домовый у них появился. Что бы им надо сделать, дети?

— Помолиться, батюшку позвать, — наперебой отвечали Таня и Сергей.

— Правильно, умницы. А вот они захотели поразвлекаться, в контакт с домовым вступить. И стало в их доме что-то несусветное твориться: обувь сама ходила, кастрюли и сковородки танцевали, одежда летала.

Как-то мама попросила сына ведро с мусором вынести. Он только нагнулся, чтобы его взять, а оно поплыло перед ним по воздуху.

Увидела это проходившая мимо девушка, как завизжит, и в соседний подъезд спряталась. Забавно, а?

— Умора! — Серёжа был в восторге.

— Это поначалу. А далее не до смеха было. Там этой нечисти целая компания собралась. В другой раз Сашу вместе со стулом и столом к потолку подняли и так минут десять продержали. Уже не смешно, правда?

— А что? Ничего, — храбрился Серёжа.

— Я бы перепугалась, — предположила Таня.

— Потом эти невидимые гости заставили Сашу маршировать, бегать на четвереньках... То бросали его на диван, то поднимали... Ты бы хотел такого обращения с собой, внучек?

— Нет, конечно. Да я бы им! — Серёжа сжал кулак и пригрозил.

— Что бы ты им? Они же невидимы. Не с ними надо расправляться, а со своими неразумными желаниями. Захотелось поиграть с бесами, так те не только бегать на четвереньках мальчика заставили, но и стали разговаривать Сашиними устами. Губы его еле шевелились, а сам он удивлялся тому, что говорил. Когда шла такая «трансляция», Саша не мог высказать ни одной своей мысли.

— Я превратился в куклу, — говорил он маме в минуты просветления. — Во мне уже нет ничего моего, только губы и голос.

— Бедный мальчик! — у Танюши вырвался вздох сострадания. — Что с ним теперь?

— Не знаю, милая. Упаси Бог от подобных забав. Сейчас тысячи детей в погоне за разнообразными развлечениями касаются всякой нечисти, готовы заняться даже колдовством.

— Да, мы постоянно выбираем: что делать, какой путь избрать, какие цели ставить, — размышлял вслух дедушка. — Всё, что мы делаем, имеет цель. Каждый наш шаг делается для чего-то, сознаём мы это или нет. Бог нам указал цель для всей нашей жизни — стать сынами Божьими, наследниками вечного Царства. И ес-

ли каждое слово, какое мы произносим, каждый поступок мы совершаем для чего-то, то не стоит ли спросить себя: «А зачем я живу? Куда нацелена моя душа?»

* * *

Такой вопрос, главный вопрос, сумел когда-то поставить перед собой князь Владимир. Казалось, он всё имел: земли неоглядные, бессчётное число подданных, дружину храбую.

Но не было у него возвышающей цели, жил, поклоняясь страстям, завоёвывал земли соседей, был жесток с покорёнными, пировал, имел сотни жён. Однако ничто не приносило ему радости, в душе царила пустота.

Тьма была и в сердце целого народа, ещё не познавшего Бога. Тысячи и тысячи ослеплённых страстями поклонялись бездушным идолам. Страх и ужас вызывала у них гроза, когда по всему небосклону полыхали огненные стрелы и всё окрест содрогалось от раскатов оглушительного грома. Чтобы умилостивить неведомые силы, беспомощные перед ними люди величали их богами, создавали для почитания истуканов, приносили им жертвы.

Идолов было множество: поклонялись солнцу, озерам, рекам, деревьям, рощам. В старину верили, что в тёмных лесах обитают лешие, пугая странствующих, сбивая их с пути, нагоняют страх кикиморы, в водоёмы завлекают русалки, в жилищах правят домовые. Но как бы ни называли всю эту нечисть, все они — бесы.

Одно из ведущих мест в слепых верованиях занимал бог молнии и грома Перун. Истукан в его честь стоял в граде Киеве, на холме близ покоев князя Владимира. Истукан был исполинских размеров, деревянный, с серебряной головой и золотыми усами, с ужасным лицом.

Перуну в благодарность за воинские победы приносили различные жертвы, даже и человеческие жизни.

Предание сохранило имена двух христиан — Фёдора и его сына Иоанна. За веру во Христа волхвы обрекли отрока на заклятие перед Перуном.

Идолопоклонники пришли во двор Фёдора и потребовали Иоанна. Фёдор спросил их:

— Зачем деревянному истукану, высеченному топором, мой сын? Брёвна не едят, не пьют. Вы верите не в Бога, сотворившего мир и человека, а в бесов.

И на угрозы язычников забрать отрока силой, Фёдор мечом стал оборонять его.

Вскоре целая толпа, подговорённая волхвами, бросилась на христиан. Фёдору с сыном пришлось, защищаясь, укрыться на втором этаже. Тогда идолопоклонники забросали дом пылающими факелами и, ворвавшись на второй этаж, растерзали Иоанна и Фёдора.

Князь Владимир не мог не знать о совершённом злодеянии, и можно предполагать, что вопрос об идолах всё чаще и чаще возникал в его мыслях.

Узнав о желании князя познать истинного Бога, приходили к нему посланцы из дальних стран. Восхваляли свою веру и магометане, и католики, и иудеи. Речи греков впечатлили Владимира. Греческие проповедники говорили не только о временной земной жизни, за которую предстоит каждому держать ответ на Страшном суде, но и о радостном воскресении праведников на небе, о светлой вечности.

Князь Владимир направил десять мудрых мужей испытать различные веры на деле, по их обычаям, побывать на богослужениях.

Вернувшись, посланцы не сказали добрых слов ни о чём испытанном, а вот о том, что увидели в Царьграде, на земле греческой, с благоговением поведали:

— Не знали, где — на небе или на земле — мы были. Нет нигде более красоты такой.

Услышав это, задумал Владимир принять христианскую веру. Но дух языческой гордыни ещё владел им, нашёптывая: не может могучий князь снизойти до просьбы о крещении к грекам. И решил он осадить своим войском город Корсунь. Пригрозил его горожанам:

— Не сдадитесь, три года буду вас осаждать.

Но те стояли мужественно. Тогда Владимир приказал создать целую насыпь у городской стены для штурма крепости. Но корсунцы, подкопав стену, уносили землю и ссыпали посреди города, так что там целая гора образовалась. И тогда на стреле, пущенной из Корсуни,

прилетела записка с сообщением о том, что вода в город течёт по трубам из колодца, находящегося за городской стеной. В записке давался совет перекрыть течение воды в город.

Как пишется в «Повести временных лет», Владимир, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал:

— Если сбудется это — крещусь!

И тотчас же повелел перекрыть воду. Люди изнемогли от жажды и сдались.

Князь Владимир со своей дружиной вошёл в город и послал царям-братьям Василию и Константину (тогда оба они правили Грецией и находились в Царьграде) грамоту: «Вот взял уже ваш город славный. Слышал, что имеете сестру-девицу. Если не отдадите за меня, то сделаю со столицей вашей то же, что и с этим городом».

И хотя силы князя явно были больше, чем у греков, греческие цари ответили:

— Не пристало христианам выдавать дочерей, сестёр за язычников. Если крестишься, то и её получишь, и Царство Небесное, и с нами будешь единовверен. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя.

Ответил им Владимир:

— Я крещусь, ибо ещё прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша.

И рады были цари, но царевна не хотела идти за князя-многожёнца, говоря:

— Иду, как в полон, лучше бы мне здесь умереть.

Тогда сказали ей братья:

— Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию.

Она села на корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. Корсунцы вышли навстречу ей с поклоном, ввели её в город и посадили в палате.

По божественному промыслу разболелись глаза у Владимира, ничего не видел. Он скорбел сильно и не знал, что делать.

Царевна послала к нему сказать:

— Если хочешь избавиться от болезни, крестись поскорей.

Услышав это, Владимир сказал:

— Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский.

И повелел крестить себя.

Епископ Корсунский со священниками, рассказав князю о вере, крестил Владимира. Когда во время крещения епископ возложил руки на него, тотчас же прозрел князь и воскликнул:

— Теперь я узнал истинного Бога.

Многие из дружинников, увидев это, крестились.

После крещения Владимира привели царевну для совершения брака.

В память об этих событиях повелел князь построить церковь в Корсунци на той горе, которая была насыпана корсунцами, когда они обороняли свой город. Корсунь он вернул грекам, а сам возвратился с женой в Киев, и когда при-

шёл, повелел опрокинуть идолов — одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить с горы и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами, а потом кинуть в Днепр.

Как пишет Карамзин в «Истории государства Российского», «изумлённый народ не смел защищать своих мнимых богов, но проливал слёзы, бывшие их последнею данью суеверию: ибо Владимир на другой же день велел объявить в городе, чтобы все русские люди: вельможи и рабы, бедные и богатые — шли креститься. И народ, уже лишённый предметов древнего обожания, устремился толпами на берег Днепра, рассуждая, что новая вера должна быть мудрою и святою, когда великий князь и бояре предпочли её старой вере отцов своих.

Там явился Владимир, провожаемый собором греческих священников, и по данному знаку бесчисленное множество людей вступило в реку: большие стояли в воде по грудь и шею; отцы и матери держали младенцев на руках; священники читали молитвы крещения и пели славу Вседержителю.

Когда же обряд торжественный совершился, когда священный собор нарёк всех граждан киевских христианами, тогда Владимир в радости и восторге сердца, устремив взор на небо, громко произнёс молитву: «Творец земли и неба! Благослови сих новых чад Твоих; дай им познать Тебя, Бога истинного, утверди в них веру

правую. Будь мне помощью в искушениях зла, да восхваляю достойно святое имя Твоё».

В сей великий день, — говорит летописец, — земля и небо ликовали.

Великий князь соорудил в Киеве церковь на том месте, где стоял Перун. Священники проповедовали Христа в разных областях государства. Многие люди крестились».

Дедушка закрыл книгу и с улыбкой продолжил:

— Испытав при святом крещении Божью благодать, Владимир преобразился. Бывший деспот, грубый язычник стал милосердным христианином. Он отпустил с миром всех своих жён-наложниц и был с тех пор верным мужем единственной жены — царевны Анны.

При княжеском дворе бедные люди получали еду, одежду, деньги. А для тех, кто не мог по болезни двигаться, посылались по городам и сёлам подводы с хлебом, мясом, рыбой, овощами и мёдом.

И лицом просветлел князь, неся в народ свет истины. Недаром его так любили, называя Красным Солнышком.

Православная Церковь причислила князя Владимира к лику святых, именуя равноапостольным.

Из града Киева православная вера распространилась по всей земле Русской.

Готово сердце моё!

— **А** у нас сегодня в Воскресной школе про лестницу Иакова рассказывали, — поделилась Таня.

— Про какую ещё лестницу? — переспросил Серёжа.

— Да вот смотри, — сестрёнка показала иллюстрацию. — Иаков спит и видит, что на земле стоит высокая-высокая лестница, до самого неба. По лестнице поднимаются и опускаются ангелы. А на небе — Сам Господь.

— Лестница до самого неба? — недоверчиво переспросил Серёжа.

— Ну это, конечно, символ, — пояснила бабушка. — Она стоит на земле, а устремляется к небесам. Человек спит, но ему предстоит восхождение. Его ждёт Господь. Но захочет ли он пробудиться и взойти по этой лестнице, готовится ли он к встрече с Богом, — вот в чём вопрос.

В книге «Пролог» есть об этом притча.

* * *

В некотором городе был странный обычай. Его жители избирали себе царя на один год. Избранник должен был быть чужеземцем. Его повеления немедленно исполнялись. Он мог пожелать всё, что угодно, кроме отмены основного их закона — через год царя ссылали на

один из необитаемых островов, где ожидали его нужда и лишения. Царствовал, как ему вздумается, но всего один год. Уже несколько бывших царей были сосланы туда, пока не избрали одного мудрого пришельца. Тот, узнав об ожидавшей его участи, заранее отправил на предназначенный ему остров верных слуг со строительными материалами, драгоценными камнями, золотом и серебром.

Когда же пришёл назначенный срок, мудрец с радостью переправился на подготовленный к его прибытию остров, где ожидало его изобилие всевозможных благ.

* * *

— Мне тоже вспомнилась одна притча, — с удовольствием поведала мама. — В ней говорится про богатого рыцаря. Главной его целью и заботой было украшение родового замка. Он тратил массу денег, чтобы его гордость — наследственный замок-крепость — выглядел краше других. Эта страсть поглощала все его мысли. Он никогда и не думал, что из бесчисленных богатств, накопленных его предками, не мешало бы выделить хотя бы какую-то часть бедствующим от нужды.

Как-то к воротам его замка в вечерний час подошёл бедный путник и попросился переночевать. В те времена законы странноприимства были в обычае у многих народов. Но рыцарь отказал путешественнику в гостеприимстве, гордо заявив:

— Здесь не гостиница, а замо́к!

— Я вижу, вижу, — охотно согласился странник. — Но разрешите мне, достопочтенный господин, прежде чем я удалюсь, задать вам три вопроса.

— Задавайте, — процедил неохотно рыцарь. — Но как бы вы ни старались переубедить меня, решение моё будет неизменно: я не оставлю вас здесь ночевать. Итак, ваш первый вопрос?

— Можно ли мне узнать, кто жил в этом замо́ке раньше вас?

— Мой отец.

— А кто жил до него?

— Мой дед.

— А кто будет жить после вас?

— Естественно, мой сын, — невозмутимо ответил рыцарь.

— Не думаете ли вы, — спросил пришедший, — что если каждый из представителей вашего рода живёт здесь лишь краткий период, после чего уступает место следующему, то и ваш замо́к — это всего лишь гостиница. И не кажется ли вам, что обитатели его всего лишь временные постояльцы, оказавшиеся в нём на быстротекущий миг, прежде чем продолжить свой путь в неведомый край?

— Да, вы правы, — задумался рыцарь. — Все мы на земле скитальцы. И замо́к, как бы ни хотелось, не возьмёшь с собой.

— Единственное, что мы сможем взять с собой — добрые дела, — добавил пилигрим.

— Прошу вас, будьте моим гостем, — поклонился пришельцу рыцарь.

— Какая хорошая притча! — тихо произнесла Таня. — Я словно побывала у этого замка, хочется думать и думать о том, что ждёт нас.

— Это уж слишком! — возмутился папа. — Надо ли забивать детям голову сказками про лестницы и придуманные острова?! Реальным навыкам научить бы, а не усыплять их фантазиями, отвлекая от действительности.

— Разве человечество не спит духовно? — возразил дедушка. — И это — реальность. Разве после земной жизни наши души не вознесутся в иной мир? И разве к этой встрече не надо готовиться?

— Ещё никем не доказано существование иного мира, — категорически отрезал папа.

— Доказано, сынок, доказано. Для тех, кто смотрит на мир лишь телесными очами, любые доказательства — не факт. О таких людях сказано в Евангелии: «слухом услышите — и не уразумеете, и глазами смотреть будете — и не увидите».¹

— Общие слова. Приведи факты.

— Пожалуйста. Мощи преподобной Евфросинии Полоцкой. Прошли века, а тело её лежит нетленно.

— Это не вмещается в моё сознание, — продолжал упорствовать папа.

¹ Мф. 13:14.

— Да, сознание наше не может постигнуть чудес, даваемых нам Богом. Они открываются верующему сердцу, лишь прикоснись к ним. Вы знаете, в Полоцк, в Спасо-Евфросиниевский монастырь часто приезжают автобусы со школьниками.

«А там, — рассказывал епископ Полоцкий и Глубокский Феодосий, — великолепный дивный Спасо-Преображенский собор, там и древнейшие фрески, там — мощи преподобной Евфросинии Полоцкой.

И вот такая картина: входят ребята в монастырь стайкой сорванцов, прыгают, девчонок дергают за косы, смеются, хохочут, ведут себя дерзко.

И вот первые шаги по монастырю, идут в один храм, в другой, где преподобная лежит, — и вдруг вся эта неугомонная ватага успокаивается, усмиряется и делается сосредоточенной. Смотрит, слушает...

Проходит сорок минут, и из монастыря ребята выходят задумчивые и умиротворённые».

— Вот-вот! Либо их от земли отрывают, либо детства лишают, вбивая мысли о смерти...

— Да не о смерти, а о бессмертии! И учат вечной юности духа, учат святости!

— А как становятся святыми? — доверчиво спросила Таня.

— Представь, — предложил дедушка, — ты не просто славная девчушка, а прекрасная отроковица. Никто не может, любуясь тобой, ото-

рвать от тебя взор. Твоей руки добиваются князья. Ты и сама — княжна. Тебе подвластны десятки, сотни слуг. Любое твоё желание, даже каприз — закон для них.

А как любят, балуют тебя родители! Ещё бы: ты продолжательница знатнейшего рода самого князя Владимира Красное Солнышко.

Твои будущие владения необозримы. Тебя ждёт блистательная партия, которая приумножит богатство и знатность. Впереди море удовольствий и никаких забот: живи да радуйся... Смогла ли бы ты отказаться от таких соблазнов?

— Не знаю, — задумалась Таня.

— А Предислава детским светлым взором увидела, что все земные богатства — лишь мыльный пузырь. Сердцем она прикоснулась к миру вечной радости и любви.

«Почему же этого мира не видят люди? Может быть, они духовно слепы оттого, что не читали священных книг? Так я перепишу им их! Я каждую букровку сделаю красивой, чтобы всем захотелось прочесть божественные строки. И тогда, если Бог даст, люди забудут о суете, пожелают открыть Царство Небесное в себе».

Быть может, так, а может, совсем иначе думала красавица Предислава. Прошли века. Мы не знаем, что за мысли рождались в сердце юной княжны.

Известно, что она тайно сбегает от родителей. Да не только от родных, а от всей мирской мишуры, от земных забав, от женихов и

наслаждений; сбегает, чтобы уединиться от всех, кроме Того, Кто создал не только видимый мир, но и невидимый.

Он — Жених. Ему она отдала свою красоту, молодость и всю жизнь до последнего дыхания.

Как же были потрясены родители бегством ненаглядной, любимой дочери, их надежды! Где она могла укрыться от них? Уж не у тётки ли монахини, настоятельницы монастыря? Давно замечали непомерную склонность к молитвам. Упустили дочь! Вернуть!

Но было поздно. Предиславы уже нет. Она теперь невеста Христа. Она принадлежит ангельскому чину. Она теперь — инокиня Евфросиния.

Увидев свою двенадцатилетнюю дочь в монашеском облачении, родители предались скорби и плачу. Все мечты о её блестящем будущем рухнули!

Дочь утешала их, призывала не плакать, а радоваться: теперь она уже не невеста смертного человека, а обручена с бессмертным Богом, не с князем земным, а с Царём Небесным! Для чего же горевать?!

Со смирением и кротостью молодая инокиня исполняла все монастырские послушания, пребывая в посте и молитве, читая Священное Писание. И не только читала. Она переписывала его для других. Инокиня знала: через слово открывается нам Господь. Через слово Он поселяется в нас. Слово возносит наш дух к небу,

пробуждает в падшем человеке образ Божий. Слово благовествования — хлеб небесный, хлеб души, без него она умирает.

Но каждая буква требует многих мгновений. Люди нуждаются в благой вести, а пишется так медленно... Как быть?

Она молится. Монахи знают: путь спасения — в молитве; когда перестанет твориться молитва, кончится жизнь на земле.

А как молилась святая Евфросиния, поведал ангел Божий. Он явился во сне епископу и сказал:

— Молитва её, как благоуханное миро, как благоуханный аромат восходит к Богу.

Разве мог Бог не слышать трепетное сердце, полное любви к Нему? И кроткой Евфросинии посылается во сне Божий посланник — ангел. Он берёт её за руку и ведёт из монастыря за город к месту, называемому Сельцом, близ Софийского собор и небольшой церкви. Ангел повелел:

— Подобаает тебе здесь пребывать, потому что Бог через тебя на этом месте многих приведёт к спасению.

Видение повторилось ещё и ещё. Святая, поблагодарив Господа, ответила:

— Готово сердце моё, Боже, готово сердце моё!

В житии преподобной повествуется, что ангел Господень явился в видении епископу и сказал:

— Веди рабу Божию Евфросинию к церкви Спасителевой, находящейся при Сельце, и посели её при той церкви, дабы там был монастырь из посвящённых Богу девиц, которых Бог хочет спасти через блаженную Евфросинию. На ней пребывает Дух Святой, и как солнце сияет во вселенной, так просияет житие её.

Услышав слова ангела, епископ поспешил к юной монахине возвестить волю Всевышнего. Евфросиния же рассказала владыке о своём видении. Они поблагодарили Господа за то, что Он открыл им Свою волю.

Епископ созвал родных инокини, князей и бояр, и поведал им о видении и о решении своём:

— Вот я в присутствии вас даю Евфросинии место при церкви Святого Спаса на Сельце, дабы там был монастырь девичий. Пусть никто не препятствует ей и не отнимает у неё то, что я ей дал.

Все с согласием приняли повеление Божие.

И построен был на сем месте монастырь для девиц, желающих свою жизнь посвятить служению Богу.

Так святая Евфросиния стала наставницей, примером для многих новоначальных отроковиц.

Сама преподобная жила в крохотной келье. Поскольку число сестёр монастыря росло, решено было построить каменную церковь во имя Спасителя. Когда на её завершение не хватало кирпича, святая помолилась:

— Благодарю Тебя, Владыко Человеколюбче, всесильный Боже! Ты, даровавший нам большее, дай нам и меньшее, дабы мы могли довести дело построения храма, созданного во славу пресвятого имени Твоего, до конца.

На следующее утро после молитвы строители нашли в печи изготовленные невидимой рукой обожжённые кирпичи.

С Божьей помощью строительство было завершено и церковь освящена. Стараниями Евфросинии монахини учились переписывать священные слова, создавалась целая школа. И книги эти несли свет истины далеко за пределы Полоцкой земли.

Имя Евфросиния в переводе с греческого означает «радость». Она и есть радость для верующих не только земли Белорусской, но и всего мира.

Прошли века, а при имени её светлеет душа.

Перед своей смертью преподобная отправилась поклониться гробу Господню в Иерусалим. Там и отошла к Небесному Жениху.

Когда египетский султан захватил Иерусалим, русские монахи перенесли её мощи в Киев, а в 1910 г. их по Днепру перевезли в Полоцк.

Масса людей принимала участие в торжественных богослужениях при остановках парохода в Речице, Рогачёве, Могилёве. Из Орши в Полоцк верующие несли святую на руках.

Известны случаи исцеления у её мощей.

Она лежит, как живая, излучая удивительное тепло.

Епископ Феодосий рассказывал:

«В 1998 году церковь отмечала юбилей — 825 лет со дня кончины преподобной Евфросинии Полоцкой. Надо было готовиться к празднику, и мы решили, что поскольку облачение и обивка гроба пришли в ветхость, пора бы всё обновить.

Прикасаться к святыням непросто, но общим миром решили — надо.

Совершили богослужение, приступили к делу. Мощи были выложены из гроба на стол. Необходимо было снять покров с лика святой. Когда это сделали, то увидели закрытые глаза преподобной Евфросинии.

Мы работали шесть часов, на улице — холод, храм не отапливался. Работали в летней одежде, но холода не чувствовали. Все ощущали какую-то особенную атмосферу, чувствовали, что совершается какой-то великий духовный акт. Мы общались со святой. А значит, присутствовали на торжестве духовном, на торжестве духа. Передать это словами невозможно».

Клавиши души

— **В**от ведь как бывает! — возбуждённо поделилась мама. — На работе мне подруга рассказала про свою дочку, Настеньку. Баловалась она, копируя подпись учительницы. Никаких мыслей плохих у неё не было: копировала — и всё. Заметил папа, предостерёг:

— Не надо! Смотри!

— Да я просто так.

Бросила. Но через некоторое время взглянула на свою забаву, полюбовалась, как у неё здорово получилось. Вновь захотела попробовать, словно кто-то внутри шепнул: «Ну ещё разок, ещё попытайся, совсем как у Натальи Александровны получится. Сама учительница не отличит».

Стала Настенька украдкой тренироваться. Если кто подходил к ней, она прятала свою забаву. Вкрадчивый голос ещё более нахваливал: «Из тебя настоящая художница получится. Ты — талант!»

Через некоторое время заметили родители, что девочка часто жалуется на головные боли. Проверяли температуру — нормальная. Измеряли давление, оно оказывалось высоким. По врачам пошли из кабинета в кабинет. Те дружно заявляли:

— Не может быть! Не бывает в таком возрасте гипертонии.

По науке не бывает, а в жизни...

Малышка приходила домой встревоженная. Родителям стало ясно: что-то произошло в школе. Но что?

Девочка она совестливая, с мамой всегда откровенничала, а тут глаза прячет, хмурится. Вдруг позвонила классная:

— Настя сама себе оценку в дневнике поставила, за меня расписалась.

Вечером мама прилегла с дочуркой рядом, та прижалась к ней, вся дрожит, всхлипывает... Мама погладила её, поцеловала, Настенька всё и рассказала.

— Девочка моя, — утешила мама, — через искушения все проходят. Только ты об этом на исповеди скажи.

Настя покаялась. Гипертония прошла.

— Что за голос внутри? — поинтересовалась Таня.

— Ты что, не знаешь? — с видом знатока ухмыльнулся Серёжа. — Бесы это. Они всегда с панталыку сбивают.

— А ангел-хранитель? — возразила сестрёнка. — Он же нас всегда оберегает.

— Да, оберегает, если мы хотим его слушать, — заключила мама.

— Это мне напоминает опыт, проделанный с обезьянами, — поддержал воспитательный раз-

говор папа. — В стае был вожак. Лапища у него здоровенная. Все от страха дрожали, когда он грозно поглядывал.

И вот учёные, а происходило это в обезьяньем питомнике, усыпили главаря. Сделали ему операцию. Присоединили к коре головного мозга проводочки, а рядом поставили пульт управления с разноцветными клавишами. Нажмёт кто нечаянно на голубую — вожак со всеми ласковый. Если кто дотронется до чёрной, то он злится, глаза яростью наливаются, все от него врассыпную. Если же кто жёлтой коснулся, главарь сам хвост поджимает, убегает даже от малышей, трепеща от страха.

Заметила это стая и давай потешаться, всякой мелюзге захотелось повластвовать над вожаком. Интересный опыт, не правда ли?

— Да, интересный, — согласился дедушка. — Но как вы думаете, дети, стае нужен вожак?

— Конечно, — кивнула головой Таня, — без него порядка не будет.

— Какой порядок?! Все мгновенно передерутся. Каждый захочет быть главным, — уверенно высказался Серёжа.

— А не кажется ли вам, дорогие, что у каждого из нас в душе тоже есть пульт управления и невидимые клавиши?

— Какие клавиши? — не понял Серёжа.

— Наши желания, — пояснил дедушка. — Возникла мысль маме помочь, нажал одну клавишу желаний, вторую, третью — полилась

приятная мелодия. Пришла мыслишка покапризничать — зазвучали иные аккорды. Всё начинается с мыслей. Они рождают желания, мелодию души. И никто до твоей клавиатуры без твоего согласия не коснётся. Ты сам хозяин своих мыслей, своих желаний. Но если ты позволил усыпить себя, то тут до твоего пульта доберутся всякие мартышки и начнут играть на струнах твоей души, как им вздумается.

— Да, управлять мыслями и желаниями ох как трудно, — поделилась своими наблюдениями бабушка. — Пошла я вчера в парк...

* * *

Напротив парка есть детский садик. Малышей в этот парк на прогулку водят. Казалось бы, какие проблемы — только дорогу перейти, а на деле всё не так просто. Миша шарфик потерял, у Серёжи пуговица отлетела, а Дима драться задумал.

Алла Петровна, воспитательница, ещё с вечера пообещала, что завтра, если будет хорошая погода, дети увидят белочку, и поэтому пусть каждый принесёт ей какой-нибудь гостинец.

Только Дима пустил в ход свои кулаки, а Денис ему ответил, Алла Петровна спросила драчунов:

— Вы что, не хотите белочку угостить?

Буяны остановились. В их воображении мелькнул образ пушистой любимицы, и они решили, что подраться ещё успеют, и стали быстро собираться.

В парке было столько интересного: и качели-карусели, и красивые листья, как ковёр покрывавшие землю, и блестящие каштанчики, которые так и просились в карман. Детвора разбежалась, кто куда, забыв про белочку.

Алла Петровна Леночку позовёт — Серёжа за голубем погонится. Его за руку схватит, смотрит — Петя куда-то исчез.

Наконец-то добрались до места, где белочка обитает, и стали звать:

— Рыжик, Рыжик!

К всеобщей радости белочка появилась, однако спуститься боится — уж больно компания шумная. Когда же все затихли, белка осмелела и, озираясь, начала подбираться к орешкам. Вдруг Петя чихнул. Миг — и Рыжика как не бывало. Тут ребята накинулись на Петю, давай ругать.

Тот, потупившись, пообещал:

— Я больше не буду.

Вновь зазвучало:

— Рыжик, Рыжик!

А какой восторг был, когда белочка, ухватив орешек, отнесла его в сторону и закопала на будущее: значит, они помогут ей перезимовать! Тут уж шумным восторгам не было конца. Со всем перепугали белочку, и та удрала подальше.

Разбежались и ребята, попробуй собери!

Так и наши мысли-шалуны разбегаются, как непослушные дети. Разбегутся добрые мысли, и останется душа пустой.

— Недавно у нашей соседки из соседнего подъезда беда случилась. Милая девушка, музыкант, виолончелистка. Вы представляете виолончель? — обратилась мама к детям.

— Конечно, — поторопился с ответом Серёжа, — как скрипка, только больше, выше Таньки.

— Да. Большая, красивая. И звучит в умелых руках замечательно. Носят её в футляре. Девушка, войдя в магазин, поставила свой инструмент у входа, сама пошла к витринам, встала в очередь. Посмотрит, всё в порядке, виолончель на месте. А когда взяла футляр в руки, он оказался подозрительно лёгким. Раскрыла и глазам своим не верит — виолончель исчезла! На чём же ей теперь играть?

Может быть, и наше тело подобно футляру, а душа — инструмент, созданный для возвышенных звучаний? Только сумеем ли мы её сберечь?

— Да, ты права, дорогая, вся суть именно в этом — сохраним ли мы божественный дар, доверенный нам, — задумчиво сказал дедушка и тихо продолжил...

* * *

Замечали на перроне вокзала странного человека: ходит-бродит от вагона к вагону, блуждающий взгляд его то вспыхнет, то погаснет. Дождётся, пока поезд скроется вдаль и, опустив голову, уйдёт в сумерки привокзального сквера.

Через день-другой вновь будет ловить взором силуэты в окнах экспресса, вглядываться в лица прибывших и опять, никого не найдя, медленно покинет место встреч и расставаний.

Работники станции строили разные версии о его загадочном поведении. Кто-то предполагал, что здесь сокрыта история оборвавшейся любви. Даже придумали романтическую новеллу о нечаянной встрече с прекрасной попутчицей. Обсуждали и варианты об уехавшей жене, на возвращение которой тот надеялся.

— Вы кого-то встречаете? — иной раз спрашивали его. — Кого-то потеряли?

Он, замыкаясь в себе, невнятно бормотал:

— Да нет, я так... Ничего-ничего...

И вот однажды, когда опустел перрон, к нему подошёл носильщик и, поёживаясь, заметил:

— Что-то зябко. Не выпить ли нам по чашечке кофе?

— Что ж, извольте.

Они зашли в кафе и присели за отдельный столик. Пригласивший без умолку болтал то о забавных приключениях пассажиров, то о непостижимых причинах их странствий, то о вокзале, как перекрестке человеческих судеб, каждая из которых могла бы послужить сюжетом захватывающего романа.

— Не кажется ли вам, что это так? — словно нечаянно спросил он.

Однако собеседник не ответил. Его чашечка кофе осталась нетронутой. Да и долетал ли до

него поток слов? Разговор явно не состоялся.

В следующий вечер они вновь посидели несколько минут вместе. Станный человек не отказался, но и на сей раз ничего не рассказал о себе.

Посещения кафе стали традицией, тем не менее загадка оставалась загадкой. Приглашавший уже иссяк в поисках тем для своих монологов.

И вот однажды он неожиданно заговорил о своих неудачах, постигающих его постоянно, о бессмысленности жизни, которая становится всё очевидней и неотступней, ибо он не знает, зачем живёт.

Лишь только прозвучало это признание, глаза молчаливого собеседника вспыхнули, и он взволнованно заговорил:

— Вот-вот, это мне знакомо, очень хорошо знакомо. Однажды у меня произошёл некий разговор со случайным попутчиком. В поезде мы часто бываем предельно откровенны. Прошло лет пять. Я начал думать: а случайна ли была эта встреча?

Помню, я бесшабашно хвастался, как лихо прожигал свои годы, растрчивая себя. В ответ услышал вопрос, заставивший меня вздрогнуть:

— В погоне за наслаждениями вы не боитесь потерять свою душу?

После секундного замешательства я попытался отшутиться, поспорить, но посланный мне спутник не стал опровергать меня. Он чув-

ствовал, что я ещё не готов его слушать. Но время от времени вопрос вспоминался мне.

Потом я обратил внимание на то, что мне никого не жалко, что я никогда никому не сочувствовал, ни с кем не радовался, всех считал глупее и ниже себя, а самое главное — никого не любил.

А как жить без любви?

Жизнь сплошь окрасилась серыми тонами, и как я ни пытался её украсить, внутри меня были мрак и пустота.

Это было невыносимо. Я сказочно разбогател, торгуя водкой, достиг всего, чего хотел, а что-то главное потерял.

И тут мне вспомнился прозорливый вопрос моего давнего спутника: а не боитесь ли вы потерять свою душу? Помню, он говорил, что иногда ездит именно этим поездом. Мне бы хотелось спросить его, а как найти её?

Ему наверняка известен ответ. Ведь не зря же была та встреча. В мире, я уже понял, нет ничего случайного. Разве не так?

* * *

Есть рассказ об одном молодом человеке. Ему всё было доступно, чего бы только ни пожелал. Вскоре желания его иссякли. Он отведал все земные утехи, всем пресытился. Зачем жить дальше? В чём смысл бытия?

Однажды молодой человек забрёл на мост, который имел мрачную славу как мост отчаявшихся, мост самоубийц.

И тут его посетила злая мысль свести счёты с жизнью. Но как только молодой человек собрался прыгнуть с моста, он услышал приветливый голос:

— Мой друг! Не торопитесь! Мне кажется, что в ваших карманах много денег, а на другом берегу — жалкие лачуги. Там живут бедняки, не знающие, чем накормить плачущих от голода детей. Отдайте им свои богатства, а потом... потом как Бог даст.

При свете луны молодой человек разглядел благородное лицо много повидавшего на своём веку старца. Из его глаз струились теплота и любовь.

— Бог создал вас для добрых дел. Они ждут вас.

Старец приветливо улыбнулся и скрылся.

Когда же молодой человек стал раздавать свои богатства несчастным и их лица озарились радостью и благодарностью, то и для него забрезжил свет. Он открыл смысл жизни, открыл Бога.

Войдя в комнату Сергея, мама даже всплеснула руками:

— Серёжа, ну что мне с тобой делать?! Постель весь день не прибрана, в комнате беспорядок, задания не выполнены, дневник не заполнен.

Серёжа недовольно проворчал:

— Да приберу я, обязательно сейчас?

— И так каждый день! Утром подходишь к нему с лаской, с шуткой, стишок прочитаешь, как маленькому:

Дети, в школу собирайтесь!
Петушок пропел давно,
Попроворней одевайтесь,
Смотрит солнышко в окно.

А дитяtko нахлобучит одеяло, брыкнёт ногами и басом: «Я спать хочу!» — «Вставай! Умойся!» — «Зачем? Я вчера умывался». Каждому слову перечит. Растволкую ему задание: «Понял?» — «Вот если бы мне сейчас конфетку или шоколадку, сразу бы понял».

— А если ремешка? — поинтересовался папа. — Как ни прискорбно, придётся выпороть.

— Ну выпорем — и что? День-другой будет шёлковым, а потом вновь за ремень? А когда

вымахает до потолка — тоже пороть? Нет никакого послушания — вот в чём беда.

— Насчет послушания ты абсолютно права, — охотно поддержала бабушка. — В нём всё дело. Если бы не только дети, но и взрослые представляли, к чему приводит непослушание!

— Господь предупреждал первых людей, — напомнил дедушка, — что из-за нарушения Его заповедей, из-за непослушания войдут в жизнь болезни и смерть. Между тем послушание свойственно самой природе: солнце, луна, звёзды строго исполняют предписанный им порядок движения. И не дай Бог, если он будет нарушен. Любой атом движется по задуманной Создателем траектории. А что произойдёт, если каждому электрону вздумается летать по собственной орбите? Весь мир мгновенно разрушится.

Послушание лежит в основе поведения зверей и животных. Посмотрите, как бросаются за брошенной палкой собаки, чтобы поскорее вернуть её хозяину.

— А с каким удовольствием едва научившийся ходить малыш приносит папе тапочки или газету, — дополнила бабушка. — Ребёнку тоже хочется внести свой вклад в дела семьи. И не только семьи.

Один славный мальчик, собираясь в школу, брал с собой несколько ручек, карандашей, лишних тетрадей. Когда спрашивали, зачем ему столько, он отвечал: «А вдруг кто-нибудь забудет, и учительница будет его ругать».

Это было особое послушание. Ведь ему никто не говорил, а он делал. Кого же он слушал?

— Наверное, сердце, — предположила Таня.

— Да, голос любви, голос Бога. Это и есть высшее послушание, — подтвердила бабушка. — Уверена, что на душе у него в эти мгновения был мир. Такой мир я созерцала однажды, наблюдая, как забавлялись ещё маленькими наши внуки. Серёжа исполнял роль хозяина, а Таня превращалась в послушную собачку. Потом они менялись ролями. «Хозяин» приказывал: «Принеси книгу!» — и «собачка», на четвереньках, конечно, мгновенно приносила, клала свою «мордочку» ему на колени, ожидая похвалы. Он благосклонно её похлопывал. Чего они только не придумывали!

— Я приказывал: «Голос!» — и Танька всю гавкала.

— А я приказывала: «Стоять!» — и Серёжка вставал на «задние лапы», рукой виляя вместо хвостика.

Все засмеялись, а бабушка вздохнула:

— Сколько в этом было непередаваемо трогательного! Создавалось впечатление, что в игре они обретают важнейшую истину: кто не научится повиноваться, тот не научится повелевать.

Поразительно, что игру эту дети придумали сами. Но куда всё это потом исчезает?

— Думаю, — высказал своё предположение дедушка, — влияет окружающая среда. Весь

воздух общества с давних времён пронизан духом своеволия, дерзостным духом.

* * *

С одним золотопромышленником случилась вот такая история. Звали его Егором Петровичем. Прежде чем стать состоятельным человеком, ему довелось хлебнуть горькую чашу бедности и тяжких трудов.

Желая своему любимому сыну иной участи, он отправил его учиться в Петербург, надеясь, что после учебы сын достойно продолжит его дело.

Прощаясь с любимцем, отец взял с него слово никогда не брать в руки карты.

— Помни, сынок, как бедно я жил и как мне довелось выбиться из крепостных в люди. Если я узнаю, что ты играешь в карты, а особенно на деньги, я лишу тебя всего. Ты моё слово знаешь.

И вот, завершив учение, сын вернулся домой. На радостях пригласили в гости знакомых, у которых сынок тоже возвратился после учёбы. Во время обеда родители растроганно слушали умные рассуждения своих уже взрослых детей, дивились их учености.

После ужина молодые удалились, а старшее поколение говорило меж собой, строя планы о будущем своих наследников.

Спустя время их внимание привлёк шум в соседней комнате. Когда они туда вошли, то увидели разбросанную колоду карт и своих сыновей,

ожесточённо спорящих. Узнав, что его сын проиграл один рубль, Егор Петрович грозно спросил:

— Как ты посмел взять в руки карты? Разве ты не помнишь нашего уговора?

От возмущения его затрясло, и он упал. Очнувшись Егор Петрович уже в постели и сразу же позвал сына. Состоялся серьёзный разговор.

Как вы думаете, какое решение принял отец? Простил, строго предупредив? Лишил части наследства? Послал на чёрные работы? Завещал всё богатство племяннику, которому доверял и который вёл все его дела? Как бы вы поступили на его месте?

— Я бы простила! — недолго думая, решила Таня.

— Так. Простила бы? Предположим, пришло время, и всё наследство досталось бы сыну. Карточная страсть, дремавшая в нём в ожидании богатства, вспыхнула бы с неудержимой силой. Столь лёгкое решение не стало бы поощрением опасного порока? Охваченный азартом, сын мог бы быстро промотать всё состояние в игорных домах, влезть в долги и пустить себе пулю в лоб. В те времена была и такая мода, хотя давно известно: грех самоубийства — смертный грех, вечная гибель.

— Подумаешь! Всего один рубль проиграл. Потом, может, и остановился бы, — предположил Серёжа.

— Ты так считаешь? Сын нарушил заповедь отца, нарушил своё слово. Зная, что родители

находятся в соседней комнате, помня о запрете, он сел играть.

Это же лукавство, обман. А у апостола Иоанна сказано: диавол — отец лжи. Начав лгать, сын вступил в союз с сатаной, предал Бога. А кто падает, может ли сам остановиться? Тут сын столкнулся со страшной силой — азартом, своеобразным наркотиком. Эта страсть поработывает всего человека. Мало кто способен победить её. Причём он сел играть, ещё не обладая отцовскими сокровищами, а что было бы потом, после смерти родителей?

— Я бы отправил его поработать на рудники, — высказал своё мнение папа, — там вся дурь быстро выветривается.

— Возможно. Труд, конечно, прекрасный воспитатель, — согласился дедушка и тут же возразил: — Но червь азарта может затаиться до времени, а уж потом...

— Я, если бы увидела у него раскаяние, искреннее намерение изменить себя, простила бы его, — подумала вслух мама.

— Да, именно раскаяние! — воскликнул дедушка. — Всё дело в желании преобразиться, стать совершенно другим. Было ли оно у картёжника — неизвестно. Последний их разговор был суровым: отец лишил сына наследства, надеясь, что так тот придёт к пониманию совершённого им и станет искать путь спасения своей души.

Вскоре Егор Петрович умер.

— Да-а-а... Быть наследником громадного богатства — и всё потерять! — сокрушённо покачала головой бабушка. — Не так ли из-за непослушания Адам и Ева лишились рая? Не так ли и мы постоянно — и прежде всего из-за непослушания воле Божьей — лишаем себя радости не только в будущей жизни, но и в повседневности?

Мне довелось наблюдать жизнь одной девушки, Лидии. Сейчас она уже сама мама, и её дети на голову выше её.

А когда была школьницей, папа никак не мог заставить её сходить в магазин или в аптеку. Она находила десятки предлогов, чтобы увильнуть от поручения: то голова болит, то сердце колет, то уроки надо сделать. Папа шумел. Мама сама брала сумку и бежала за продуктами. И так продолжалось ежедневно до самого замужества.

А муж попался по натуре барин, пришлось Лидочке узнать адреса всех ближайших магазинов и рынков, а потом и аптек.

Мало того, и дети росли такими же барчуками, как папа. Мусор вынести, пол подмести, за хлебом сходить — только со скандалом.

С утра в семье не бывало радости: все пререкаются, ссорятся, дуются. А в чём дело? Вероятно, есть некий закон воздаяния: ты в детстве не был послушным — и твои дети повторят тебя, да потом и внуки. Иначе как мы откроем тайну послушания?

— Непослушание стало всеобщей эпидемией, охватившей человечество, — развил мысль дедушка. — Не слушаются не только заповедей Божьих, которых даже не знают, не слушаются воли родителей, государственных законов, голоса совести...

* * *

В 70-х годах XX века в США произошло знаменательное событие.

...Сигнальные огоньки аэродрома в Нью-Йорке приветливо звали на посадку. Пилот воздушного лайнера всего на секунду перевёл взгляд на высотомер, а когда он снова взглянул на землю, аэродрома уже не было. За эту секунду погасли огни многомиллионного города.

Это была ночь ужасов. Тысячи безработных из цветных кварталов обезумели. Началась оргия грабежей. Срывались стальные ставни магазинов, разбивались стёкла витрин. Похищалось всё, что можно было унести. Грабежи продолжались не только ночью, но и весь день в 16 районах города.

Репортёр, медленно проезжая по улице на машине, передавал: «Трудно поверить глазам, но прямо передо мной происходит открытый и массовый грабёж магазинов. Тут же на улице девчонки-подростки показывают друг другу обновки: кто платье, кто платок. Малыш тащит охапку игрушек. Двое мужчин интеллигентного вида пытаются погрузить в багажник своей старенькой машины новое кресло».

Грабежи продолжались 25 часов. Тысячи полицейских оказались бессильными перед разгулом стихии. «Весь город сошёл с ума», — заявил пожарный. А пожаров полыхало более тысячи.

Стоило энергосистеме выйти из строя, как все устои общественного правопорядка оказались растоптанными алчной толпой. Порядок восстановили, лишь введя национальную гвардию.

Страшно подумать, к чему может привести своеволие.

— А зачем же тогда дана человеку свободная воля, если она ведет к столь разрушительным последствиям? Надо ли было вообще давать её людям? — заострил проблему папа.

— Свобода воли — величайший, божественный дар, — пояснил дедушка. — Жизнь теряет смысл, если нас лишит свободы мысли, свободы выбора. Как мы сможем достичь главной цели бытия — уподобления Богу, если станем действовать по чужой воле? За возможность управления личностью силы зла на протяжении всей истории человечества ведут ожесточённую борьбу. И какие только средства не употребляются для этого!

— Когда испанские завоеватели захватили Перу, — поделилась своими знаниями мама, — они были поражены послушным нравом местных жителей. Под наблюдением малого числа надсмотрщиков аборигены безропотно работали весь световой день под палящими лучами солнца.

Они послушно выходили замуж за того или женились на той, которую им указывали. Выражение счастья не сходило с их лиц. Одно было плохо — рано умирали. Секрет такого послушания оказался прост: им с детства давали употреблять листья коки — наркотика.

— Для лишения свободы воли шли в ход, — подхватил дедушка, — и захват в плен, и власть денег, и голод. Поэт Некрасов писал:

В мире есть царь,
Этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Хлебная карточка на 125 граммов в день — страшнее гильотины, считали вожди революции.

Теперь над проблемой управления волей бьются учёные. Десятки институтов разрабатывают зловещую программу зомбирования людей, создания роботов-убийц. По замыслу учёных, маленький компьютер будет вживляться в мозг. С помощью спутниковой связи он мгновенно сможет принять любую информацию или приказ. Вживление микросхемы в мозг превратит человека в биоробота. Что это, как не дерзкое восстание против замысла Божьего о нас? А зомбирование молодёжи через музыку, где незаметно звучат призывы служить сатане?!

Но без нашего согласия никто не может овладеть нашей волей, если мы не будем играть в поддавки с Божьим противником.

По существу, свобода воли — это единственное, что у нас есть своего. Как мы ею распорядимся, кому вручим — вот в чём вопрос. Но путь своеволия — это уже известный путь гибели. Адаму казалось, что он поступает по своей воле, а за его выбором таилась подсказка лукавого змея. Приняв её, Адам вверг в бездну зла не только себя, но и весь род человеческий.

Своя воля, свои желания дают прекрасные плоды, лишь когда согласуются с волей Творца, с Его заповедями. Вспоминается такой пример.

* * *

Шестилетним мальчонкой зашёл Федя к прозорливой старице. Та его ласково приняла и предсказала, что он будет сорок лет пастухом. И назидание дала обходиться со скотиной подобному, никогда не то что палкой её не бить, но и бранного слова ей не сказать. Предсказала и поездку в Петербург к блаженной Ксении и к преподобному Серафиму Вырицкому.

Так всё и было. За свою работу Федя денег не брал. Хозяева по очереди его кормили, одежду давали.

А он выведет стадо, повесит иконку на дерево и часами молится. Одна скорбь у него была: не мог в праздник в церковь попасть. Однажды в день Преображения Господня он особенно горячо молился. Вдруг всё озарилось неземным светом, и появились Сам Спаситель с Моисеем, и Илией, и с апостолами Петром, Иаковом и Иоанном.

Когда видение исчезло, Федя со слезами просил Господа вразумить — истинное ли видение ему было. Потом взял рожок, чтобы коров по домам вести, обернулся и увидел диво дивное: коровы стояли на коленях и из глаз их текли слёзы.

Как и было предсказано, оказался Фёдор в Петербурге, а потом в Вырице. Правда, преподобного Серафима Вырицкого в живых не застал, но приходил к его могилке, молитвенно беседовал с ним постоянно.

Спустя время Фёдор и сам получил дар прозорливости.

Вот что значит жить по воле Божьей.

Воля Божья в том, чтобы нас спасти от сетей вражьих и сделать наследниками Небесного Царства.

Так зачем нам противиться? Потому преподобный Варсонофий Великий и говорил: «Держись же послушания, которое возводит на небо и приобретших его делает подобными Сыну Божию».

Сам Господь наш Иисус Христос дал нам пример святого послушания. Как молился Он в ночь перед распятием в Гефсиманском саду! Кровавый пот выступал у Него. Он просил: «Отче, если возможно, да минует Меня чаша сия».

Трижды просил, зная, какие мучения Его ждут на кресте, и трижды добавлял: «Да будет на всё воля Твоя».

Тот, кто следует примеру Господа в служении добру и любви, тот и становится наследником вечного Царства. Господь Сам об этом сказал: «Кто любит Меня, тот соблюдёт слово Моё, и Отец Мой возлюбит его, и Мы придём к нему и обитель у него сотворим».¹

¹ Ин. 14:23.

Когда Серёжа вышел из ванной комнаты, его встретил хор голосов:

— С лёгким паром!

— Наконец-то!

— То не заставишь в ванну залезть, то не вытащить.

— И всё-таки молодец: совершил победу над собой.

— Какую победу? — удивилась Таня. — Для меня ванна или душ — сплошное удовольствие.

— Ты у нас вообще почти ангел, — усмехнулся Серёжа. — Не понимаю, почему у тебя до сих пор крылышки не выросли.

— Не ссорьтесь, дети, — поспешила примирить мама. — А про купание я читала забавную историйку.

* * *

Отец Нестор, миссионер, попал на Крайний Север. Оказавшись в одной юрте, он обратил внимание на ребяташек, которые постоянно чесались. Всё тело у них было в ранках.

Миссионер попытался убедить мать в необходимости помыть детей и даже предложил свои услуги. Но мать категорически отказалась: у них никогда не мылись. Отцу Нестору стоило больших трудов добиться согласия ма-

тери разрешить помыть хотя бы одного, которого менее жалко.

Мать рискнула дать восьмилетнего, старшего. Миссионер нагрел воду, подготовил мыло, полотенце, мази и уже собрался окунуть в воду избранную жертву, как малыш поменьше кинулся защищать старшего брата. Отец Нестор лаской успокоил защитника и осторожно принялся купать храбреца.

А старший, испытывая небывалое наслаждение от тёплой воды, стал весело забавляться с пеной. Батюшка десять дней приходил к ним в юрту, повторял купание и каждый раз смазывал ранки целительной мазью.

Когда мать увидела своего преображённого сына, восторгам её не было конца. Она упрашивала гостя излечить и младшего. Отец Нестор дал согласие лишь при условии, что мать не только поможет ему, но и в будущем будет регулярно купать малышей.

— Как же там, на Севере, без ванны живут? — изумлённо спросила Таня.

— Страшнее, когда люди десятками лет не омывают свою душу, — печально покачал головой дедушка.

— Ты про то, что они не исповедуются? — догадался Серёжа.

— Да. Исповедь — наш спасательный круг. Грех — гибель. Он может проникнуть в душу незаметно, начиная с одной недоброй мысли.

* * *

Отправлялся корабль в дальнее плавание. День был прекрасный. Море спокойное. Лёгкий попутный ветер раздувал паруса. На пристани махали платками, звучали напутственные пожелания, музыка. Ничто не предвещало беды. Но в это время в трюм уже капля за каплей просачивалась вода. Опасность никто вовремя не обнаружил. Заметили лишь, когда корабль был далеко в море, а вода хлестала потоком. Корабль затонул. Увы.

Дедушка развёл руками, а бабушка продолжала:

* * *

К одному мальчугану — Вове — стали приходиться иногда плохие мысли. Его мама, уходя в больницу, сказала:

— Скоро я принесу тебе братика или сестричку.

Вова обрадовался и попросил принести всё-таки братишку. Мама послушалась, и вот в доме появился Коля. Он был такой маленький, что Вове стало жалко его.

Мама унесла новорождённого в комнату родителей, пояснив:

— Это пока, а подрастёт — перейдёт в детскую, и вы будете вместе играть.

Володя заметил, что вечером, когда он ложился спать, мама не пришла, как обычно, его поцеловать. Он не обиделся, понимая, что бра-

тишка такой беспомощный, и ему нужна забота каждую минуту.

Первое время Вова забегал в комнату, где находился малыш, по несколько раз в день, посмотреть на него. Но тот рос медленно, и надежда на совместные игры постепенно улетучивалась.

Мама занималась только Колей. Если и обращалась к Володе, то лишь для того, чтобы дать какое-нибудь поручение: сходить в магазин, подогреть кашу, помыть посуду... Раньше мама справлялась с этим сама, и Вова мог заниматься своими делами, чувствуя себя центром семьи. А тут оказалось, что ни папа, ни мама его просто не замечают.

Тем временем Коля, подрастая, сильно изменился: пухленький, голубоглазый, со светлыми кудряшками и радостной улыбкой, он вызывал восхищение у мамы. Даже голос её менялся, когда она говорила: «Ах, ты, солнышко моё!», «Золотой мой мальчик!»

И папа, беря Колю на руки, восклицал:

— Богатырь растёт! Скоро Вовку перегонит!

Это было последней каплей. Сравнили его с какой-то мелюзгой, его, который и на велике гонял, не держась за руль, и в дворовой футбольной команде был нападающим.

К тому же Коля совсем не считался со старшим братом. Он отбирал у него игрушки, разрушал дворцы, построенные Вовой из кубиков. И мама никогда не останавливала младшенького, а, наоборот, заступалась за него: «Вова! Отдай

игрушку!» или «Вытащи мяч из-под кровати!»

Вове словно кто-то стал нашёптывать: «И зачем только мама принесла в дом этого Колю? Как было хорошо без него! Любые желания сразу исполнялись, игрушки сыпались как из рога изобилия. А теперь только и слышишь: «Не капризничай! Как тебе, такому большому, не стыдно?! Бери пример с Коли — он всегда весёлый и ласковый».

С семи лет Вова стал ходить в Воскресную школу. Он любил слушать рассказы из Священной истории. Отец Александр передавал их так, как будто они происходили не в давние времена, а случаются сейчас с нами, с нашей душой. Он говорил о любви ко всем людям, даже к тем, кого мы считаем своими врагами.

— Мы сильно грешим, когда не любим ближних своих, — врезались в память слова батюшки.

Пришло время детской исповеди. К ней все ребята в Воскресной школе готовились. Заглянул в своё сердечко и Вова. «Как же так? Врагов своих и то надо любить, а я? Как я отношусь к своему братишке?..»

Когда в церкви Вова подошёл к отцу Александру, тот ласково спросил:

— Ну, что ты о себе скажешь?

Вова, преодолевая стыд, смущённо пробормотал:

— Я не люблю своего брата!

— Как? — удивился священник. — Ты не любишь своего брата? Он что, обижает тебя?

Вова даже улыбнулся:

— Да нет — он ещё маленький. Ему только полтора года.

— Ох ты! И ты не любишь эту кроху? За что же?

— На меня мама совсем перестала обращать внимание. Занимается только Колей, — сквозь слёзы попытался оправдаться мальчик.

Отец Александр покачал головой:

— Ты думаешь, с тобой, маленьким, не возились родители? А знаешь ли ты, что от тебя больше, чем от мамы и папы, будет зависеть, каким вырастет твой брат: добрым и мирным или капризным и жадным? А ты попробуй посмотреть на него глазами любви.

Вернувшись домой после исповеди и причастия, Вова сразу подошёл к брату:

— Коленька! Иди ко мне!

Коля сначала недоверчиво посмотрел на старшего брата, а потом заулыбался и радостно подбежал к нему. Он обнял Вову, а тот в первый раз поцеловал его в розовые щёчки. И вдруг какое-то тепло разлилось у Вовы в груди, и он сказал себе: «Как хорошо, что у меня есть младший брат! Какой я счастливый!»¹

— Да, — согласилась Таня, — как хорошо, что Вова полюбил своего братишку.

— А ты разве не любишь Серёжу? — испытующе посмотрел на дочку папа.

¹ Рассказ Л.И. Ганаго.

Таня опустила голову и призналась:

— Люблю. Только иногда — не очень...

— Когда — иногда?

— Когда он... — Таня замялась.

— Что он? — приготовился к бою Серёжа. — Ну говори, говори! Что молчишь?

— Когда ты только себя любишь, — выпалила Таня.

— В самую точку! — улыбнулся дедушка. — Самолюбие и есть те капли греха, которые просачиваются в трюм нашей души. Они могут затопить её, если вовремя не заметишь. Но умеем ли мы заглядывать в себя?

— Об этом я могу рассказать одну историю, — сказала мама. — Она произошла в обычной школе...

* * *

— Что это Антона Смолянского сегодня нет? — едва взглянув на класс, спросила Нина Павловна.

— Он проспал, — предположил Лёня.

— Уроки не сделал и не пошёл в школу, — высказал свою версию Павлик.

— Как это? — удивилась учительница.

— Прогулял. Дома сказал, что в школу пошёл, а сам или в парке околачивается, или в троллейбусе катается.

— А почему ты так предположил?

— Не знаю. Подумал — и всё.

— Кто ещё как считает, почему Антона Смолянского сегодня нет? — классная изучающе

смотрела на своих учеников, заново открывая их для себя.

— У него сосед во второй смене, так он ходит к нему на компьютере играть, — уверенно сказал Серёжа.

— Может, заболел? — поделилась своей версией Лена.

— Так... Подытожим, что за картина у нас получается, — рассуждала вслух Нина Павловна. — Обратим внимание, кто что предположил, и попробуем догадаться, почему он так подумал. Первая версия была «проспал». Кто мог быть автором этого варианта?

— Лёня! — дружно ответил класс. — Он сам поспать любит.

— Понятно. Второй вариант — «Прогулял. Уроки не сделал и в парке околачивается». У кого могла такая идея возникнуть?

— У Павлика, — засмеялись ребята. — Он всегда сам так делает, если задание не успеет списать.

— Что-то у нас интересное вырисовывается. Было предположение, что Антон сейчас на компьютере играет вместо того, чтобы с нами тайны мира постигать. Кто эту мысль мог высказать?

— Се-рё-жа! — проскандировал класс.

— Да? — учительница сделала вид, что удивилась. — Почему так о тебе подумали, Серёжа?

— Им завидно, что у меня компьютер и я могу играть на нём, сколько хочу.

— Теперь понятно. А кто решил, что Антоша болен?

— Лена, Лена! — слышалось со всех сторон.

— И тут ясно. У Леночки слабые бронхи, и мама, боясь, чтобы она не разболелась, часто не пускает её в школу. Да, действительно, любопытная картина вырисовывается: казалось бы, рассуждали о других, а получилось, что говорили о себе. Вам интересно было бы узнать, почему на самом деле Антона сегодня нет в школе?

— Да, да!

— А вы позвоните. У меня мобильник есть, — предложил Серёжа.

— Ему сейчас лучше не звонить, — загадочно сказала Нина Павловна.

— Почему? — заинтересовался весь класс.

— Прежде чем ответить, я хочу вам раскрыть одну тайну.

— Какую?

Наступила мёртвая тишина, все сидели не шелохнувшись.

— Мы видим мир и людей, как в зеркале: добрый всех видит добрыми, прогульщик — и всех прогульщиками... Как говорится, рыбак рыбака видит издалека.

Тут поднялся такой шум, что классной едва удалось утихомирить детей.

— А как вы сами думаете, почему Антона нет? — хитро поглядывая на учительницу, спросил Петя.

— Я не думаю, а точно знаю. Его родители меня предупредили, что они переезжают на новую квартиру и Антоша сегодня в школу не придёт.

— Зачем же вы нас тогда спрашивали? — удивился Петя.

— Мне захотелось поближе познакомиться с вами, и чтобы вы сами узнали себя — что́ в вашем сердце.

Двери в вечность

— **С**егодня я получил письмо из Челябинска. Мне бы хотелось познакомить вас с ним, — обратился дедушка к внукам. — Но сначала я хочу спросить вас, о чём вы мечтаете?

Таня и Серёжа, никак не ожидая подобного вопроса, призадумались.

— А о чём мечтают ваши друзья?

— Димка о компьютере, Вовка — о машине, — вспоминал Сергей. — А что?

— Мечта — это маяк, освещающий жизнь. Даже говорят: скажи, о чём ты мечтаешь, и я скажу, кто ты.

— Но мечты меняются с возрастом, — заметил папа.

— Некоторые меняются, и хорошо, что меняются, — согласился дедушка. — А некоторые... Письмо, о котором я говорил, написала замечательная воспитательница, Татьяна Григорьевна Феоктистова. Она заведует детским садиком и преподаёт в Воскресной школе, так что дети у неё самые разные. Татьяна Григорьевна спросила у 4–5-летних крошек, о чём они мечтают. Те ответили:

— Покататься на облаках.

— Ух ты! — засмеялась Таня.

— Поплывать в море с дельфинами.

— Я бы тоже не прочь! — пооткровенничал Серёжа.

— Одна девчушка мечтает съездить в Москву к Филиппу Киркорову.

— Какая глупая мечта, — огорчилась Таня.

— Подрастёт — поумнеет, — философски заметил брат.

— Ну, это ещё неизвестно, поумнеет ли, — возразила мама. — Одного уже далеко не молодого человека, осуждённого на смерть, спросили о последнем желании. Вы знаете, что в некоторых странах есть обычай, прежде чем казнить преступника, побаловать его исполнением какой-либо прихоти. Как сообщалось в газетах, этот приговорённый попросил дать ему ещё неделю жизни. Для чего? Вы ни за что не догадаетесь. Оказывается, ему хотелось узнать, выиграет ли его любимая команда «Красные дьяволы». И всё! Больше в этом мире его ничто не интересовало. Любопытно, о чём он мечтал в детстве?

— Как-то страшновато за него, — задумчиво проговорила бабушка.

Ей никто не ответил, а дедушка опять взглянул на письмо.

— Но у ребятшек есть и другие мечты: стать волшебником, чтобы всем дарить подарки.

— Какой добрый малыш! — заулыбалась Таня.

— Иметь сестрёнку или братишку! — зачитывал дедушка.

— Какие хорошие мечты, — улыбнулась и бабушка.

— Ну а вот совсем удивительное признание, — продолжил дедушка. — «Хочу стать патриархом».

— Вот это да! — удивился Серёжа.

— В пять лет думать о таком служении... — мама даже развела руками.

— А вот как дети рассуждают в возрасте шести-семи лет: один хотел бы стать сильным, чтобы защищать слабых. Другой собирается лечить животных. Кто-то мечтает, чтобы мама и папа никогда не ссорились, чтобы все люди были милосердными, не болели. А один малыш сказал: «Хочу, чтобы у меня было чистое сердце».

— А что значит чистое сердце? — не удержалась от вопроса Таня.

— Хорошо спросила, Танюша, хорошо, — одобрил дедушка. — Может, сама и ответишь?

— Я думаю... — девочка почему-то перешла на шёпот, — иметь чистое сердце — значит всех любить, всем желать добра...

— Умница ты моя! — похвалила внучку бабушка.

— Но разве это возможно — всех любить? — усмехнулся папа. — Это же очередная фантазия.

— Да. Человеку достичь этого трудно, — подтвердил дедушка, — потому верующие и молят: «Сердце чисто созижди во мне, Боже»... И ещё одна прекрасная детская мечта в этом письме: «Хочу Царства Небесного».

— Вот это мечта так мечта, — растроганно оценила бабушка.

— Но достичь этого можно лишь с помощью Божьей и в Церкви, — пояснил дедушка.

— Ну почему опять церковь, будто человек сам всего лишь овечка? — проворчал папа. — Неужели от него ничего не зависит?

— Зависит, и именно от него, куда он захочет идти — в казино, в компьютерный клуб или в храм Божий, — согласился дедушка.

— А у нас многие ребята ходят играть в компьютерный клуб, — включился в спор Серёжа. — Там не только «стрелялки», но и всякие «догонялки».

— Догонялки? — переспросил дедушка. — Что же они, интересно, догоняют? Улетающие мгновения жизни? Ну, погоняется за виртуальными целями ребёнок час, два, неделю, год — и что? Что в душе вырастет? Жажда власти, желание повелевать, жестокость, вера в себя, а не в Бога — это же гибельный путь для души. Подумай, дружок! А вот когда человек переступает порог дома Божьего, то на него струятся волны божественные. Главное, чтобы он сделал хотя бы шаг к Богу. Но как бывает трудно сделать этот шаг...

* * *

Один мальчуган совсем отбился от рук, никакой управы на него нет. А ведь ему всего десять лет минуло. Что дальше с ним делать? Повела его мама вместе с дочкой в церковь —

может, Господь поможет? И тут на мальчишку свора злых духов невидимых напустилась, жужжат, как мошкара:

— Куда ты?! Вернись!

— Сейчас боевик по телеку покажут. Мало ли, что мама не разрешает.

— Пора самому решать. Вон какой уже вымахал.

Мальчик неуверенно пролепетал маме:

— Я домой пойду. У меня живот заболел.

— Не выдумывай! — строго отрезала она и с дочкой вошла в храм.

Мальчуган побродил возле входа, побродил. На него опять невидимая стая накинулась, внушает:

— Не заходи туда, чего ты там потерял? Сюда только дряхлые старухи ходят.

— Видишь, соседка из твоего подъезда тебя заметила. Разболтает всем. В школе смеяться будут.

Однако заходили в храм и молодые парни, и даже сверстники. Перекрестятся, поклонятся и войдут.

Сестрёнка выглянула:

— Чего ты? Тебя мама зовёт.

И он, перекрестившись, переступил порог.

А там происходило нечто странное: озабоченные, даже мрачные люди подходили к священнику и, поговорив с ним, отходили с просветлёнными лицами, словно с них спадал груз, разрывались какие-то цепи.

Но приступить к этому таинству оказалось непросто. Опять кто-то стал нашёптывать:

— Тебе жарко. Сними куртку.

Мальчуган снимал, но через минуту она опять оказывалась на нём. А голоса вновь подсказывали:

— Посмотри, какие на ней молнии, какие кнопки!

— А что у тебя в карманах? Глянь!

И он послушно смотрел.

— Ах, как устали твои ноги, бедняга. Присядь!

Мальчик присаживался на корточки, но через несколько секунд вновь вставал.

А служба шла, звучали песнопения, слова о страданиях Христа. Но всё это пролетало мимо сознания мальчишки. Он сам себя чувствовал страдальцем и, заметив освободившееся местечко, присел на скамейку для немощных.

К нему наклонился мужчина с тросточкой:

— Ты молодец, дорогой.

Малыш удивился. Он никак не ожидал похвалы.

— Если бы ты видел, сколько злых духов витают над тобой, пытаются одолеть... Ты же знаешь, что каждую секунду за твою душу идёт борьба.

Мальчуган согласно кивнул.

— Вот и сейчас они хотят не допустить тебя к исповеди, боятся, что ты вырвешься из их власти. А ты, чтобы их победить, крестись. По-

смотри, как мама твоя молится. Ей ведь тоже нелегко.

Следы скуки на лице мальчика исчезли.

— А как тебя звать, дружок?

— Марсель.

— Марсель? Ишь ты... А почему Марсель?

— Да папа моряк. Ему нравится этот порт.

— А ты крещёный?

— Да.

— И какое имя тебе было дано при крещении?

— Михаил.

— Михаил? Вот как... Вон икона твоего святого. Видишь, со щитом и копьём. Поклонись ему, он и тебе поможет стать воином Христовым.

В глазах Миши вспыхнул интерес. Он неуверенно направился к иконе своего небесного защитника.

После причастия мама обняла сына, и он прижался к ней.

— Так в церкви, начиная с крещения, происходит возвращение к нашим истокам, — продолжал дедушка. — Это путь невидимой борьбы.

— Ну-ка, дети, скажите, что же произошло с мальчиком?

— Миша сначала не хотел идти в церковь, а потом послушался маму и пошёл, — уверенно ответила Таня.

— А ещё?

— Он, как ни нападала на него всякая «мошкара», выстоял, — заметил Серёжа.

— Что ещё?

— А ещё Миша исповедался, причастился, — дополнил Серёжа.

— Верно, верно. Но что сделал малыш, когда принял Святые дары?

— Он к маме прижался! — вспомнила Таня.

— Да, да! — дедушка был явно доволен ответами внуков. — Церковь преображает человека. Непослушный мальчуган, который огорчал маму, вдруг что-то ощутил в своём сердечке. Что же?

— Ты детям задаёшь слишком сложные вопросы, — вмешалась мама, — на них не каждый взрослый ответит. Недавно в книге священника Бориса Ничипорова, психолога, мне встретились такие слова: «Я вхожу в храм, и в моей душе теснится рой чувств: осуждения, обиды на близких. Начинаю молиться, и как-то незримо душа освящается, и становится тепло. Это благодать Святого Духа. Пришла благодать в душу. Ты исповедался и причастился Святых Христовых Таин — где осуждение, где обиды?! Прихожу домой и вижу, какие чудесные люди мои родные и какой любви они достойны! И мне стыдно, что я так мало бываю с ними, так мало делаю для них добра».

— Замечательно, — поддержал дедушка. — Но не будем забывать и слова апостола Павла: «Разве вы не знаете, что вы — храм Божий и Дух Божий живёт в вас?»

Конечно, Дух Божий пребывает в тех, кто исполняет заповеди любви, в тех, кто призывает Его к себе.

— Прости, — перебила бабушка, — мне захотелось рассказать об одной девочке. Её звали Пашей.

* * *

Когда Паше исполнилось пять лет, шёл 1932 год. Это было время страшных гонений на Церковь. Храмы закрывали, взрывали, священников и верующих сажали в тюрьмы.

И вот в дом, в котором жила Паша с родителями, из далёкой Сибири приехала старшая сестра папы, тётя Катя, со своим мужем — дядей Гришей.

Тётя Катя сразу понравилась Паше. Когда она улыбалась, её серые глаза голубели, и около них появлялись ласковые лучики. Дядю Гришу Паша не успела рассмотреть. Он сразу вошёл в приготовленную для них комнату и уже ни разу не выходил оттуда.

Но однажды, когда тётя Катя готовила на кухне обед, Паша вошла к нему. Дядя Гриша лежал на кровати худой и бледный. Увидев Пашу, он громко закричал:

— Катя, Катя, скорее спрячь девочку! Заберут!

Паша не испугалась. Она подошла к кровати и ласково сказала:

— Успокойся, дядя Гриша. Я — Паша, и никто меня не заберёт. Я посижу с тобой, пока придёт тётя Катя, хорошо?

Она села на край кровати и стала гладить его по голове. Папа так всегда делал, когда что-либо пугало Пашу.

Дядя Гриша сразу успокоился и тихонько спросил:

— А меня не заберут?

— Нет, конечно, — ответила девочка. — Не бойся, дядя Гриша. Никто тебя не обидит.

Тут в комнату вбежала взволнованная тётя Катя. Но увидев, как мирно разговаривают её муж и маленькая девочка, успокоилась и даже прослезилась. С тех пор Паша стала приходить к дяде Грише каждый день. Однако скоро посещения прекратились. Дядя Гриша почувствовал себя плохо и внезапно умер.

После похорон тётя Катя перешла жить к Паше в детскую. Вечером Паша увидела, что тётя стоит на коленях перед висящей над её кроватью иконой, плачет и о чём-то сама с собой разговаривает. Паша подбежала к ней, обняла и тоже заплакала.

— Я больше никогда не увижу дядю Гришу! — сквозь слёзы говорила она. — А я уже так полюбила его!

Тётя Катя села вместе с девочкой на кровать и, прижимая её к себе, сказала:

— Увидишь, Пашенька! Человек умирает только телом, а его душа переселяется на небо, к Богу. Дядя Гриша был священником, и его за это посадили в тюрьму к бандитам. Они загоняли его под нары, а сами разыгрывали в

карты: убить его или оставить жить. Выпустили его из тюрьмы, только когда он сошёл с ума. За его страдания Бог отпустит ему грехи и возьмёт в райские обители. Надо только молиться за него.

И она стала рассказывать Паше о земном рае, об изгнании людей за непослушание, о приходе на землю Спасителя Иисуса Христа, Его крестной смерти за нас, людей, и Воскресении.

— Вот так и мы воскреснем, Пашенька, при втором пришествии Христа.

— Почему же мама и папа не сказали мне ничего о дяде Грише? — удивилась Паша.

— Твои родители тоже много пережили. За веру в Бога их могли посадить в тюрьму или сослать в ужасные лагеря за колючую проволоку. Они считали, что ты ещё маленькая и тебе пока не надо знать обо всех событиях, происшедших в их семье. Так что, детка, никому не говори о том, что ты от меня услышала.

Так у Паши и тётки Кати появилась первая тайна. Теперь каждый вечер тётка Катя рассказывала племяннице истории из Ветхого Завета, читала главы из Евангелия и жития святых.

У Паши и тётки Кати была и вторая тайна. В воскресные дни, гуляя, они заходили на кладбище, где был похоронен дядя Гриша. Они молились, а затем шли в кладбищенскую церковь, единственную во всём городе, где совершались службы. Тётка Катя и Паша подходили к иконам и целовали их, часто причащались.

И была у Паши с тётёй Катей ещё одна тайна. Дело в том, что мама покупала сладости только для Паши и проходящих изредка гостей. «На взрослых, — объясняла она, — не хватает денег». Паша считала, что это несправедливо по отношению к тётё Катю — ведь она тоже была гостьей, да ещё старенькой. К тому же мама сама иногда говорила: «Малый что старый — разницы нет».

Поэтому всякий раз, получая что-нибудь вкусное, Паша прятала половину в свой карманчик и угощала тётю Катю, когда они уходили в свою комнату. Сначала тётя Катя отказывалась, но, видя огорчение девочки, смирилась и, вздыхая, ела принесённые племянницей гостинцы. При этом глаза её голубели, а лучики светились сильнее. И Паша поняла, что делиться с другими намного приятнее, чем брать себе.

Чему только не научила Пашу тётя Катя: читать, шить, готовить. И скоро единственная кукла Паши блистала нарядами, а мама и папа удивлялись, какие ровненькие и красивые получались у дочки пирожки и пельмени.

— Но самое главное, — внушала тётя Катя Паше, — это быть хранительницей домашнего очага. Без мира в семье и вкусные пироги покажутся горькими. Девочка должна учиться этому с детства.

Она часто повторяла свою любимую пословицу: «Чему Ваня не научился, то Иван уже не выучит».

Но скоро счастливая жизнь маленькой Паши закончилась. Умер папа, уехала в свою Сибирь, а потом и умерла тётя Катя — её крёстная, как она узнала позднее от матери.

Но Паша не плакала долго. Она верила, что встретит их на небе. Надо только молиться о них и жить по Божьим заповедям. И Паша просила Бога помочь ей выполнить завещание тёти Кати — сохранять в доме мир, согласие и любовь.¹

— Ну и как, сбылись её мечты? — с иронией спросил папа.

— Сбываются, сбываются, — тихо проговорила бабушка.

— Сбудутся, — уверенно добавил дедушка, — непременно сбудутся, если с Богом, с Церковью жить будут.

— Опять ты про церковь! — вспыхнул папа. — Разве нет хороших семей без неё?

— Согласись, — возразил дедушка, — хорошей семьи без любви не бывает. Так?

— Ну так.

— А Бог и есть любовь. Местом, где можно встретить Бога, и является храм. Недаром говорится: кому Церковь не мать, тому Бог не отец. Двери храма — это не только двери к миру, любви, но и двери к небу, к вечной жизни. И кого зовёт храм, тот услышал зов Божий. Значит, имя его уже записано в Книге жизни.

¹ Рассказ Л.И. Ганаго.

Оглавление

Вместо предисловия

5

Вечер первый

КНИГА ЖИЗНИ

9

Вечер второй

ПОМОЩЬ С НЕБА

21

Вечер третий

В КАКОМ Я ДУХЕ?

30

Вечер четвёртый

ТЕРЕМОК ДУШИ

42

Вечер пятый

О ДУХОВНОМ ЗРЕНИИ

56

Вечер шестой

ПОТОП

67

Вечер седьмой

ОБ ОБРАZE БОЖЬЕМ

81

Вечер восьмой

КТО Я?

94

Вечер девятый

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

107

Вечер десятый

ДЕТИ, БЕРЕГИТЕСЬ БАОБАБОВ!

119

Вечер одиннадцатый
КУДА ТОРОПИМСЯ?
131

Вечер двенадцатый
О СМИРЕНИИ
144

Вечер тринадцатый
ПЕРВООБРАЗ
157

Вечер четырнадцатый
ГОТОВО ЛИ СЕРДЦЕ?
169

Вечер пятнадцатый
ГЛАВНАЯ ЗАПОВЕДЬ
184

Вечер шестнадцатый
ВЫБОР
197

Вечер семнадцатый
ГОТОВО СЕРДЦЕ МОЁ!
208

Вечер восемнадцатый
КЛАВИШИ ДУШИ
220

Вечер девятнадцатый
О ПОСЛУШАНИИ
231

Вечер двадцатый
ВСТРЕЧА С СОБОЙ
245

Вечер двадцать первый
ДВЕРИ В ВЕЧНОСТЬ
256

Духовно-просветительное издание

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ
ГАНАГО БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ

ГОТОВО ЛИ СЕРДЦЕ?

СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

www.veinik.by

Ответственные за выпуск:

Александр Вейник, Игорь Вирковский

Подписано в печать с готовых диапозитивов
заказчика 24.04.2011. Формат 60х84 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 15,87. Уч.-изд. л. 7,29.

Тираж 4285 экз. Заказ № 1310.

Братство в честь святого
Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии
Белорусской Православной Церкви,
ЛВ № 02330/0494311 от 04.03.2009,
220020, Беларусь, Минск, пр. Победителей, 82.

ПРУП «Минская фабрика цветной печати»,

ЛП № 02330/0494156

220024, Минск, ул. Корженевского, 20.

